

Научный журнал "Известия Восточного института" является преемником одноимённого периодического издания, первый выпуск которого вышел в свет в 1900 г. Издание возобновлено в 1994 г. До 2011 г. журнал выходил под названием "Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета". Периодичность издания – четыре раза в год. ISSN 2542-1611. Индекс 42398.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет". Адрес: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10. Публикации "Известий Восточного института" фиксируются в международной базе данных CrossRef, поддерживаемой Агентством регистрации Цифровых Идентификаторов Объекта (Digital Object Identifier – DOI). Префикс doi: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Статьи и материалы, опубликованные в журнале, индексируются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, а также доступны через сайт научной электронной библиотеки "КиберЛенинка".

Научный журнал "Известия Восточного института" посвящён проблемам международных отношений, регионоведения и страноведения АТР. Приоритетными темами для журнала являются особенности развития азиатских и тихоокеанских стран (прежде всего, Восточной, Южной и Центральной Азии), история и настоящее Восточной Сибири и Дальнего Востока России.

К публикации в журнале принимаются статьи и научные материалы преподавателей и сотрудников ДВФУ, других образовательных и научно-исследовательских организаций России и зарубежных стран, а также всех заинтересованных и компетентных исследователей.

Выпуски журнала включают следующие основные рубрики:

"История"
"Литературоведение"
"Лингвистика"
"Политика"
"Архив"
"Рецензии"
"Научная жизнь"

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Известия Восточного института", соответствует следующим группам научных специальностей:

5.5. Политология,
5.6. Исторические науки,
5.9. Филология.

Журнал "Известия Восточного института" входит в список рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 28.11.2022 года):

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки),
5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)..

Адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Сайт журнала: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Журнал отпечатан в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета.

Адрес: 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

Тираж 100 экз. Цена свободная.

Главный редактор

Дмитриева Марина Олеговна, канд. полит. наук,
доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционный совет

Азизян Рубен Михайлович, канд. ист. наук, директор Центра исследований обороны и безопасности Университета Мэсси, Новая Зеландия.

Араи Хирофуми, старший научный сотрудник Института экономических исследований Северо-Восточной Азии (ERINA), г. Ниигата, Япония.

Бакланов Петр Яковлевич, академик РАН, доктор геогр. наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Курилов Владимир Иванович, доктор юрид. наук, профессор, г. Владивосток, Россия.

Ларин Виктор Лаврентьевич, академик РАН, доктор ист. наук, заведующий Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Прошина Зоя Григорьевна, доктор филол. наук, профессор факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Сунь Юйхуа, доктор пед. наук, советник ректора Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь, КНР.

Фудзимото Вакио, доктор ист. наук, ректор Осацкого университета экономики и права, почётный профессор Осацкого государственного университета, почётный доктор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Осака, Япония.

Хаматова Анна Александровна, канд. филол. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Редакционная коллегия

Барбенко Ярослав Александрович, канд. ист. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Бутенина Евгения Михайловна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор ист. наук, заведующая отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Вольтчук Андрей Борисович, доктор полит. наук, ведущий научный сотрудник отдела международных отношений и региональной безопасности Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Демьяненко Александр Николаевич, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Дударёнок Светлана Михайловна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Дятлов Виктор Иннокентьевич, доктор ист. наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, профессор кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета, г. Иркутск, г. Томск, Россия.

Завьялов Виктор Николаевич, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и издательского дела Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск, Россия.

Завьялова Ольга Исааковна, доктор филол. наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, г. Москва, Россия.

Золотухин Иван Николаевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Иванов Сергей Александрович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Изотов Дмитрий Александрович, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, г. Хабаровск, Россия.

Караман Вадим Николаевич, канд. ист. наук, ведущий методист Государственного объединённого музея-заповедника истории Дальнего Востока имени В.К. Арсеньева, г. Владивосток, Россия.

Кейдун Ирина Борисовна, доктор филос. наук, профессор кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Киреев Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии ВИ–ШРМИ ДВФУ (ответственный редактор), г. Владивосток, Россия.

Кожевников Владимир Васильевич, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.

Козлов Леонид Евгеньевич, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Колотов Владимир Николаевич, доктор ист. наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока Санкт-Петербургского государственного университета, директор Института Хо Ши Мина, г. Санкт-Петербург, Россия.

Кузнецов Анатолий Михайлович, доктор ист. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Ловцевич Галина Николаевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.

Лукин Артём Леонидович, канд. полит. наук, заместитель директора по науке и инновациям ВИ–ШРМИ ДВФУ, доцент

кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ (зам. главного редактора), г. Владивосток, Россия.
Моргун Зоя Фёдоровна, канд. ист. наук, доцент кафедры японоведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Мошков Анатолий Владимирович, доктор геогр. наук, главный научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.
Николаева Ольга Васильевна, доктор филол. наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Первущина Елена Александровна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Пеццов Сергей Константинович, доктор полит. наук, профессор кафедры международных отношений ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Поправко Елена Александровна, доктор ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин "Военной академии материально-технического обеспечения им. А.В. Хрулёва" Минобороны РФ, г. Санкт-Петербург, Россия.
Пустовойт Евгений Валерьевич, канд. ист. наук, г. Владивосток, Россия.
Савченко Анатолий Евгеньевич, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.
Сбоев Александр Николаевич, канд. филол. наук, доцент кафедры китаеведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Севастьянов Сергей Витальевич, доктор полит. наук, профессор департамента политологии и международных отношений Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики", г. Санкт-Петербург, Россия.
Соколовский Александр Якубович, канд. филол. наук, профессор кафедры Тихоокеанской Азии ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Сторожук Александр Георгиевич, доктор филол. наук, заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.
Терехова Евгения Викторовна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков Национального научного центра морской биологии им. А.В. Жирмунского ДВО РАН, г. Владивосток, Россия.
Толстокулаков Игорь Анатольевич, доктор ист. наук, профессор кафедры корееведения ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Цветов Петр Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ, г. Москва, Россия.
Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы ВИ–ШРМИ ДВФУ, г. Владивосток, Россия.
Щукина Дарья Алексеевна, доктор филол. наук, заведующая кафедрой русского языка и литературы Санкт-Петербургского горного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

The academic journal "Oriental Institute Journal" is the successor to the eponymously named periodical, the first issue of which was released in 1900. Publishing was resumed in 1994. Until 2011, the journal was published under the name "Izvestia of the Oriental Institute of the Far Eastern State University". The frequency of publication is four times per year. ISSN 2542-1611. Subscription index – 42398.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Registration certificate – PI № FS77–36364 dated May 20, 2009.

Founder and publisher: Federal state autonomous educational institution higher education "Far Eastern Federal University". Address: 690922, Russia, Primorsky Territory, Vladivostok, Russky Island, Ajax, 10.

Publications of the "Oriental Institute Journal" are recorded in the international CrossRef database maintained by the Agency for Registration of Digital Object Identifiers (Digital Object Identifier – DOI). DOI prefix: <https://doi.org/10.24866/2542-1611>.

Articles and materials published in the journal are indexed in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI) on the website of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU, and are available through the site of the scientific electronic library "CyberLeninka".

"Oriental Institute Journal" is the academic journal dedicated to the problems of international relations, as well as to area and country studies of Asia Pacific. The priority topics for the journal are the features of the development of Asian and Pacific countries (primarily East, South and Central Asia), history and present of Eastern Siberia and the Russian Far East.

Articles and research materials provided by FEFU teachers and staff, and by investigators of other Russian and foreign-based educational and research organizations, as well as by all interested and competent researchers, are accepted for publication in the journal.

The journal issues include the following main subject headings:

"History"
"Literary Studies"
"Linguistics"
"Politics"
"Archive"
"Reviews,
"Scientific Life"

The subjects of articles accepted for publication in the journal "Oriental Institute Journal" correspond to the following groups of scientific specialties:

5.5. Political science,
5.6. Historical sciences,
5.9. Philology.

"Oriental Institute Journal" is included in the list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Sciences in the following scientific specialties and their respective branches of science (as of November 28, 2022):

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences),
5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences),
5.6.1. Domestic history (historical sciences),
5.6.2. General history (historical sciences),
5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences).

Editorial address: 690922, Vladivostok, Russky Island, FEFU campus, building D (20), room D620.

Journal website: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/. E-mail: izvestyavi@yandex.ru

The journal was printed in the printing house of the Publishing House of the Far Eastern Federal University.

Address: 690091, Vladivostok, Pushkinskaya St., 10.

Circulation 100 copies. The price is free.

Editor in Chief

Marina O. Dmitrieva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Council

Ruben M. Azizyan, Ph.D. in History, Full Professor, Director of the Centre for Defence and International Security Studies at Massey University (New Zealand).

Hirofumi Arai, Senior Research Fellow, Economic Research Institute for Northeast Asia (Niigata, Japan).

Petr Ya. Baklanov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Geographical Sciences, Scientific Director of the Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Vladimir I. Kurilov, Doctor of Law, Full Professor (Vladivostok, Russia).

Viktor L. Larin, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Principal Research Fellow, Head of the Center of Asia-Pacific Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Zoya G. Proshina, Doctor of Philological Sciences, Full Professor, Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University (Moscow, Russia).

Yuhua Sun, Doctor of Education, Advisor to the President of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China).

Vakio Fujimoto, Doctor of History, President of Osaka University of Economics and Law, Honorary Professor at Osaka University, Honorary Doctor at Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Osaka, Japan).

Anna A. Khamatova, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Editorial Board

Yaroslav A. Barbenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Evgenia M. Butenina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Andrey B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Department of International Relations and Regional Security, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexandr N. Demyanenko, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Svetlana M. Dudaryonok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophy, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Viktor I. Dyatlov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World History and International Relations, Irkutsk State University; Professor, Department of Anthropology and Ethnology, Tomsk State University (Irkutsk, Tomsk, Russia).

Viktor N. Zav'yalov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Publishing, Pacific State University (Khabarovsk, Russia).

Ol'ga I. Zav'yalova, Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Ivan N. Zolotukhin, Candidate of Political Sciences, Head of Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey A. Ivanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of Chinese Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Dmitry A. Izotov, Candidate of Economics, Leading Researcher, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Khabarovsk, Russia).

Vadim N. Karaman, Candidate of Historical Sciences, Leading Methodologist of Museum of the History of the Far East named after V.K. Arsenyev (Vladivostok, Russia).

Irina B. Keidun, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anton A. Kireev, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia) (Executive Editor)

Vladimir V. Kozhevnikov, Candidate of Historical Sciences, Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Leonid E. Kozlov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Vladimir N. Kolotov, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of History of the Far East, St. Petersburg State University, Director of the Ho Chi Minh Institute (St. Petersburg, Russia).

Anatolij M. Kuznetsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far

Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Artyom L. Lukin, Candidate of Political Sciences, Deputy Director for Science and Innovation of Institute of Oriental Studies – School of Regional and International Studies, Associate Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Zoya F. Morgun, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Japanese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Anatoly V. Moshkov, Doctor of Geographical Sciences, Chief Researcher, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Olga V. Nikolaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Linguistics and Intercultural Communication, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Pervushina, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian as a Foreign Language, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of International Relations, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Elena A. Popravko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, A.V. Khrulev Military Academy of Logistics of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia).

Evgeny V. Pustovoi, Candidate of Historical Sciences, (Vladivostok, Russia).

Anatoly E. Savchenko, Candidate of Historical Sciences, Deputy Director for Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Russian Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Alexander N. Sboev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Chinese Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Sergej S. Sevastyanov, Doctor of Political Science, Professor, Department of Political Science and International Relations, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia).

Alexander Ya. Sokolovsky, Candidate of Philological Sciences, Professor, Department of Pacific Asia, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Alexander G. Storozhuk, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Chinese Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Foreign Languages, National Scientific Center for Marine Biology named after A.V. Zhirmunsky, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia).

Igor A. Tolstokulakov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Petr Yu. Tsvetov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Elena S. Sheremetyeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia).

Dar'ya A. Shchukina, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of Russian Language and Literature, St. Petersburg Mining University (St. Petersburg, Russia).

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 4 (56) • 2022

Научный журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 1900 г.

Возобновлён в 1994 г.

До 2011 года выходил
под названием "Известия
Восточного института
Дальневосточного
государственного
университета"

ISSN 2542-1611

Индекс 42398

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4>

СОДЕРЖАНИЕ

ДИНАМИКА ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

От редактора рубрики 11

Фадеева Е.В. Роль семейного воспитания
в формировании духовно-нравственных
ценностей в семье коренных народов Нижнего
Амура и Сахалина: традиция и современность 13

Фетисова Л.Е. Ценностные ориентиры
тунгусоязычных народов: устойчивость и
развитие 27

Андриец Г.А. Духовные ценности в
праздничном досуге горожан юга Дальнего
Востока России (конец XIX – начало XX вв.) 38

Киселева М.С. Диалог человека и тигра в
контексте проблемы духовных ценностей
в современной дальневосточной прозе (на
примере сборника П.В. Фоменко "Поцелуй
тигрицы") 48

Поповкин А.В., Поповкина Г.С. Взгляд на
"цифровизацию" с точки зрения жизненных
смыслов и ценностей 56

ИСТОРИЯ

Бутырин Д.А. Дальневосточная одиссея
военкора Б.Л. Тагеева 66

Поповкина Г.С. Традиционная китайская
медицина в контексте пандемии Covid-19 в
русскоязычных СМИ и научных публикациях 76

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Губченко А.П. Жанрообразующие элементы в
мемуарах Сэндз Холл "Flunk. Start: Reclaiming My
Decade Lost in Scientology" 87

ЛИНГВИСТИКА

Орлова Н.В. Дискурсивное переключение
как лингвокреативный приём (на материале
комических жанров масс-медиа) 93

Белокурова Е.В., Генидзе Н.К. Стереотипное
и творческое в заголовках Rossica: корпусное
исследование 104

Хабибуллина Л.Г. Синтаксическое
выражение и основные конструкционные
модели пояснительных отношений
в тюркских языках 114

Береза Е.В. Основные функции 3 de (的, 得, 地)
в современном китайском языке 120

ПОЛИТИКА

Танцура М.С., Леоненко Т.П. Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы	131
Дударенок С.М. Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного федерального округа: история и современность	138

Подписка на журнал принимается во всех почтовых отделениях. Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (Том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала: 42398.

Сайт издания: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/
или <http://bit.ly/1g20Qsu>

Электронная почта: izvestyavi@yandex.ru

Почтовый адрес редакции: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10,
редакция журнала "Известия Восточного института"

Фактический адрес редакции: г. Владивосток, о. Русский, кампус ДВФУ, корпус D (20), каб. D620.

Тел.: 8 (423) 265-24-24 (доб. 2942)

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Качество печати иллюстраций соответствует качеству присланных авторами графических файлов.

© Авторы, Дальневосточный федеральный университет, 2022

ORIENTAL INSTITUTE JOURNAL

№ 4 (56) • 2022

Academic quarterly

Founded in 1900

Resumed in 1994

ISSN 2542-1611

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4>

CONTENTS

DYNAMICS OF SPIRITUAL VALUES IN THE CULTURE OF RUSSIAN FAR EAST

From the editor of the section 11

Fadeeva E.V. The role of family education in the formation of spiritual and moral values in the family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: tradition and modernity 13

Fetisova L.E. Value Orientations of Tungus-languages Peoples: Sustainability and Development 27

Andriets A.G. Spiritual values in the festive leisure of citizens of the South of the Russian Far East (late XIX – early XX century) 38

Kiseleva M.S. Dialogue of the Man and the Tiger in the Context of the Problem of Spiritual Values in Modern Far Eastern Prose (on the Example of P.V. Fomenko's Collection "Kiss of the Tigress") 48

Popovkin A.V., Popovkina G.S. A look at "digitalization" in terms of life meanings and values 56

HISTORY

Butyrin D.A. Far Eastern odyssey of the war correspondent B.L. Tageev 66

Popovkina G.S. Understanding traditional Chinese medicine in the context of the Covid-19 pandemic based on materials in Russian-language publications 76

LITERARY STUDIES

Gubchenko A.P. Genre-forming features in memoirs by Sands Hall "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology" 87

LINGUISTICS

Orlova N.V. Discursive switching as a linguocreative technique (based on the material of comic genres of mass media) 93

Beloglazova E.V., Genidze N.K. Convention and creativity in the Rossica titles: a corpus-based study 104

Habibullina L.G. Syntactic expression and basic structural models of explanatory relations in Turkic languages 114

Bereza E.V. Basic Functions of 3 de (的, 得, 地) in modern Chinese 120

POLITICS

Tantsura M.S., Leonenko T.P. Mass consciousness of Russians in the context of the transformation of the Russian political system 131

ORIENTAL
INSTITUTE
JOURNAL

Dudarenok S.M. Radical Islam in the Republic of
Buryatia, the Trans-Baikal Territory: History and
modernity 138

Subscription is available only in Russia, but everyone has free access to the web version of OIJ.

The journal's subscription index is 42398.

Web: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_regional_and_international_studies/edition/Oriental_Institute_Journal/

E-mail: izvestyavi@yandex.ru

Editorial office post address: 10, Ajax Bay, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia.

Editorial office location: room D620, building D, FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok, Russia.

Tel.: +7 423 265-24-24 (2942)

The viewpoints expressed in OIJ are those of the authors and contributors,
and do not necessarily reflect those of the editorial board.

The quality of printed illustrations corresponds to the quality of graphic files sent by the authors.

© Authors, Far Eastern Federal University, 2022

От редактора рубрики

From the editor of the section

Рубрика, посвященная осмыслению значимой для современной гуманитаристики проблемы, продолжает обращение к проблематике духовных ценностей, начатой в журнале в 2021 г., в этот раз рассматривая ее с позиции динамики.

В статье Л.Е. Фетисовой исследуются социокультурные ценности тунгусоязычного населения Дальнего Востока с точки зрения их отражения в обыденном сознании и в сфере художественного мышления, отмечаются изменения в их восприятии. Выбрав в качестве материала исследования фольклор тунгусоязычных народов, Л.Е. Фетисова основное внимание уделяет брачным нормам, обязанностям трудоспособных членов родового коллектива и взаимопомощи; в героическом эпосе отмечает идеализацию явлений, ставших анахронизмами. В заключении исследовательница делает выводы о значимости таких традиционных установок, как взаимопомощь и принцип разумной достаточности во взаимоотношениях с природным окружением, отмечает и встречающиеся несоответствия реального поведения с ценностными установками, зафиксированными фольклором и принимаемыми общественным сознанием.

К проблеме семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина, заостряя внимание на традиции и современности, обращается Е.В. Фадеева. Опираясь на этнографические материалы, исследовательница приходит к закономерным выводам об утрате механизма трансляции духовно-нравственных ценностей в советский период и о значимой роли в их передаче детскими садами и школами, нивелировании роли семьи.

Комплекс духовных ценностей, в основу которых положено взаимодействие человека и тигра, рассматривает М.С. Киселева, в качестве материала для анализа выбрав сборник рассказов П.В. Фоменко. Исследовательница делает важные наблюдения о значимости для современной дальневосточной литературы таких духовных ценностей, тесно переплетённых и универсальных для многих культур, как представления о смерти, судьбе и жизни, умении понять и принять другого, дружбе, чести и достоинстве, любви к традициям, семье и свободе.

Г.А. Андриец в центре своего внимания ставит проблему духовных ценностей в праздничном досуге горожан юга Дальнего Востока России (конца XIX – начала XX вв.). В качестве материала кропотливо исследуя архивные данные, исследовательница приходит к заключению об усилении наряду с календарной обрядностью для представителей всех сословий и возрастов роли государственных праздников, в которых доминировали духовные ценности, обнаруживает перенесение акцента на историческую составляющую памятного события.

А.В. и Г.С. Поповкины, заявляя темой статьи взгляд на "цифровизацию" с точки зрения жизненных смыслов и ценностей, изучают влияние внедрения цифровых технологий на базовые жизненные смыслы и ценности и в результате проведенного исследования приходят к выводам, что цифровизация – квинтэссенция техники, инструмент, который может быть и полезен, и опасен, поэтому нашей культуре еще предстоит выработать особое отношение к этой сфере техники, для того чтобы успешно справиться с вызовами цифровизации.

Обращение к частным темам и различному материалу дало возможность получить достоверные выводы, полно и при этом детально выявить специфику изменений духовных ценностей народов Дальнего Востока России в различных типах культур (традиционной, художественной, культуре повседневности). Выбранный период (вторая половина XIX – первая четверть XXI вв.) позволил обнаружить

этапы и специфику изменений духовных ценностей, вызванных социальными преобразованиями, происходящими в обществе, особенности трансляции. Результаты исследования будут способствовать формированию достоверных представлений об общности духовных ценностей и консолидации многонационального дальневосточного региона.

Краюшкина Т.В.

Научная статья
УДК 371.04-055.2 (571.62-571.642)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: традиция и современность

Елена Викторовна ФАДЕЕВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, ev_fadeeva@mail.ru

Аннотация. В статье путём сравнительно-исторического и типологического методов рассмотрена роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей молодёжи коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина; как этот процесс происходил в традиционной семье, его изменения под влиянием общественных трансформаций, и что мы имеем на сегодняшний день. Представленный материал позволил сделать следующие выводы: в советский период, в силу ряда объективных и субъективных причин, механизм передачи духовно-нравственных ценностей был практически утрачен. В настоящее время их трансмиссию в большей степени выполняют детсады и школа, нежели семья.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, межпоколенная трансмиссия, этнокультурные традиции, коренные народы, духовный мир, материальный мир

Для цитирования: Фадеева Е.В. Роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина: традиция и современность // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 13–26. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

The role of family education in the formation of spiritual and moral values in the family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: tradition and modernity

Elena V. FADEEVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, ev_fadeeva@mail.ru

Abstract. In the article, using comparative historical and typological methods, the role of family education in the formation of spiritual and moral values of the youth of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin will be considered; how this process took place in a traditional family, its changes under the influence of various social transformations, and how this process is proceeding today. The presented material allows us to draw the following conclusions: in the Soviet period, due to a number of objective and subjective reasons, the mechanism for transmitting spiritual and moral values was practically lost. Only at the end of the 20th century, with the growth of national self-consciousness among indigenous ethnic groups, the question of the revival of traditional cultures began to be raised, but at present the task of transferring spiritual and moral values through interaction between generations, to a greater extent, is performed by kindergartens, schools and other public organizations.

Keywords: spiritual and moral values, intergenerational transmission, ethnocultural traditions, indigenous peoples, spiritual world, material world

For citation: Fadeeva E.V. The role of family education in the formation of spiritual and moral values in the family of the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin: tradition and modernity // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 13–26. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/13-26>

Непрерывность процесса передачи духовно-нравственных ценностей и традиций из поколения в поколение является залогом непрерывности культур и обеспечивает преемственность, благодаря которой и происходит движение общества вперёд через обогащение накопленного предыдущими поколениями опыта. Духовно-нравственные ценности и их межпоколенная трансмиссия являются одним из основных элементов культуры. В процессе передачи традиций, культурных ценностей от поколения к поколению осуществляется культурная трансмиссия – процесс передачи соответствующих данной культуре знаний, умений, навыков, традиций, обычаев и ценностей от одного индивида к другому, от одной культуры к другой, от предшествующих поколений к последующим через на-

учение. В структуре духовно-нравственных ценностей важное место занимают мораль и нравственные нормы. Мораль – исторически сложившаяся система норм и правил поведения, совокупность устоявшихся оценок, в которой находят своё выражение общепринятые ценности и смыслы, способы различения добра и зла. Нравственные нормы – неписанные законы, существующие как невидимая сеть в общественных отношениях. Мерой воздаяния за соблюдение или нарушение нравственных норм выступает одобрение или осуждение. Главная функция морали заключается в регуляции поведения человека посредством оценки, базирующейся на способности различать добро и зло. Именно поэтому проблема различения добра и зла является ключевым вопросом нравственности. Трансмиссия всегда предполагает наличие двух субъектов: того, кто передаёт, и того, кто получает. Именно их взаимодействие в разных ситуациях – исторических, культурных, географических – и будет определять то, что передаётся в неизменном виде или с изменениями, что будет принято, что трансформировано, а от чего, возможно, придётся отказаться.

Начало третьего тысячелетия предъявляет к человечеству особые требования, одно из которых – демократизация и гуманизация бытия людей. Современное Российское общество переживает духовно-нравственный кризис, следствием которого является то, что совокупность ценностных установок, присущих сознанию (в том числе молодёжному), во многом деструктивна и разрушительна с точки зрения развития личности, семьи и государства. В обществе исчезли представления о высших ценностях и идеалах, оно стало ареной необузданного эгоизма и нравственного хаоса. Духовно-нравственный кризис порождает кризисные явления в политике, экономике, социальной сфере нашей страны. Недостаток нравственного воспитания подрастающего поколения составляет одно из величайших зол нашего времени, с которым необходимо бороться, иначе человечество дойдёт до окончательной гибели и нравственного разложения. Народная пословица говорит: "К чему в юности привык, то в старости сделал". Сама жизнь подчёркивает её правильность: если человек ещё в дни своей юности вступил на путь добродетели, то он твёрдо будет стоять на нём и в старости... [21, с. 5].

В этом аспекте для каждого народа нашей планеты – и в первую очередь для малых этносов – важно сохранение своего исторического лица, той уникальности, которой он и ценен для мирового сообщества. Бездумная урбанизация, всё более мощный натиск цивилизации уже не один малый народ поставили на грань этнической катастрофы. Предвестники такой катастрофы – постепенная утрата малыми народами своих корней. Прежде всего, это утрата родного языка – транслятора богатейшей информации о жизни этноса, забвение многовековых традиций и потери связи с матушкой-природой. В результате народ утрачивает понимание своей миссии – своего социально-исторического предназначения [21, с. 5].

Цель представленной статьи – трансляция опыта в сфере духовно-нравственного воспитания ребенка на основе традиционных ценностей в семье коренных народов Нижнего Амура и Сахалина (нанайцев, ульчей, удэгейцев, нивхов, орочей, негидальцев, тазов, эвенков, ороков (уйльта)); проследить её трансформацию в советский период, дать оценку того, как на сегодняшний день обстоят дела в этом вопросе.

Поставленная цель предполагает постановку следующих задач: показать приёмы формирования и передачи духовно-нравственных ценностей в традиционной семье; проанализировать причины изменения роли семьи в культурной трансмиссии в советский период; обрисовать современные способы и формы возрождения народных традиций.

Объектом исследования выступает семья коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Предметом исследования является роль семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей в семье указанных этносов.

В качестве методологической основы выступают теоретические исследования отечественных этнологов-антропологов, посвящённые изучению семейного воспитания коренных народов Сибири и Севера: Л.Я. Штернберга, П.П. Шимкевича,

Г.М. Василевич, А.В. Смоляк, В.И. Прокопенко, В.В. Подмаскина, Г.А. Отаиной и др. При изучении семьи мы придерживались системного подхода, в связи с чем семья рассматривалась как социальная система с присущими ей функциями производства человека, воспроизводства этносов в моно- и полиэтнических средах, а также функцией социализации будущих поколений. В статье использованы сравнительно-исторический и типологический методы. В частности, применение сравнительно-исторического (компаративного) и типологического методов позволило разграничить напластования различных традиций, определить характер их образования и степень эволюции роли семейного воспитания в формировании духовно-нравственных ценностей молодёжи коренных малочисленных народов Нижнего Амура и Сахалина.

Определённые общественные ценности, обычаи, ритуалы, нормы поведения усваиваются детьми посредством воспитания и становятся элементами национальной культуры, частью традиции [8, с. 93]. Семья, как одна из основных "ячеек общества", обеспечивает своим членам экономическую, социальную и физическую безопасность: заботу о малолетних, престарелых и больных, условия для социализации детей и молодёжи; выступает фундаментальным посредником между человеком, государством и другими социальными институтами. Полноценное выполнение семьёй её функций является необходимым условием сохранения исторической преемственности поколений, развития личности и общества в целом, общественной стабильности и прогресса. В ходе социальных перемен семья становится одним из основных институтов формирования новых ценностей и норм поведения [7, с. 126].

В процессе воспитания и обучения взрослые стремились развивать в детях лучшие качества, свойственные человеку: высокую духовность, доброту, отзывчивость, трудолюбие, уважение к старшим, милосердие, бережное отношение к природе, терпение, сострадание, мужество. Реализовывалось это через приобщение к народной культуре и её истории, используя фольклор, декоративно-прикладное искусство, музыку, ознакомление с бытом, обрядами и традициями своего народа.

Традиционный опыт воспитания молодого поколения коренных народов Нижнего Амура и Сахалина был связан с неписаным законом приспособления к окружающей среде, с хозяйственной деятельностью. Главной задачей родового воспитания была передача следующему поколению родовых законов и обычаев, правил общежития. Основой воспитания был коллективный труд, согласно которому каждый член семьи и рода был обязан принимать посильное участие в производственной деятельности в зависимости от пола и возраста [20, с. 179]. С 3–4 лет дети начинали помогать родителям. С 6–7 лет ребята ходили за водой, вносили в жилище дрова. К охоте приучали постепенно. 6–7-летним мальчикам делали маленький лук и стрелы для охоты на бурундуков и белок. Мальчиков постарше отцы и братья брали с собой на охоту и рыбалку. 8-летние мальчики и девочки могли грести. Девочки в этом возрасте помогали матери по хозяйству, носили воду в маленьких ведёрках, присматривали за младшими детьми, учились шить и вышивать [26, с. 121]. Мальчики с 10–11 лет начинали помогать матери на охоте таскать мясо в стойбище, а во время самой охоты они стояли в стороне и наблюдали за действиями взрослых. В десятилетнем возрасте мальчики умели освежевать убитого зверя, нащипать лучины или настрогать стружек для костра, смастерить и поставить петли на зайца, найти отпущенных на пастьбу оленей – и при этом не заблудиться [9, с. 173; 29, с. 141]. С 11–12 лет они получали ружьё для охоты на пушного зверя, а также уже умели бить острой рыбой. С 17–18 лет начинали охотиться на крупного мясного зверя, осваивали установку петель. Когда мальчик убивал своего первого оленя (эвенки, ороки, негидальцы) или другого крупного зверя (нанайцы, удэгейцы, ульчи, нивхи), это означало, что он стал мастером своего дела и мог быть допущен в мир взрослых [29, с. 142; 9, с. 174]. Девочек с 13–14 лет тоже начинали брать на охоту, чтобы она училась у матери зажигать костёр, готовить пищу, кормить собак. Несколько позднее, родители оставляли её одну хозяйничать, а сами уходили на промысел. Дочерям матери и старшие родственницы

прививали навыки ведения домашнего хозяйства, традиционные эстетические представления, передавали по наследству секреты народной медицины, приёмы охранительной магии, различные амулеты и обереги. С малых лет они помогали матери, таская воду, нося дрова, чистя рыбу, выделявая кожу и приучаясь владеть иглой, но выделять шкуры мать давала только подросткам, имевшим силу в руках [3, с. 158–159; 29, с. 142; 9, с. 174].

Национальные трудовые традиции и навыки передавались естественно, в процессе каждодневного взаимодействия. Родители во время мелкой работы рассказывали им сказки, задавали загадки, сообщали о жизни разных зверей, о тайге, охоте и других сторонах традиционного образа жизни. При этом в детях исподволь, собственным примером родители воспитывали трудолюбие, самостоятельность, выдержку, умение преодолевать трудности [20, с. 179; 29, с. 142; 9, с. 174].

Немаловажную роль в этом процессе играли игрушки и национальные игры. Именно в игровой деятельности заложен огромный воспитательный потенциал: дети учатся коллективному взаимодействию, оказанию поддержки и помощи, у них формируется дух эмпатии и сопереживания [13, с. 10]. Например, эвенки из дерева вырубали маленьких оленей без рогов, из бересты вырезали оленей в движении или только оленьи головы. По размерам и общему облику дети различали быков-порозов, бычков, важенок и телят. Чаще всего дети дошкольного возраста играли в подражательные игры. Зимой они играли в чуме, летом – около него или в игрушечном чуме. Дети школьного возраста, уже принимавшие некоторое участие в хозяйственной жизни, играли преимущественно в подвижные игры – в жмурки, пятнашки, "жарко – холодно", т.е., в игру по поискам того или иного предмета, и т.п. Среди подростков и взрослых (до брака) были распространены игры в ямки и мяч, в перетягивание, борьба [9, с. 174, 177, 178, 179]. С помощью деревянных или берестяных игрушек мальчики выполняли мужские трудовые действия, а девочки – женские работы. Таким образом, постепенно происходило разделение труда между полами и распределение обязанностей между членами семьи [5, с. 32–33]. Например, дети видели, что мужчина не только ничего не делал для облегчения домашней работы женщины, но, согласно сложившемуся разделению труда между полами и соответствующей общественной морали, мог потерять свой авторитет в глазах сородичей и соседей, если бы начал выполнять работу, предназначенную для женщин. Таким образом, посредством традиционного воспитания, мальчику внушалось, что он – будущий охотник и рыбак, кормилец, продолжатель семьи, рода; а девочка – невеста, жена, хозяйка очага. Рациональным зерном народной педагогики было воспитание у ребёнка сознания того, что он неотделим от других в семье и роде, что его труд ценен и необходим так же, как и труд старших [20, с. 200].

Формирование юноши и девушки проходило не только путём трудового воспитания, физического развития, но и путём духовного совершенствования. Через предания, мифы и сказки дети получали информацию о правилах этикета, религиозных табу и бытовых запретах своего народа. Особенно это касалось женщин. Так, нивхский фольклор содержит сюжеты о наказании женщины за непочтительное отношение к медвежьей кости, которую она не положила, а бросила, после чего сильно заболела. В другом сюжете женщина расплачивается жизнью за то, что, отправившись собирать ягоды и корнеплоды, походя давила лягушек, которые её впоследствии и съели [17, с. 111]. Пособием фольклора одни качества человеческой природы высмеивались, а другие – возвышались. В родовой общине были неприемлемы такие черты характера, как лживость и болтливость. Подобные пороки всегда наказывались, а персонажи, обладающие ими, считались носителями зла. В этом отношении характерны распространенные у нивхов в прошлом сказки о живущих на луне женщинах "Ралькр Умгу", которые обманом отбирали детей у матери, чтобы вызвать ненависть к жене со стороны мужа. Эти персонажи противопоставлялись верным жёнам, которым были чужды такие понятия, как обман и зависть. В конце концов, добро побеждало зло: муж находил свою семью, а "Ралькр Умгу" – свою смерть [18, с. 133]. У удэгейцев есть предание об обманщице-ша-

манке, с помощью злых духов попавшей к небесному хозяину и пытавшейся настроить его против простых людей, якобы укравших у хозяина жир зверей. Однако небесный хозяин раскрыл её обман и превратил шаманку в лягушку [19, с. 125].

У нанайцев примером сплетницы выступала Амфуди-амучи, из-за несдержанности в словах которой происходили размолвки и ссоры между людьми [35, с. 96–97]. В обыденной жизни также не приветствовалась излишняя словоохотливость, а об интимных отношениях друг друга старались вообще не распространяться. В связи с этим если кто-нибудь видел, что другой человек украл или убил кого-нибудь, то мог тихо рассказать об этом отцу, но не матери, поскольку она передаст это другим женщинам [28, с. 124]. Посредством пословиц осуждались и такие качества женского характера, как ветренность, которую сравнивали с вихрем и ветром; и непостоянство, считая, что его можно перевернуть одной затяжкой трубки; мужчины сравнивали женщину с разведённым в чистом поле огнём: ветер подует – повалит [36, с. 317].

В родовой общине всегда порицались жадность и равнодушие, а приветствовались щедрость и взаимовыручка, примеры которых молодёжь наглядно видела, находясь в среде взрослых во время охоты или рыбалки. Достаточно вспомнить медвежий праздник, распространённый у всех коренных этносов региона, или эвенкийский обычай нимат, во время которых мясо убитых животных делилось не только между членами семьи или рода, но и между односельчанами и даже представителями других родов. Взаимопомощь проявлялась и в поддержке малоимущих сородичей, вдов, инвалидов, сирот. В семьях эвенков, негидальцев и др. воспитывались не только сироты, но и дети, имевшие живых родителей – либо по причине несостоятельности последних, либо по нужде в рабочей силе. Воспитатели удочеряли приёмного ребенка, хотя это не оформлялось документами; ребенок получал фамилию и родовое имя приёмного отца, от него же он получал защиту и помощь в затруднительных ситуациях. Этот обычай жил вплоть до 1960-х гг. [29, с. 120, 122, 123].

Активную роль мать и все родственницы играли в процессе включения ребенка в семейно-родственную группу через усвоение последним номенклатуры родства, форм и условий заключения брака, стереотипов поведения и т.д., который начинался практически с колыбели [32, с. 98]. В повседневном быту и во время проведения традиционных праздников, старшие родственники знакомили детей с различными правилами и запретами, которые помогали устанавливать добрососедские отношения с окружающим миром. Народные праздники также имели мощный потенциал в духовно-нравственном воспитании подрастающего поколения, а именно в формировании таких качеств личности ребёнка, как доброта, человеколюбие, порядочность, ценность семейных отношений [13, с. 10]. Их учили бережно обращаться с природой, никогда не брать от неё больше, чем тебе надо для существования; обучали правилам жертвоприношений различным духам-хозяинам воды, тайги и пр. Так, например, им говорили, что хозяйка или хозяин огня Пуза (ороч.), символизируя собой родовой очаг, связывала отдельные семьи в род; играла роль посредника между людьми и природой, охраняла собравшихся вокруг неё людей, считавших себя её детьми. Однако Пуза обидчив, поэтому вести себя с ним надо очень осторожно, не обижать его и никогда не сердиться на него, если он обжигал лицо или руку; нельзя резать огонь ножом, поливать водой, плевать в него, разбрасывать головешки и т.п. [4, с. 586; 1, с. 41–42].

Пожилые женщины, наряду со старшими мужчинами, являлись основными хранительницами всех видов устного народного творчества. Через свадебные, игровые песни, протяжные плачи, загадки, предания, народные притчи и пр. дети не только познавали народные обычаи и традиции, усваивали нравственные правила, но и знакомились с особенностями родного языка, с логикой и структурой разговорной речи, с теми многочисленными эмоциями, с помощью которых речь становилась более понятной и содержательной [23, с. 30]. В основе традиционного правопорядка лежало беспрекословное подчинение младших старшим; полными правами обладали лишь люди старше 40 лет. Младшие члены семьи всегда под-

чинялись старшим, а старики были под опекой молодых. Младшие не называли старших по имени, не высказывали при них своего мнения, не вмешивались в их разговоры, стеснялись при них разговаривать между собой [9, с. 151].

Постоянно находясь в окружении взрослых, дети воспринимали не только хозяйственные навыки, но и эталоны мужской и женской красоты. Так, согласно родовой морали, мужчина должен был быть сильным, храбрым, трудолюбивым, умным, благородным, ловким и т.д. Женщиной же в полном смысле слова считалась та, которая хорошо готовила, могла тонко напластовать рыбу для ююлы, шила платье и обувь, красиво их орнаментировала, была трудолюбивой и кроткой [36, с. 8]. От девушек также требовалось целомудрие. Среди всех народов была весьма развита сексуальная скромность, мужчины и женщины, находясь вместе, строго соблюдали рамки приличия. Как правило, ни те, ни другие не позволяли себе непристойных движений или появления в обнажённом виде [36, с. 255; 34, с. 28]. Таким образом, детям внушали, что необходимо избавляться от таких качеств, как злопамятство, зависть, гнев, похоть, алчность, упрямство, лживость, скупость, себязлюбие, торопливость, ревность, любопытство и болтливость. Они должны были вырабатывать в себе стыдливость, добронравие, кротость, прощение, смирение, щедрость, терпение, благодарность, милосердие, разумность, справедливость, радушие, приветливость. Тем самым дети понимали, что, только следуя принятым нормам поведения и стремясь достичь идеала, члены общества могут рассчитывать на нормальное существование в социуме.

Отметим, что можно проследить некоторую трансформацию понятия "идеала" у коренных народов. Первоначально в это понятие входили личные качества человека, наиболее приемлемые для родового коллектива. В зависимости от обладания или не обладания ими, субъект объявлялся угодным или негодным социуму. Положительные черты характера составляли личное богатство человека, определяли цельность его натуры в глазах семьи и рода. Отрицательные черты характера обрекали человека на презрение и осуждение со стороны общества, что подвигало людей на своё самосовершенствование. В процессе проникновения в родовую общину товарно-денежных отношений и, как следствие этого, имущественного расслоения родового общества в сер. XIX – нач. XX вв. акценты сместились. Теперь при определении "хорошего" человека, наряду с личными качествами, всё большее значение приобретало его богатство. Богатому соплеменнику прощались многие проступки, за которые раньше его обязательно бы наказали. Вере в возможность достижения совершенства через собственные усилия в немалой степени способствовало христианство, с которым этносы знакомились через контакты со славянами.

Семья – общественный институт, и в прошлом, и в настоящем тесно связанный с обществом. В посёлках, селениях семьи живут в окружении родственников, соседей, представителей различных наций и народностей, и здесь складываются прочные дружеские контакты. Во все времена на семью оказывали большое влияние общественное мнение сельской микросреды, с которым обычно считались. Это влияние прослеживается в поведении молодёжи, сохранении в быту важных этнических традиций, во взаимоотношении членов семьи и т.п. [25, с. 331].

Социально-экономическое развитие народов Нижнего Амура и Сахалина конца XIX – начала XX вв. (распространение в среде коренных малочисленных народов товарно-денежных отношений и возникновение новых отраслей хозяйства) внесло свои коррективы в их семейный уклад. Так, родственный состав нанайцев, ульчей и др. народов стал формально пополняться русскими крёстными в процессе крещения детей, которые вносили свои традиции в политику воспитания детей. Наряду с родовыми именами стали использоваться и христианские; в ряде случаев имена крёстных становились фамилией ребёнка. У удэгейцев в период активных контактов с китайцами, уходя в тайгу, родители оставляли детей на попечение слуг-китайцев (ПМА за 2002 г.), которые на какое-то время становились воспитателями и наставниками младших членов удэгейской семьи. Чужеродец-китаец, поселившийся сначала как работник в семье таза, затем – пайщик по

хозяйству, позднее – господин, своим положением определял взаимоотношения между отдельными членами семьи и общества. Он диктовал условия жизни, мог отнять жену, забрать детей, не только нарушая преемственность поколений, но и навязывая свои традиции, тем самым фактически разрушая семью таза [2, с. 631; 31, с. 253].

Советская действительность оказала большое влияние на всю жизнь коренных народов Нижнего Амура и Сахалина – и материальную, и духовную, – привнесла новые явления и ценности в повседневный быт. С 1930-х гг. началась эпоха коллективизации, приведшая к дальнейшим изменениям традиционного уклада. Женщины стали выполнять мужскую работу: корчевать лес, ловить рыбу, вязать сети. С детских лет дети были оторваны от семьи. В результате в их сознании закрепились не традиционная модель поведения, а стандарты, привнесённые новым укладом общества. Все изменения они принимали как необходимость. Именно на 1930-е гг. приходится слом механизма передачи традиционного общества через семейные ценности [15, с. 7]. Великая Отечественная война ещё более осложнила демографическую ситуацию. Много семей осталось без отцов, старших братьев и сыновей, в результате чего воспитание мальчиков легло на плечи женщин, и передача традиционного опыта по мужской линии была утеряна.

С 1925 г. в туземных селениях коренных этносов появляются школы, начинается ликвидация неграмотности среди взрослого населения. В марте 1957 г. ЦК КПСС и Советское правительство приняли постановление "О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера", после которого в местах расселения народов Сибири и Дальнего Востока за короткий промежуток времени возникли новые посёлки со школами, интернатами, клубами, была создана широкая сеть яслей, детских садов, школ санаторного типа, построены новые медицинские учреждения. В 1970-е гг. на детей этих народов, как и на всех школьников страны, распространился закон о всеобщем обязательном среднем образовании. Дети коренных малочисленных народов, начиная с ясельного возраста, затем в школьных интернатах и в институтах вплоть до окончания ими высшего образования, находились на государственном содержании [25, с. 283]. Как и предвидел Б. Пилсудский, школы действительно стали "сильнейшим средством для скорейшего слияния инородцев с русскими" [11, с. 42]. Этому в значительной степени способствовало то, что принятые на полное государственное обеспечение дети на длительное время отрывались от своих семей. Находясь вдалеке от родителей, они отвыкали от них, а также от родной культуры, забывали родной язык. Обучение в национальных школах до недавнего времени велось исключительно на русском языке, поскольку в ней обучались дети разных народностей, которые овладевали русским языком с раннего детства. За короткий срок каникул дети не успевали постичь сложную жизнь семьи, её заботы, перенять от отца и матери многое из их специфической, трудной жизни. Для родителей отсутствие в доме детей также являлось негативным фактором: они были избавлены не только от забот по содержанию детей (за все платило государство), но и от прав и обязанностей по их воспитанию. Родители брали детей домой только раз в неделю – на воскресенье, хотя при желании могли брать и навещать их значительно чаще. Воспитывали и обслуживали детей русские, нанайские и орокские женщины [27, с. 40]. Вместе с тем в школах детей малых народов Нижнего Амура и Сахалина не учили ремеслу, сельскому хозяйству и, самое главное, не давали знания, "которые позволили бы иметь детям превосходство в тех же работах, которыми заняты родители". В результате национальные школы выпускали молодых людей, плохо подготовленных к трудовой деятельности, особенно к работе в традиционных отраслях [Цит.: 11, с. 42]. Как следствие, рушилась естественная связь между поколениями, дети утрачивали традиционные духовно-нравственные ценности и приобщались к традициям окружающего их населения.

Социальная ориентация у молодёжи народов Севера теперь формируется под влиянием тех же факторов, что и у окружающего многонационального населения, при участии учреждений дошкольного воспитания, школ, средств массовой

информации и т.д. При создании молодой семьи традиционные брачные обычаи теперь не играют доминирующей роли. На первом месте стоят взаимная любовь, связанная с общностью интересов, взглядов, культурных запросов, стремлений. Лишь изредка у людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства (в частности, в оленеводстве), и в настоящее время уделяется внимание таким качествам, как владение будущими хозяевами навыками специфического северного домашнего хозяйства.

В связи с интенсивным развитием на Севере промышленности близ старинных поселений коренных жителей (а иногда и в самих селениях) создаются предприятия, на которых работают представители населения центральных районов страны вместе с молодёжью народов Севера. Это способствует росту числа этнически смешанных браков у представителей коренного населения, культурному взаимовлиянию и другим процессам этнокультурной интеграции.

Изменения, происходящие в хозяйстве и материальной культуре народов в последнее время, не могли не отразиться на духовной жизни этнических групп, на взаимоотношениях членов семьи. Уходят из жизни последние остатки традиционных элементов духовной культуры. Переход к рыночным отношениям вызвал существенные изменения в жизни коренных этносов. Основная масса, например, КМНС Сахалина, оставившая свои традиционные занятия, в настоящее время или вообще не имеет какой-либо оплачиваемой работы, или занята самым низкооплачиваемым малоквалифицированным трудом (разнорабочие, грузчики, уборщицы, сторожа, истопники). Вместе с тем они неохотно идут в новые для них отрасли (нефтяную, лесную, энергетику, транспорт, сельское хозяйство). [10, с. 23, 25]. Таким образом, если родители сами теряют связь с традиционным укладом жизни, то и детей они к нему приобщить не могут. Например, одной из причин того, что девушкам перестали нравиться парни из народов Севера, служит нежелание последних заниматься хоть чем-нибудь [33, с. 16]; подобный инфантилизм в традиционном родовом обществе было совершенно неприемлем.

В настоящее время отчасти изменились и выполняемые в семье функции мужчин, делающих работы, в прошлом считающиеся чисто женскими, в частности, заготовка воды, топлива [25, с. 328–329]. Охотничьи обряды в той или иной степени продолжали бытовать по всему Северу вплоть до 1970-х гг. Например, повсеместно сохранялся обычай почитания и кормления огня, при этом многие не знали, кого они благодарят – дух огня, сам огонь или духа охоты. Молодёжь, бросая в огонь жир, кусочки мяса, нередко не подозревала, что совершает религиозный обряд [12, с. 89, 90]. В прошлом нельзя было называть человека, особенно старшего по возрасту, по имени: вместо этого употреблялась традиционная терминология родства. Лишь с течением времени более молодые стали называть стариков по имени-отчеству, к такому обращению они привыкали в школах и других общественных местах. Дети, не знающие родного языка, тем не менее старших родственников называют не по имени, а традиционными терминами "старший брат", "старшая сестра", "тетя" и т.д., а последние нередко называют их по имени, но чаще всего – "маленький" [25, с. 112].

Взаимоотношения между старшими и младшими членами семьи также далеки от традиционного этикета. Отца сегодня чаще всего называют словом "старик", к нему могут обратиться и совсем уже пренебрежительно ("пень старый"), с ним могут вступить в спор, отстаивая свою точку зрения. В решении каких-то житейских вопросов его слово уже не имеет определяющего значения. На ночь ему отводится далеко не самое почетное место в жилище. Однако, что интересно, не совсем уважительное, с точки зрения сына или дочери, отношение к отцу (даже пьяному и не адекватно реагирующему на происходящее) со стороны постороннего человека может стать причиной серьезного конфликта [30, с. 128].

Неуклонный рост смешанных браков, особенно с представителями более крупных этносов, неизменно приводит к утрате не только родного языка, как не имеющего практического значения для современных негидальцев, орочей, уйльта

(ороков), тазов, но и народных традиций в сфере хозяйственной деятельности, семейных взаимоотношений и пр.

Так, одним из показателей нарушения традиционной модели воспитания молодёжи является её неподготовленность к семейной жизни: например, среди негидальцев 50 % женихов и 30 % невест лишь иногда, от случая к случаю занимались ведением домашнего хозяйства. Потому-то у молодых при первом же столкновении с трудностями семейного быта возникают серьёзные конфликты, нередко заканчивающиеся разводом. Статистика показывает, что 20% расторгнутых браков приходится на долю семей со стажем семейной жизни до двух лет. Именно они эпизодически зависимы от родителей, а главное – молодые люди еще не созрели для роли жены и мужа [22, с. 2]. Такая картина в той или иной степени характерна практически для всех коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина. И это основная беда современных семей и одна из главных причин разводов, которые, в свою очередь, ведут к увеличению числа неполных семей и внебрачных детей. Подобные явления были совершенно неприемлемы в традиционном социуме.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная семья коренных этносов Нижнего Амура и Сахалина при существующей системе образования подрастающего поколения (наличие системы школ-интернатов, частично введенной еще в 1940-е гг.) зачастую не может выполнять своих функций: воспитания, социализации, передачи опыта народной культуры, формирования этнического самосознания молодёжи. Родители отучаются выполнять свой первостепенный долг – заботиться о своих детях. А сами дети отвыкают от родителей, в результате такого воспитания они становятся потребителями, привыкшими жить на всём готовом (ПМА за 2002 г.). В интернате дети теряют связь со своими национальными корнями. Родной язык звучит для них как иностранный. Охотиться, рыбачить, шить одежду, вышивать так, как это делали их предки, они уже не умеют. Запомнив в детстве некоторые элементы своих танцев, песен, к окончанию школы они их уже забывают [16, с. 12; 14, с. 4].

К счастью, начиная с последних десятилетий XX столетия, в условиях демократизации общественной жизни, ярко проявляется стремление к этнической консолидации, борьбе за свои права. Для всех групп удэгейцев, нанайцев, нивхов, эвенков и др., т.е., этносов, наиболее компактно проживающих в местах своего традиционного природопользования, характерен определенный "культурный ренессанс", стремление к восстановлению культурных традиций [37, с. 310].

Многие элементы традиционной духовной культуры, наполняясь новым содержанием, являются органичной частью повседневной жизни КМНС. Национальные парки и этнокультурные центры ("Бикин" и "Удэгейская легенда" в Приморском крае, нанайский "Сикачи-Алян" (Хабаровский край), нивхский "Ноглики" на Сахалине и др.) проводят различные этнокультурные мероприятия и праздники (например, "День тигра" в Приморье). На них мужчины и женщины, а также дети и молодёжь показывают всё своё мастерство и умение; проходит дегустация традиционных блюд.

Практически у всех народов сохраняется народное декоративное искусство – художественная обработка дерева, кости, изготовление художественных изделий из меха, рыбьей кожи, бересты, культовое искусство. Созданы краеведческие музеи, работают детские музыкальная и художественная школы, в учебных программах которых традиционной культуре отводится видное место [37, с. 327].

Сохранили наши коренные малочисленные народы как непреходящую составляющую своих традиционных праздников многие спортивные состязания, которые всегда в первую очередь были направлены на совершенствование их физической и профессиональной подготовки [21, с. 5]. Игровая деятельность формирует культуру, значимые качества человеческой личности, национальное сознание человека, воспитывает чувство уважения к национальным традициям. Например, нанайцы на праздниках проводят национальное состязание "Хупигори, Андана!", которое включает в себя творческие, интеллектуальные и спортивно-игровые задания. Для этого её участникам рассказывают о быте, культуре, традициях ко-

ренных народов Приамурья. Проводят такие игры, как "Туэри купин" – зимняя игра; "Томян" – прыжки по правилам; "Топтоди" – игра с верёвкой. Два раза в год проводятся спортивные праздники с нанайскими подвижными играми между командами, "День здоровья" с элементами национального спорта и обязательно в национальных костюмах [8, с. 96]. Негидадьцы по праздникам устраивают гонки на собачьих упряжках, соревнуются в стрельбе. Представляет интерес и конкурс "катание на шкурах": в шкуре прорезаются отверстия – пропускается сквозь них ремень, муж садит жену на шкуру, закидывает ремень на плечи и бежит на камусных лыжах (Ф. 1. Фонд А.П. Самара. Оп. 2. Д. 599. Т. 2. ЛЛ. 230, 231). Отраднo, что сегодня участниками подобных мероприятий выступают в основном дети под присмотром взрослых и стариков, тем самым осуществляется возрождение преемственности поколений, утраченной несколькими десятилетиями ранее.

Наиболее крупные этносы предпринимают попытки возрождения родного языка. Так, у нанайцев, нивхов, удэгейцев ведётся преподавание родного языка в начальной школе, в некоторых детских дошкольных учреждениях. В начале 1980-х гг. были выпущены буквари на обоих диалектах нивхского языка. На национальных языках ведутся передачи на студиях телевидения в г. Комсомольске-на-Амуре, местном радиовещании, издаётся детская и художественная литература, выходят ежемесячные газеты, например, на нивхском языке "Нивх диф" ("Нивхское слово") [37, с. 187, 142].

Один из многочисленных народов-аборигенов Приамурья – нанайцы, – стремясь передать свою историю и культуру, внедрили в отдельные группы детского сада и некоторые школы программу "Возрождение национальных традиций", включающую все элементы нанайской культуры. Это и рисунки на стенах, узоры на окнах, одежда на игрушках, с которыми играют дети, узоры на детской мебели, надписи в группах. Обучение родному языку проводится в игровой форме. Математика проходит с использованием нанайского древа – "морзо". Детей учат, что "древо" – суть тайги, рыба – суть жизни воды, птица – суть жизни воздушного пространства, человек – суть человечества. И все это – Природа [6, с. 5]. На мастер-класс по декоративно-прикладному искусству для детей часто приглашают мастеров из жителей села. Им показывают, как сушить, обрабатывать рыбью кожу. В центре творчества регулярно организуют выставки детских работ на национальную тему. Это и Акаоан – плоская кукла из бумаги или рыбьей кожи, и бумажные туеса, и аппликации с простыми орнаментами. Национальная выставка даёт наглядный пример для восприятия элементов нанайской культуры [8, с. 93 – 94]. Также дети усваивают фольклор, рассказываемый в виде тэлунгу, мифов, сказаний, преданий, легенд различного содержания. Особое значение для воспитания детей имеет главный герой эпоса Мэргэн – удачливый охотник или рыбак, который в совершенстве владел луком, копьём, и отличался трудолюбием, умом, удалью [8, с. 95], тем самым им прививаются духовно-нравственные ценности, характерные для традиционного общества.

Однако наиболее показательной в плане возрождения механизма передачи этнических традиций и духовно-нравственных ценностей видится ситуация в оленеводческих бригадах уйльта и эвенков, которые большую часть года проводят в тайге. Летом к ним на 2–3 месяца приезжают семьи. В это время как раз и можно наблюдать многие элементы традиционной культуры, с которыми взрослые знакомят подрастающее поколение: изготовление предметов кочевого быта (сёдла, нарты, вьючные сумы, арканы), обработка шкур и пошив традиционной одежды и обуви, приёмы дрессировки и обучения ездовых оленей, пища и т.п. В эти короткие летние месяцы можно услышать и родной язык, который в посёлках окончательно вышел из употребления [24, с. 198–199]. Кроме этого, местные активисты из Тугуро-Чумиканского района (Хабаровский край) предприняли попытку (и даже воплотили её в жизнь) по созданию школьных оленеводческих бригад, когда дети во время летних каникул под присмотром взрослых мужчин-пастухов занимаются выпасом оленей, тем самым приобщаясь к некогда традиционному укладу жизни

(ПМА за 2012 г.). Остаётся надеется, что подобных примеров будет больше, а область применения традиционных занятий – шире.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что духовно-нравственное воспитание детей в традиционной семье происходило исподволь, каждодневно и ежеминутно, путём наглядного примера, через ознакомление с бытом, обрядами и традициями своего народа, приобщение к народной культуре и её истории, используя устное народное творчество, декоративно-прикладное искусство, музыку.

Однако под влиянием таких общественных коллизий советского времени, как Октябрьская революция, коллективизация, укрупнение традиционных поселений, ВОВ, введение системы школ-интернатов, миграция населения в города и пр., произошли слом и частичная утрата механизма передачи традиционных духовно-нравственных ценностей у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина. Современная жизнь, множество новаций в различных сферах хозяйства, бытовой и духовной культуры глубоко трансформировали традиционный семейный уклад и привели к усвоению молодёжью новых, "советских" ценностей.

Конец 1980-х – начало 1990-х гг. характеризуются не только развалом СССР, крахом экономики и социальной сферы, но и ценностной катастрофой, нарушением морально-нравственного порядка, межпоколенческой преемственности духовно-нравственных ценностей, разрывом историко-культурной, нравственной цепи, которая выстраивалась веками предыдущими поколениями. За гибелью одной системы последовал моральный и идеологический вакуум, пустота; отброшенная система ценностей уже не регулировала общество, а новая система не была создана.

Привыкнув жить под "крылом" старшего брата – русского народа в эпоху СССР, после распада последнего, многие представители КМНС, как, впрочем, и большая часть советских людей, буквально оказались на "обочине" жизни. Во время массовой безработицы, голода, отсутствия госгарантий, людям, конечно, было не до сохранения народных традиций. Однако, отойдя от первоначального шока, представители КМНС начинают вспоминать о своём прошлом, стремясь передать остатки воспоминаний о национальных обычаях своим потомкам [21, с. 54].

Важнейшими социальными институтами воспитания и межпоколенческой трансляции являются семья и система образования. Каждый социальный институт обладает своими особыми методами воспитания и передачи социального опыта и духовно-нравственных ценностей. Семья передаёт традиционные ценности; социализация (воспитание) идёт в доверительной атмосфере, эмоционально окрашено (словом и тоном), через совместный труд, в соответствии с "кодексом", выработанным самой семьей, часто в полиэтнической среде, где важную роль играет "генетическая память", "родовой код".

Проводимые в детских садах, школах, национальных сёлах мероприятия, влияют на становление этнического сознания детей, их этническую идентификацию. На основе обращения к истокам традиционной культуры, происходит передача опыта подрастающему поколению через язык, историю, фольклор, декоративно-прикладное искусство. В идеале семья и общество должны дополнять друг друга в этом процессе. К сожалению, результаты проведённого исследования показали, что на сегодняшний день сохранение и передача национальной культуры в большей степени происходит через детский сад, воспитателей, педагогов, которые повышают уровень мотивации изучения родного языка, развития речевой деятельности на родном языке, осознания этнической принадлежности, и менее всего – через родителей [8, с. 96–97]. Остаётся надеяться, что в дальнейшем ситуация кардинально изменится и семья будет выполнять свою первоначальную функцию – воспитания детей и передачи им духовно-нравственных ценностей.

Литература

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Арсеньев В.К. Китайцы в уссурийском крае. 1900–1908 гг. Доклад (Читано в заседании Отделения этнографии И.Р.Г.О. 25 февр. 1911 г.) // В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Альманах "Рубеж",

2012. Т. 3. С. 323–506. Приложение. С. 631–666.

3. Арсеньев В.К. Лесные люди – удэгейцы // Арсеньев В.К. Соч. Владивосток, 1948. Т. 5. С. 139–188
4. Арсеньев В.К. Сквозь тайгу // В.К. Арсеньев. Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Альманах "Рубеж", 2011. Т. 2. С. 479–604.
5. Афанасьев В.Ф. Этнопедагогика нерусских народов Сибири и Дальнего Востока. Якутск: Якут. книжное изд-во, 1979. 184 с.
6. Баранова–Дигор Р.Г. Назад – по Реке Памяти, вперед – в Потоке Времени. Хабаровск, Хабаровское книжное издательство "Ковчег", 2010. 224 с.
7. Безлепкина Л.Ф. Изменение роли семьи как социального института в процессе развития // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 126–132.
8. Белая Е.Г. Формирование основ нанайской культуры детей в условиях детского сада // Альманах "Казачество". М.: Международный издательский центр "ЭТНОСОЦИУМ", 2021. № 51. С. 93–98.
9. Василевич Г.М. 1969. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
10. Высоков М.С. Коренное население Сахалина на пороге третьего тысячелетия // Краеведческий бюллетень. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. 1999. № 4. С. 18–47.
11. Высоков М.С. Научное наследие Б. Пилсудского и современное положение коренного населения Сахалина // Б.О. Пилсудский – исследователь народов Сахалина (Материалы междунар. науч. конф. 31 октября – 2 ноября 1991 г. г. Южно-Сахалинск). Южно-Сахалинск. Сахал-кий обл. краеведч. музей, 1992. С. 36–44.
12. Гурвич И.С. О современном состоянии традиционных религиозных верований малых народов Севера и пути их преодоления // Вопросы преодоления пережитков прошлого и становление новых обычаев и традиций у народов Сибири: Мат-лы научно-практ. конф., сост-ся 22-26 ноября 1966 г. в г. Улан-Удэ / Отв. ред. А.П. Окладников, Д.Д. Лубсанов. Вып. 1. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1968. С. 87–94.
13. Егорова А.С. Духовно-нравственное воспитание детей через традиционные праздники // Духовное и нравственное воспитание детей на основе российских традиционных ценностей: Сборник материалов научно-практической конференции, приуроченной к 800-летию со дня рождения Святого князя Александра Невского. Самара: "КИРИЛЛИЦА", 2020. С. 10–12.
14. Каримова Н. Теряют связь со своими корнями // Амгуньская правда. 1990. 17 февраля. С. 4.
15. Ким А.С., Кныш А.В., Лях П.П., Менделен Н.Г., Прасолова М.П., Смирнов Б.В. Малочисленные этносы Приамурья: Монография / Отв. ред. Б.В. Смирнов. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. техн. ун-та, 1993. 71 с.
16. Михайлов В.И., Чуркин А.А. Коренные народы Дальнего Востока (соц., экон., культ. и этнограф. аспекты). Хабаровск: Изд-во Хаб-го краевого центра психического здоровья, 1999. 37 с.
17. Отаина Г.А. Воспитание экологического сознания у народов Дальнего Востока // Культура Дальнего Востока XIX–XX в.в. Владивосток, 1992. С. 103–112.
18. Отаина Г.А. Фольклор в народной педагогике нивхов // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С. 129–138.
19. Подмаскин В.В. Духовная культура удэгейцев XIX – XX вв. Историко-этнографические очерки. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1991. 160 с.
20. Подмаскин В.В. Народные знания удэгейцев: историко-этнографическое исследование по материалам XIX–XX вв. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1998. 227 с.
21. Прокопенко В.И. Этноспорт народов Севера Приамурья и Сахалина: Книга для учителя: учеб. пособие. Хабаровск: Дальневосточный издательский центр "Приамурские ведомости", 2015. 264 с.
22. Прошина Л. Брак – дело серьезное // Амгуньская правда. 1988. 15 сентября. С. 2.
23. Севильгаев Г.Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972. 423 с.
24. Семашко И.М. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в семье // Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен. Мат-лы межд. конф. 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 267–277.
25. Смоляк А.В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307–336.
26. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1966. 290 с.
27. Смоляк А.В. Южные ороки (этнографические заметки) // Советская этнография. 1965. № 1. С. 28–42.
28. Суник О.П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
29. Туголуков В.А. 1969. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 216 с.
30. Тураев В.А. Охотские звенки: этнокультурные и социально-демографические процессы в XX веке // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и развития. Вып.4. Иркутск, 2005. С. 103–130.
31. Фадеева Е.В. Брак и семья тазов индия // История и культура тазов: историко-этнографические очерки (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Отв. ред. А. Ф. Старцев. Владивосток: Дальнаука, 2019.

С. 248–259.

32. Фадеева Е.В. Механизмы воспроизводства этнокультурных традиций в женской среде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4 (35). С. 94–102.

33. Функ Д.А., Зенько А.П., Силанняя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 14–30.

34. Ходжер Г.Г. Конец большого дома. Хабаровск: Книжное издательство, 1969. 368 с.

35. Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов // Зап. Приам-го отд. РГО. Хабаровск, 1896. Т. 2. Вып. 1. С. 1–131.

36. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1933. 740 с.

37. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Серия: Библиотека коренных народов Севера. М.: РИТЦ, 2005. 464 с.

References

1. Avrorin V.A., Lebedeva E.P. Oroch texts and dictionary. L.: Nauka, 1978. 264 p. (In Russ.).
2. Arseniev V.K. The Chinese in the Ussuri region. 1900–1908 Report (Read at a meeting of the Department of Ethnography I.R.G.O. February 25, 1911) // V.K. Arseniev. Col. in 6 volumes. Vladivostok: Almanac "Rubezh", 2012. Vol. 3. P. 323–506. Application. P. 631–666. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. Forest People – udeheytsy // Arsenyev V.K. Col. Vladivostok, 1948. Vol. 5. P. 139–188 (In Russ.).
4. Arseniev V.K. Through the taiga // V.K. Arseniev. Col. in 6 volumes. Vladivostok: Almanac "Frontier", 2011. Vol. 2. P. 479–604. (In Russ.).
5. Afanasyev V.F. Ethnopedagogics non-Russian peoples of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakutia. Book Publishing House, 1979. 184 p. (In Russ.).
6. Baranova–Digor R.G. Back – along the River of Memory, forward - in the Stream of Time. Khabarovsk, Khabarovsk book publishing house "Ark", 2010. 224 p. (In Russ.).
7. Bezlepkina L.F. Changing the role of the family as a social institution in the development process // Woman and freedom: ways of choice in the world of traditions and changes. Materials int. conf. 1993 M.: Nauka, 1994. P. 126–132. (In Russ.).
8. Belaya E.G. Formation of the foundations of the Nanai culture of children in a kindergarten. // Almanac "Cossacks". M.: International Publishing Center "ETNOSOCIUM", 2021. No. 51. P. 93–98. (In Russ.).
9. Vasilevich G.M. Evenki: historical and ethnographic essays (XVIII – nach. XX in.). L.: Nauka, 1969. 304 p. (In Russ.).
10. Vysokov M.S. The indigenous population of Sakhalin on the threshold of the third millennium // Local history bulletin. Problems of the history of Sakhalin, the Kuriles and adjacent territories. 1999. No. 4. P. 18–47. (In Russ.).
11. Vysokov M.S. The scientific heritage of B. Pilsudski and the current situation of the indigenous population of Sakhalin // B.O. Pilsudskiy – researcher of the peoples of Sakhalin (Materials of the international scientific conference. October 31 – November 2, 1991, Yuzhno-Sakhalinsk). Yuzhno-Sakhalinsk. Sakhal Region ethnographer. Museum, 1992. P. 36–44. (In Russ.).
12. Gurvich I.S. On the current state of traditional religious beliefs of the small peoples of the North and ways to overcome them // Questions of overcoming the remnants of the past and the formation of new customs and traditions among the peoples of Siberia: Materials of scientific-practical. conf., compiled on November 22–26, 1966 in Ulan-Ude / Ed. A.P. Okladnikov, D.D. Lubsanov. Issue 1. Ulan-Ude: Buryat book. publishing house, 1968. P. 87–94. (In Russ.).
13. Egorova A. S. Spiritual and moral education of children through traditional holidays. // Spiritual and moral education of children based on Russian traditional values: Collection of materials of a scientific and practical conference dedicated to the 800th anniversary of the birth of the Holy Prince Alexander Nevsky. Samara: "CYRILLIC", 2020. P. 10–12. (In Russ.).
14. Karimova N. They lose touch with their roots // Amgunskaya Pravda. 1990. 17 February. P. 4. (In Russ.).
15. Kim A.S., Knysh A.V., Lyakh P.P., Mendelen N.G., Prasolova M.P., Smirnov B.V. Small ethnic groups of the Amur region: Monograph / Ed. B.V. Smirnov. Khabarovsk: Publishing house of the Hub. state tech. University, 1993. 71 p. (In Russ.).
16. Mikhailov V.I., Churkin A.A. Indigenous peoples of the Far East (social, economic, cultural and ethnographic aspects). Khabarovsk: Publishing house of the Khab-th regional center for mental health, 1999. 37 p. (In Russ.).
17. Otaina G.A. Education of ecological consciousness among the peoples of the Far East // Culture of the Far East of the XIX–XX centuries. Vladivostok, 1992. P. 103–112. (In Russ.).
18. Otaina G.A. Folklore in the folk pedagogy of the Nivkhs // Family and family life in the eastern regions of Russia. Vladivostok, 1997. P. 129–138. (In Russ.).
19. Podmaskin V.V. Spiritual culture of the Udege in the 19th – 20th centuries. Historical and ethnographic essays. Vladivostok: Dalnevost Publishing House. un-ta, 1991. 160 p. (In Russ.).

20. Podmaskin V.V. Traditional knowledge Udeghes: historical and ethnographic research on materials of XIX – XX centuries. Vladivostok: Publishing House of the RAS, 1998. 227 p. (In Russ.).
21. Prokopenko V.I. Ethnosport of the peoples of the North of the Amur Region and Sakhalin: A book for the teacher: textbook. allowance. – Khabarovsk: Far Eastern Publishing Center "Priamurskiye Vedomosti", 2015. 264 p. (In Russ.).
22. Proshina L. Marriage is a serious matter // Amgunskaya Pravda. 1988. 15 September. P. 2. (In Russ.).
23. Sevilgaev G.F. Essays on the history of education of small peoples of the Far East. L.: Education, 1972. 423 p. (In Russ.).
24. Semashko I.M. The mechanisms of reproduction of ethnic and cultural traditions in the family // Woman and freedom: the path of choice in the world of tradition and change. Materials of Int. Conf. 1993. M.: Nauka, 1994. P. 267–277. (In Russ.).
25. Smolyak A.V. Peoples of the North and the Far East // Family life of the peoples of the USSR. Moscow: Nauka, 1990. P. 307–336. (In Russ.).
26. Smolyak A.V. Ulchi: economy, culture and way of life, past and present. Moscow: Nauka, 1966. 290 p. (In Russ.).
27. Smolyak A.V. Southern Oroks (ethnographic notes) // Soviet ethnography. 1965. No. 1. P. 28–42. (In Russ.).
28. Sunik O.P. Ulchi language: research and materials. L.: Nauka, 1985. 264 p. (In Russ.).
29. Tugolukov V.A. 1969. Pathfinders on reindeer. M.: Nauka, 1969, 216 p. (In Russ.).
30. Turaev V.A. Okhotsk Evenki: ethno-cultural and socio-demographic processes in the XX century // Peoples and cultures of Siberia. Interaction as a factor of formation and development. Issue 4. Irkutsk, 2005. P. 103–130. (In Russ.).
31. Fadeeva E.V. Marriage and the Taz family of the Idyindya // History and culture of the Taz: historical and ethnographic essays (second half of the 19th – beginning of the 21st century) / Otv. ed. A.F. Startsev. Vladivostok: Dalnauka, 2019. P. 248–259. (In Russ.).
32. Fadeeva E.V. Mechanisms of reproduction of ethnocultural traditions in the female environment among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin // Oikumena. Regional studies. 2015. No. 4 (35). P. 94–102. (In Russ.).
33. Funk D.A., Zenko A.P., Silannyaya L. Materials on contemporary culture and socio-economic situation of the northern Uilta group // Ethnographic Review. 2000. No. 3. P. 14–30. (In Russ.).
34. Hodger G.G. End of the big house. Khabarovsk: Book publishing house, 1969. 368 p. (In Russ.).
35. Shimkevich P.P. Materials for the study of shamanism among the Golds // Zap. Priam-th department Russian Geographical Society. Khabarovsk, 1896. T. 2. Issue. 1. P. 1–131. (In Russ.).
36. Sternberg L.Ya. Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals, Ainu. Khabarovsk: Book. Publishing House, 1933. 740 p. (In Russ.).
37. Encyclopedia of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Series: Library of Indigenous Peoples of the North. M.: RITC, 2005, 464 p. (In Russ.).

Елена Викторовна ФАДЕЕВА, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Elena V. FADEEVA, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: ev_fadeeva@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 22.09.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 15.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Ценностные ориентиры тунгусоязычных народов: устойчивость и развитие

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, fetisova.lidie@yandex.ru

Аннотация. На материале тунгусоязычного фольклора рассмотрены социокультурные ценности традиционного общества, имевшие значимость на разных исторических этапах. Исследование опирается на такие научные методы и подходы, как структурно-функциональный, сравнительно-исторический, типологический. Главное внимание уделено брачным нормам, обязанностям трудоспособных членов родового коллектива и взаимопомощи. В героическом эпосе отмечена идеализация явлений, ставших анахронизмами: кровной мести и многожёнства. Показано несоответствие реального поведения с ценностными установками, зафиксированными фольклором и принимаемыми общественным сознанием.

Ключевые слова: российский Дальний Восток, тунгусоязычные народы, традиционное общество, индигенный фольклор, социокультурные ценности, аксиологические ориентиры

Для цитирования: Фетисова Л.Е. Ценностные ориентиры тунгусоязычных народов: устойчивость и развитие // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 27–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/27-37>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/27-37>

Value Orientations of Tungus-languages Peoples: Sustainability and Development

Lidiya Evgenievna FETISOVA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, fetisova.lidie@yandex.ru

Abstract. Social, cultural, mental attitudes correspond to the system of values of each nation; universal human values have their own specifics in each ethnic environment. On the materials of Tungus-Manchu folklore, the socio-cultural values which were significant at different stage of traditional society were considered. Author used such scientific methods as structural-functional, comparative historical, typological. The main attention was paid to marriage norms, the duties of members of patrimonial collective in relation to the destitute tribesmen and mutual assistance. It was noted that the concern for the preservation of the traditions was connected with the veneration of the precepts of the divine ancestors. Folk stories about the oppression of orphans appeared as a result of the transformation of the primitive communal organization. In the heroic epic, there was marked the idealization of ancient phenomena – blood revenge and polygamy. The discrepancy between real behavior and value norms that were fixed in folklore was shown.

Keywords: Russian Far East, Tungus-languages peoples, traditional society, indigenous folklore, socio-cultural value, axiological orientation

For citation: Фетисова Л.Е. Value Orientations of Tungus-languages Peoples: Sustainability and Development // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 27–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/27-37>

Происходящие в жизни современного общества трансформации свидетельствуют о том, что научно-технический прогресс не ведёт автоматически к совершенствованию духовно-нравственного потенциала человечества. Возникающие проблемы способствуют актуализации исследований в области традиционной культуры, базовые постулаты которой (особенно в сфере экологии), несмотря на ярко выраженную этничность, обладают общечеловеческой значимостью [11; 14; 16; 23]. С этих позиций представляет интерес и духовное наследие тунгусо-маньчжурских народов России. История изучения коренного населения российского Дальнего Востока имеет обширную библиографию. В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН подготовлена серия трудов, посвящённых индигенным этносам региона, в том числе удэгейцам (1989), ульчам (1994), орочам (2001), нанайцам (2003), дальневосточным эвенкам (2010), негидальцам (2013), орокам-уйльта (2021). Вместе с тем в большинстве публика-

ций аксиологические установки традиционного общества представлены преимущественно в описательном, но не аналитическом ключе.

Объект данного исследования – традиционные социокультурные ценности тунгусоязычных народов Дальнего Востока, предмет исследования – трансформация ценностных ориентиров, получивших отражение в сознании и фольклоре индигенного населения региона. Автором использованы традиционные для этнологии методы: структурно-функциональный (для определения значимости социокультурного явления); сравнительно-исторический (для выявления изменений в системе ценностей тунгусоязычных этносов); типологический (для установления общности ценностных ориентиров в жизни разных народов).

Цель статьи – рассмотреть социокультурные ценности тунгусоязычного населения Дальнего Востока с точки зрения их отражения в обыденном сознании и в сфере художественного мышления, отметив изменения в их восприятии. Для достижения цели решались следующие основные задачи – определение аксиологически значимых констант в системе социокультурных явлений традиционного общества; рассмотрение фольклорного наследия как способа закрепления ценностных ориентиров тунгусоязычных народов; выявление противоречий между аксиологическими установками и реальным поведением людей на разных исторических этапах.

Рассматривая ценности как явления действительности, наделённые особой значимостью в сознании определённого сообщества, надо учитывать, что они могут иметь и положительные, и отрицательные характеристики. Аксиологический аспект связан с нравственной оценкой этих явлений, которые подразделяются на материальные, духовные и социальные [17, с. 54].

Социализация членов традиционного общества осуществлялась посредством трудовой и ритуальной деятельности, но не менее важную роль играло освоение фольклорного наследия. Правила поведения, подлежащие неукоснительному соблюдению, представлены в разных жанрах фольклора: в героическом эпосе, сказках, несказочной прозе. Фольклор зафиксировал как устойчивость, так и трансформацию традиционных постулатов. Нормативные установки, имеющие аксиологическую значимость, как правило, обращены в прошлое, что характерно для традиционного мышления, которое ориентировано на воспроизведение одних и тех же культурных текстов, а не на их постоянное умножение, как в современном обществе, и для которого особую значимость имеет "прецедент, положивший начало жизни и всей последующей традиции" [2, с. 11–12]. В традиционном обществе соционормативные ценности выполняли важную функцию сплочения этноса и разграничения его с другими этносами [17, с. 54].

По мнению многих отечественных учёных, у тунгусо-маньчжуров не существовало родов в "классическом" понимании данного термина. Главное – у них отсутствовал такой важный признак, как единство происхождения. Этнографы установили, что большинство родовых объединений сложились сравнительно недавно (5–6 поколений назад) и представляли собой гетерогенные образования [14, с. 83–87].

Для поддержки немногочисленных, слабых в хозяйственном отношении родов создавались этнически неоднородные объединения, известные как *доха / духа*. Упрощённое представление о возникновении этого института можно видеть в родовых преданиях, повествующих о том, как жители маленьких селений, видя людей, плывущих на плотках, приглашали их к себе жить, рассчитывая таким образом уменьшить собственные жизненные трудности [14, с. 83]. Члены союза родов были связаны рядом взаимных обязательств, которые неукоснительно соблюдались при отправлении обрядов, считавшихся жизненно важными (например, медвежий праздник, свадебный и похоронный ритуалы), или в случае кровной мести. Управлял *доха / духа* совет его старейших членов. Примечательно, что лица, находившиеся в таких взаимоотношениях, не вступали во взаимные браки. Этот институт существовал у нанайцев, ульчей, негидальцев, удэгейцев, орочей, ороков (уйльта) [14, с. 83–85].

В число базовых ценностей индигенного населения региона ранее входили традиционные формы брака и внутрисемейных отношений. Среди требований, подлежащих неукоснительному соблюдению, в первую очередь надо назвать экзогамию. Так, эвенки предостерегали: "... худо, когда люди берут в жёны из своего рода: тогда болезни легко разобратся чутьём по родовому следу и пожрать семью. Если кто желает жить хорошо и спокойно, пусть берёт жену из других родов (не близких): это перемешает родовые пути, и болезнь племени долго будет блуждать чутьём в поисках семейства" [5, с. 29].

Однако архаическим сознанием инцест первой пары пралюдей рассматривался как естественный акт воспроизводства себе подобных в эпоху первотворения, предшествующую социогенезу и установлению строгого космического порядка [12, с. 59]. Недопустимость кровосмесительного союза позднее была закреплена в брачных нормах и нашла отражение в фольклорных текстах, которые имели хождение у всех дальневосточных народов. Например, по верованиям нанайцев, души людей, нарушивших нормы экзогамии, превращались в кровожадных и блудливых духов *сайка*, имевших безобразный облик и источавших отвратительный запах. Опасаясь тяжёлых для всего рода последствий, и тунгусо-маньчжуры, и нивхи изгоняли или даже убивали людей, вступивших в инцестуальный союз [9, с. 160–161].

В мифологии северных тунгусов, эвенков и негидальцев имеются попытки обойти вопрос об инцесте первопредков. У некоторых групп дальневосточных эвенков отмечено представление, что "*человек родился от Неба Буга*" (то есть по воле высшего божества). В Верхнем мире жили мальчик и девочка (об их родстве прямо не говорится). Они были такими маленькими, что на шубу каждому хватало шкурки одной белки. Проголодавшись, они упали на землю, увидели голубицу, стали её есть и быстро выросли. От этой пары пошли первые люди [5, с. 113].

В ульчских текстах инцест однозначно осуждается. А.М. Золотарёв подчёркивал, что инцестуальный брак противоречит "ульчским родовым нормам, в силу которых брат не только не смеет спать рядом с сестрой, но и должен избегать фривольного обращения и лишних разговоров с ней" [8, с. 141]. Однако далее автор сообщил, что разнополые близнецы всегда проводят первую брачную ночь в одной постели, объясняя это тем, что каждый из близнецов представляет свою экзогамную половину [8, с. 142]. Думается, однако, что в данном случае мы имеем дело с ритуальной имитацией действия, которая, хотя и приходила в противоречие с поздней системой запретов, но сохранялась как компонент этнокультурной памяти.

Традиционные брачные нормы и практика семейных отношений сохраняли стабильность ещё на рубеже XIX – XX вв., хотя и не оставались неизменными. Например, ранее существовал обычай выдачи замуж девочек и женитьбы мальчиков в раннем возрасте, но фактические брачные отношения наступали не ранее 14–15 лет. Малолетнюю невесту передавали в семью будущего супруга. Однако её жизнь в новой семье порой была нелёгкой. Удэгейцы вспоминали: "*Взята маленькая девочка растёт у жениха пять лет. Живёт и страшно мучается. Её бьют, морят голодом. Она живёт в постоянном страхе. Одну девочку отдали (роду) Кимонко пяти лет, за неё роду Кялундзюга дали трёхлетнюю девочку. Живя без матери, дети очень страдали. Спать приходилось у самой двери, вместе с собаками...*" [26, с. 291]. Этот обычай остался в прошлом.

В традиционном обществе нормой жизни являлась полигамия. Орочи из рода *Акунка* утверждали, что Бог сотворил первого *Акунку* сразу имеющим двух жён [15, с. 174]. В эпическом творчестве тунгусо-маньчжуров многожёнство героя рассматривается как его законное право. Нанайский *Мэргэн*, отомстив за родных, возвращался не только с богатой добычей, но и с женщинами из враждебного племени. Так, *Пунтуэ мэргэн*, расправившись с врагами, освободил из плена сородичей и взял в жёны дочерей своих противников. Первым герой убил могущественного старика, который пообещал сделать себе кольцо из кости бедра *мэргэна*, затем уничтожил его помощников – *Саксио* (сороку) шамана и *Сэлэкэн* (железного) ша-

мана. Жена старика просила о пощаде: "Меня-то не убивай: ничего не знаю о его делах. Я даже рта не открывала. Возьми мою дочь в жёны. Людей селения заberi. Мэргэн пошёл в дом старухиной дочери и увидел красивую девушку. Женился на ней. Ещё взял в жёны дочь Саксио-шамана и дочь Сэлэкэн-шамана..." [13, с. 93]. Женщина как трофей представлена в эпосе всех тунгусо-маньчжуров. Однако в начале XX в. многожёнство чаще всего было связано с сохранением обычая левирата – брачного права младшего брата на жену старшего, что обязывало его в случае смерти брата жениться на его вдове и взять на себя заботу о племянниках.

Со временем в реальной жизни многие брачные нормы утратили прежний пре-скриптивный (то есть обязательный для исполнения) характер. В конце XIX в. наряду с традиционными формами заключения брака получила распространение уплата выкупа, и теперь в привилегированном положении находилась женщина с богатым приданым, что являлось нарушением прежнего брачного права. Благосостояние женщины играло свою роль и в других ситуациях. Например, когда, по обычаю левирата, вдова переходила в дом младшего брата мужа вместе с имуществом и детьми, она могла получить статус старшей женщины, если в семье не было свекрови. Ранее старшей женой считалась та, которую мужчина взял первой, но были случаи, когда на особом положении находилась любимая супруга, самая молодая из жён [6, с. 75–77]. В такой ситуации нередко возникали внутрисемейные конфликты.

За невесту с богатым приданым требовали и большой выкуп. Далеко не каждый охотник мог внести такую плату, какую запросили родители девушки. Неженатый мужчина имел низкий общественный статус. Осуждение общества касалось не только самого молодого человека, но и его родителей. Считалось, что те, кто не смог найти сыну невесту, прожили жизнь впустую, поскольку не приумножили свой род. Некоторые нанайцы покупали женщин у маньчжурских купцов, как правило, это были служанки. Такая жена обходилась значительно дешевле. Между купцом и охотником заключался договор о цене невесты – определялось количество пушнины, которое следовало доставить по окончании промыслового сезона. Иметь жену-маньчжурку считалось престижным. Эта практика наблюдалась также у негидальцев, ульчей, удэгейцев. В более ранний исторический период женщин добывали во время межэтнических конфликтов [10, с. 49]. Старые брачные нормы постепенно уходили из жизни, но оставались этнографическим фоном многих фольклорных произведений.

Гендерные установки нового времени закрепили главенствующее положение мужчины. Исключение составляла только старшая женщина, как правило, мать или жена (вдова) главы семьи. Именно она распределяла обязанности по дому между остальными женщинами, следила за рациональным использованием продовольственных запасов и т.д. [22, с. 310]. Невесткам разрешалось держаться свободно только с младшими по возрасту. Даже с собственными мужьями они должны были вести себя сдержанно, признавая своё подчинённое положение. Статус невестки несколько повышался с появлением ребёнка, но всё равно в общении со старшими следовало соблюдать определённые этикетные нормы, например, говорить тихим голосом, не глядя на собеседника [25, с. 93].

В ряде ороческих текстов, героиня которых обладает сверхъестественными свойствами, мужчина не желает признавать её превосходство. Эпическому герою по имени Дёлонука пришлось сразиться с трёхговым стариком: "Когда говорит, все три головы говорят вместе, а толщиной он в сажень. Всё это видит герой. И высотой он в сажень" [15, с. 156]. Этот старик убил всех родных юноши, когда тот был ребёнком, а его самого отец спрятал, накрыв пустым котлом. Теперь герой готов отомстить за смерть близких, но противник оказался слишком силен. К концу сражения в небе появилась белая птица, которая принесла Дёлонуке душу его антагониста. Благодаря этому герой сумел расправиться с врагом и отомстить за смерть отца. Став его женой, девушка напомнила о своей помощи: "Кабы не я, ещё неизвестно, убил бы ты его или нет". Однако в ответ услышала: "Когда я пошёл туда, у меня

были свои намерения. Я не живу по наущению женщин. Я и сам знал, что справлюсь" [15, с. 157–158].

В обыденном сознании каждого народа существует образ "идеальной женщины". Пудин, эпическая героиня нанайского фольклора, в полной мере соответствует этническому идеалу. Как только охотник приходил с добычей, она тут же принималась за дело: *"Занесла она в дом его ношу, разожгла очаг, налила воды в котёл и стала готовить. Ремень аккуратно свернула и повесила на крюк. Вошёл мэргэн, а котёл уже кипит. "Проворная же она", – подумал он".* Девушка сварила мясо и начала его резать: *"Нарезала она кусочки тоньше мездры, толщиной с волосок. Полную миску нарезала, посолила, добавила туда черемши и подала еду и палочки. Мэргэн принял еду, отодвинул палочки от себя, стал жадно есть, загребая нарезанное мясо в рот прямо ладонью. "Дорогая, нарежь ещё мяса, – попросил он. – Вернусь усталый и голодный, режу мясо на коленях и глотаю. Только сейчас узнал: мясо, нарезанное рукой женщины, вкуснее"*. Так девушка нашла свою судьбу [13, с. 327].

Как видим, традиционный образ жизни чётко разграничивал обязанности мужчин и женщин, но социально-экономические изменения, произошедшие в XX в., оказали влияние на трудовое поведение членов индигенной семьи: мужчина перестал быть основным добытчиком и кормильцем. Новая ситуация описана в сказке Н.С. Дунка (нанайца, жившего в удэгейском селе). Действующим лицом этой сказки является ленивый супруг трудолюбивой Сайнаки: *"Работы у неё много. По хозяйству хлопочет, олочи шьёт, на охоту ходит. На оморочке ездит по быстрой речке, острогу бросает без промаха... Её муж, Сунси, спит, сколько ему хочется. Проснётся – жена ему обед подаст... Жиром заплыл, лицо округлилось, как луна, глаза сузились, будто щёлки, прорезанные листком камыша"* [7, с. 3]. Хитрая Сайнака сумела лестью и обманом вернуть мужу чувство собственного достоинства и дала ему возможность занять место настоящего главы семьи. Подобная ситуация не встречается в оригинальных фольклорных текстах, сохраняющих прежние гендерные приоритеты, согласно которым основным добытчиком пропитания является мужчина.

Поступки, противоречащие традиционным нормам, чаще всего указывают на иноэтническое происхождение персонажей. В нанайском фольклоре героиня, чьё поведение осуждается, обычно является маньчжуркой. В популярной нанайской сказке рассказывается о неудачном сватовстве отважного Мэргэна, который был умелым охотником, о чём свидетельствует его одежда из первосортных соболей. Он пришёл к своей избраннице, но Пудин в его сторону даже головы не повернула и не сказала ни слова. *"Она сидела и вышивала. Молодец трое суток жил у неё в доме и все трое суток голодал"* [20, с. 208]. В следующий приезд молодой человек сам приготовил еду и принёс её девушке: *"Мэргэн сказал пудин: "Друг-жена, на что ты обиделась? Повернись ко мне лицом, давай угощаться!" Пудин на эти слова не обратила никакого внимания. Она подобрала клубочком свои ноги и со всей силой оттолкнула столик так, что все блюда и тарелки вдребезги разбились..."* [20, с. 211–212]. Девушке хотелось, чтобы молодой человек выполнял любые её требования. Лишь убедившись в этом, она стала его женой, обустроив свой семейный быт по маньчжурскому образцу: *"В доме у неё два работника и две служанки. Только теперь она зажила так, как ей хотелось"* [13, с. 291].

Наиболее существенные изменения в сфере брачных отношений тунгусо-маньчжуров были связаны с таким важным фактором, как вхождение Приамурья и Приморья в состав России, православного государства. Прежние достаточно тесные контакты с Северо-Восточным Китаем не оказали существенного влияния на эту сторону жизни тунгусоязычных этносов.

Основной экономической единицей у народов юга российского Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. являлась семья, но институтом, регулирующим семейные отношения и общественную жизнь, оставался род. Несмотря на гетерогенность большинства родов, кровные связи были аксиологически значимыми в системе этнических ценностей. Не случайно, в основе героических сюжетов тунгусо-мань-

чжурского эпоса, как правило, лежит мотив кровной мести, которая могла длиться годами.

Во избежание взаимного истребления враждующих родов позднее проблема стала решаться с помощью выкупа, размер которого определялся действующими нормами обычного права [8, с. 74–79]. Однако в эпических текстах тунгусо-маньчжуров все враги мужского пола, независимо от возраста, подлежали уничтожению, а женщины и достояние чаще всего забирались в качестве контрибуции. В ороческом предании рассказывается о человеке из рода Ёминка по имени Боктонго, который отомстил за смерть сына, убитого нивхом. *"В порыве гнева он за день добежал до Амура, чтобы убить этого нивха"*. Придя в дом врага, Боктонго спрятался в ожидании удобного момента. *"Вот слышит он, как нивх укачивает своего ребёнка. Ударом копыта Боктонго убил нивха"*. Затем расправился с его сыном. Возвратившись домой, он сообщил родным: *"Нивха я убил"* [15, с. 178].

По сравнению с несказочной прозой героический эпос имел более сложную сюжетную организацию. Главный персонаж покидал родной дом и отправлялся в путь, чтобы найти жену или вернуть похищенную сестру, но прежде всего – чтобы уничтожить врага, убившего его родных. Нанайский Мэргэн, отомстив, возвращался на родину, захватив жителей покорённого селения. Подобный финал указывает на существование у нанайцев патриархального рабства. Исследователями установлено наличие домашнего рабства и у других народов Амура, в частности ульчей и нивхов. Однако наиболее развитой эта система была у нанайцев. Её укреплению способствовало участие тунгусо-маньчжуров в боевых действиях Восьмизнаменной маньчжурской армии [21, с. 254–268].

О завоевательных походах нанайцев говорится во многих фольклорных текстах. Герой одного из них отправился на поиски девушки, которая ему приснилась. *"Он не помнил, сколько переплыл морей, сколько раз переправился через реки, сколько рек прошёл против течения, сколько гор перевалил"*. На вершине последней горы он нашёл Пудин, на которой женился во сне. *"Наутро Мэргэн поднялся и пошёл подчинять людей этой деревни. Подчинив её, он погрузил людей и их богатства на плоты, лодки, оморочки, большие баржи, которые запрудили всю ширину реки, и отправил их в своё селение"*. Теперь здесь стало так много народу, что образовался настоящий город.

В финале произведения описывается жизнь, идеальная с позиции традиционного сознания: *"Утром собаки с шумом лаяли и дрались между собой, днём дети на собаках, как шарики, катались, играли. Мужчины в тайгу ходили, зверя добывали, другие рыбу ловили, женщины шкуры обрабатывали, одежду шили, красками на ней рисунки выводили, за водой ходили, дрова носили. Никто из них никому не изменял, никому не лгал, ни с кем не воевал, хорошо жили, детей растили. Так и жили!"* [20, с. 276–277]. Захват вражеского стойбища расценивался сказителем как героическое деяние, но в мирное время достойными занятиями настоящего мужчины считались охота и рыболовство.

Аналогичные представления имели и другие тунгусо-маньчжуры, в частности, орочи. Одинокий герой отправлялся в путь, чтобы разыскать "кости своих родителей". Он находил и уничтожал своего кровного врага. Всех жителей захваченного "города" герой перевозил к своему охотничьему домику и делал их своими слугами, но при этом сам продолжал заниматься охотой и рыболовством, обеспечивая едой всех жителей селения, как если бы они были его сородичами. *"Герой жил, добывая много зверя и рыбы. И птицы столько же убивал. Все слуги и служанки не съедали пищи, которую он заготавливал. Слуги говорили: "Наш хозяин лучше всех хозяев, каких бы то ни было. Другого такого хозяина мы не найдём нигде. В пище мы нужды не испытываем, питаемся самым лучшим мясом. Что похуже – отдаём собакам, а самое лучшее, самое жирное сами едим"... Так они и жили"* [15, с. 167].

На самом деле аксиологические установки, представленные в художественных текстах, не совпадали с реальной практикой. Действительное положение пленников, ставших слугами-рабами, было достаточно тяжёлым. *"Рабам давали одежду старую (изношенную). Их никогда не кормили хорошим, только плохим кормили. То, что оставалось от еды людей, это давали. Если уха, то бульоном поили, если жидкая*

каша, то жидкостью поили, если суп – то бульоном поили. Листьев табака не давали, корни давали, чтобы курили..." [21, с. 263]. Определённого места в доме рабы не имели, спали у дверей или на улице вместе с собаками. Круг их работ был ограничен домашними занятиями, но у нанайцев мужчины-невольники участвовали в рыболовном промысле вместе с хозяином, хотя охота являлась привилегией только свободных жителей стойбища [21, с. 261–262].

Согласно традиционным установкам трудоспособные мужчины несли ответственность за каждого члена рода. Примечательно, что общественное мнение могло с сочувствием отнестись к неблагоприятному поступку отчаявшегося человека, который по объективным причинам был не в состоянии прокормить своих близких. Так, безымянный персонаж эвенкийской сказки, вынужденный промышлять воровством, описывается с известным пониманием: "Если не сворует, не подойдёт (т.е. не получит), детей своих как будет растить?" [4, с. 118].

По данным А.М. Золотарёва, обычное право ульчей было снисходительно к тем, кто взял продукты питания из острой нужды, а затем вернул их. Не судили строго человека, охотничье невезение которого вынудило его пойти на кражу соболя из чужой ловушки: "Он ходил, мучился, ничего не поймал. За соболя одеться можно". Штраф за этот проступок был в десять раз меньше, чем за кражу хорька или белки, чьи шкурки стоили дёшево. Такое воровство рассматривалось как хулиганство и потому строже наказывалось [8, с. 81].

Сочувствие к обездоленным – нравственный принцип, входящий в число общечеловеческих ценностей. Орочи рассказывали о жизни в прошлом: "Некоторые люди сеток, неводов и лодок делать не умеют. Так те и голодают... Так и живут в бедности. А когда зима придёт, просят у сородичей. Сородич говорит: "Такому человеку нельзя не дать. Дайте хоть немножко! Ведь его жена и дети помереть могут. А если умрут, то слышать об этом будет тяжело. Мы люди порядочные, а над нами другие люди, люди из чужих родов, смеяться станут..." [1, с. 101–102].

Как видим, помимо наказания со стороны высших сил люди старались избежать осуждения сородичей. Этические нормы традиционного общества требовали ответной благодарности от тех, кто в трудной ситуации получил поддержку сородичей; об этом также говорится в орочском тэлуму: "Уже взрослым стал сын спасённого от смерти человека. Тут отец и говорит ему: "Когда ты был маленьким, мы чуть не умерли, но люди нас спасли. Никогда не забывайте тех людей. Что бы вы ни добыли в тайге, понемножку дарите им..." [1, с. 102].

Принципы внутрисемейной взаимопомощи в традиционном обществе имели силу закона: "Люди одного рода, без жены и без детей, если находятся в родственной связи, близкие люди, когда состарятся, то их берут, кормят, когда же умрут – справляют большие поминки. В другой род люди никогда не идут..." [21, с. 223]. Однако надо признать, что наличие беспомощных стариков, неимущих вдов и сирот существенно сказывалось на благосостоянии семьи.

Мотив обижаемых сирот имеет сравнительно позднее происхождение; он появился на этапе разрушения родовой организации и получил широкое распространение. Сюжет о бедной девушке, спасённой месяцем, зафиксирован на обширной территории Евразии. Его движение отмечено, начиная с юго-востока Сибири (включая Дальний Восток) на северо-запад к Прибалтике [3, с. 84]. На полной Луне тунгусо-маньчжуря видели девушку, несущую ведро на коромысле. Считалось, что это бедная сиротка, замученная тяжёлой работой. В негидальском тексте говорится: "Жила одна девочка с отцом, мачехой (и) младшей (сводной) сестрой. Мачеха её очень обижала. Мачеха (использовала) девочку как работницу. (Она) одинёшенька воду таскала, дрова (в дом) заносила, посуду мыла, еду варила. И всегда мачеха её бранила..." Месяц пожалел сиротку, забрал её к себе, и с тех пор на полной луне видна девочка с коромыслом и ведром [27, с. 56]. Произведения о бедных сиротах насыщены реалистическими подробностями, но наряду с этим активно используют язык мифа: как правило, притесняемые персонажи получают помощь не от соплеменников, а от высших сил в лице мифических небожителей.

Несмотря на формирование зажиточного слоя среди тунгусоязычного населения, особенно на территории Маньчжурии, в устном творчестве имущественное и

социальное неравенство чаще всего получало негативную оценку, хотя благосостояние как результат упорного труда оценивалось положительно. Стремление к неумеренному обогащению противоречило представлению о разумной достаточности, существовавшему в традиционном обществе. Так, герой одной из нанайских сказок для выкупа за невесту взял лишь небольшую часть найденного им чудесного клада: *"Привезли они золота, серебра, а одна из жён хозяина говорит: "Какой маленький выкуп запросил: сколько у него ещё осталось золота и серебра!" Тут наш мэргэн ответил: "Зачем мне столько? Всё это будет моим и вашим!"* [13, с. 363].

Повсеместное хождение имели произведения, в которых благосостояние бедняка, даже достигнутое с помощью хитрости, противопоставлялось жадности богача, и без того живущего в довольстве, как, например, в ороческой сказке "Бедняк и богач" [15, с. 213]. Известны эвенкийские и нанайские тексты. В ульчском фольклоре также существует несколько версий этого сюжета. Примечательно, что между действующими лицами первоначально нет антагонизма: *"Один бедный старик и богатый старик жили... Очень бедный старик, и еды не находит. А другой, тот богатый, всё он добывает, и рыбу ловит, и пушнину бьёт. Богат так. К тому (богатому) иногда просить ходит (бедный)"* [23, с. 129]. Чтобы не умереть зимой с голоду, бедный старик, не имеющий сети, велел старухе разжевать сушёную икру. На эту наживку им удалось подманить много рыбы: *"и ленков, и осетров, и щук, и всего"*, и старуха их, *"бац-бац ударяя, убила"* [23, с. 129]. Затем старик решил добыть много пушнины. Отправившись далеко в лес, он улёгся на снег и притворился мёртвым. Таёжные и луговые звери его пожалели: *"Потом старика волоком потащили к его дому, за ноги, за что попало зубами ухватив, множество лисиц, хорьков и всяких других (зверей) так таща, так таща и насили до его дома дошли. Те зайцы, те соболи, белки, все вошли в дом".* И старик их всех перебил, *"пушнину всю обработал, всё во множестве навтыяжку развесил"* [23, с. 130]. Богатый сосед, узнав об этом, также решил разжиться добычей. Однако, когда они с женой подошли к проруби, *"тот старик как попало жадничает, в спешке старуху свою намертво ударив, прикончил, а калугу и ничего другого не убил"* [23, с. 131]. С позиций современной морали, в сказке нет героев, но рассказчик явно оправдывает "бедного старика" и осуждает "богатого", полагая, по-видимому, что живущему в достатке не следует требовать лишнего. Такие представления лежали в основе мировоззрения охотничьих народов, принцип разумной достаточности до недавнего времени оставался главным в их взаимоотношениях с природой. Рассмотренные версии указывают на начавшийся процесс имущественного расслоения традиционного общества.

Однако демонстративное богатство маньчжуров вызывало критику со стороны тунгусоязычных народов. Так, негидальцы иронизировали над "солнечной девицей *Нюлтокчан*", которая носила тройные браслеты и не могла свободно повернуть шею из-за обилия украшений [28, с. 55]. Нанайцы осуждали девушку, которая, выйдя замуж за темнокожего *Сахалиан-мэргэна*, перестала выполнять домашние обязанности. Её новая жизнь представлена в откровенно сатирическом тоне. *"Ой, как ты разбаловалась, негодная, – говорит младшая сестра героини, – испражняешься в золотой горшок, по-лёгкому ходишь в бронзовый. Сморкаешься на спины трёх служанок, на спины пяти служанок плюёшь..."* [13, с. 331]. В наказание младшая *пудин* вызвала наводнение, смывшее дом зятя, после чего он вынужден был перебраться на родину жены. *"Теперь старшая не заставляет работать ни одну из служанок. Сама за дровами, за водой ходит, сама в доме прибирает: боится младшей сестры. Так стали они жить ладно и дружно"* [13, с. 331]. Как видим, фольклором засвидетельствован конфликт ценностей, существенно различающихся в однородном и социально дифференцированном обществе.

Вместе с тем надо иметь в виду, что многие социокультурные ценности имеют исторически преходящий характер. Особенно показательны в этом отношении брачные нормы и семейные отношения, как было показано ранее. По мере усложнения социальной организации (как в результате естественного развития, так и под влиянием внешних факторов) в традиционном обществе неизбежно возникают противоречия между нормативными, требующими обязательного исполнения

ценностями и возможностью их реализации в повседневной жизни. В результате "вербальное поведение" человека (т.е. декларируемые принципы поведения) [29, с. 15] может существенно отличаться от реальных действий в конкретных обстоятельствах. При этом важными для сознания (но не безусловными для выполнения) по-прежнему остаются такие традиционные установки, как взаимопомощь и принцип разумной достаточности во взаимоотношениях с природным окружением.

В прошлом создание художественных текстов являлось способом закрепления аксиологических установок, служивших ориентирами для членов традиционного общества, а в наши дни фольклорное наследие можно рассматривать как своеобразную форму исторической памяти, источник информации о прошлом.

Литература

1. Аврорин В. А. Ороческие тексты и словарь / В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
3. Берёзкин Ю. Е. Мифы Старого и Нового Света: из Старого в Новый Свет: мифы народов мира. М.: АСТ: Астрель, 2009. 446 с.
4. Булатова Н. Я. Говоры эвенков Амурской области. Л.: Наука, 1987. 167 с.
5. Варламова Г. И. (Кэптуэк). Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 374 с.
6. Гаер Е. А. Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1991. 144 с.
7. Дункай Н. С. Хитрая Сайнака: удэгейская сказка. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 15 с.
8. Золотарёв А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1939. 205 с.
9. История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. 325 с.
10. Киле Н. Б. Традиционный этикет взаимоотношений между членами семьи у нанайцев // Семья и семейный быт в восточных регионах России: сборник научных трудов. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 46–52.
11. Косарев В. Д. Тропами предков меж сопок и морем: Экологический опыт и традиционное природопользование коренных народов Сахалина. Южно-Сахалинск: Институт наследия Бронислава Пилсудского, Сахалинское кн. изд-во, 2007. 216 с.
12. Мелетинский Е. М. Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 57–69.
13. Нанайский фольклор: нингман, сioxор, тэлунгу / Сост. Н. Б. Киле. Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1996. 478 с.
14. Народы Дальнего Востока СССР в XVII – XX вв.: историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. 239 с.
15. Ороческие сказки и мифы / Сост. В. А. Аврорин, Е. П. Лебедева. Новосибирск: Наука, 1966. 235 с.
16. Пахомов Ю. Н. Экочеловек как субъект социо-природного развития: Автореф. ... д-ра соц. наук. СПб., 2003. 53 с.
17. Першиц А. И. Возможен ли формационный подход к социальным ценностям этнической культуры // Этнографические исследования развития культуры. М.: Наука, 1985. С. 50–63.
18. Ростовская Т. К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография. / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев. М.: РУСАЙНС, 2019. 228 с.
19. Сем Л. И. Устное народное творчество уссурийских нанайцев // Материалы по истории Дальнего Востока. Владивосток, 1974. С. 189–200.
20. Сем Л. И., Сем Ю. А. Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 668 с.
21. Сем Ю. А. Историческая этнография нанайцев: родовая организация и её трансформация (по материалам XIX – начала XX в.). СПб.: Контраст, 2018. 308 с.
22. Смоляк А. В. Народы Севера и Дальнего Востока // Семейный быт народов СССР. М.: Наука, 1990. С. 307–336.
23. Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л.: Наука, 1985. 264 с.
24. Татаринцев В. О. Экологическая парадигма традиционной культуры (на примере коренных народов Северной Евразии): Автореф. ... канд. филос. наук. Белгород, 2010. 24 с.
25. Фадеева Е. В. Стереотипы женского поведения в семейно-брачных отношениях коренных народов Нижнего Амура // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Владивосток: Дальнаука, 2014. С. 91–96.
26. Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, ехэ / Сост. М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга, М. М. Хасанова. Новосибирск: Наука, 1998. 561 с.

27. Хасанова М. М., Певнов А. М. Мифы и сказки негидальцев. Осака, 2003. 297 с.
28. Цинциус В. И. Негидальский вариант сказаний восточных тунгусов // Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1970. С. 51–58.
29. Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. Л.: Наука, 1985. 325 с..

References

1. Avrorin V. A. Oroch texts and dictionary / V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. L.: Nauka, 1978. 264 p. (In Russ.).
2. Baiburin A. K. Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 240 p. (In Russ.).
3. Berezkin Yu. E. Myths of the Old and New Worlds: from the Old to the New World: myths of the peoples of the world. M.: AST: Astrel, 2009. 446 p. (In Russ.).
4. Bulatova N. Ya. Dialects of the Evenks of the Amur Region. L.: Nauka, 1987. 167 p. (In Russ.).
5. Varlamova G. I. (Kaptuke). Epic and ritual genres of Evenki folklore. Novosibirsk: Nauka, 2002. 374 p. (In Russ.).
6. Gaer E. A. Ancient everyday rituals of the Nanais. Khabarovsk: Khabarovsk book. publishing house, 1991. 144 p. (In Russ.).
7. Dunkai N. S. Sly Saynaka: Udege tale. Vladivostok: Dalnevost. book. publishing house, 1990. 15 p. (In Russ.).
8. Zolotarev A. M. Tribal system and religion of the Ulchi. Khabarovsk: Khabarovsk book. publishing house, 1939. 205 p. (In Russ.).
9. History and culture of the Nanais: historical and ethnographic essays. St. Petersburg: Nauka, 2003. 325 p. (In Russ.).
10. Kile N. B. Traditional etiquette of relationships between family members among the Nanais // Family and family life in the eastern regions of Russia: a collection of scientific papers. Vladivostok: Dal'nauka, 1997. P. 46–52. (In Russ.).
11. Kosarev V. D. Paths of the ancestors between the hills and the sea: Ecological experience and traditional nature management of the indigenous peoples of Sakhalin. Yuzhno-Sakhalinsk: Bronislaw Pilsudsky Heritage Institute, Sakhalin Prince. publishing house, 2007. 216 p. (In Russ.).
12. Meletinsky E. M. On the archetype of incest in the folklore tradition (especially in the heroic myth) // Folklore and ethnography: at the ethnographic origins of folklore plots and images. L.: Nauka, 1984. P. 57–69. (In Russ.).
13. Nanai folklore: ningman, siokhor, telungu / Comp. N. B. Kile. Novosibirsk: Nauka, Sib. publisher firm RAS, 1996. 478 p. (In Russ.).
14. Peoples of the Far East of the USSR in the XVII–XX centuries: historical and ethnographic essays. M.: Nauka, 1985. 239 p. (In Russ.).
15. Oroch tales and myths / Comp. V. A. Avrorin, E. P. Lebedeva. Novosibirsk: Nauka, 1966. 235 p. (In Russ.).
16. Pakhomov Yu. N. Ecohuman as a subject of socio-natural development: Abstract of the thesis. ... Dr. Soc. Sciences. St. Petersburg, 2003. 53 p. (In Russ.).
17. Pershits A.I. Is a formational approach to the social values of ethnic culture possible? Ethnographic studies of the development of culture. M.: Nauka, 1985. P. 50–63. (In Russ.).
18. Rostovskaya T. K. Value orientations of modern youth: features and trends: monograph. / T. K. Rostovskaya, T. B. Kaliev. M.: RUSAINS, 2019. 228 p. (In Russ.).
19. Sem L. I. Oral folk art of the Ussuri Nanais // Materials on the history of the Far East. Vladivostok, 1974. P. 189–200. (In Russ.).
20. Sem L. I., Sem Yu. A. Myths, fairy tales and legends of the Nanais (golds, hechzhe). SPb.: Publishing house of the Russian State Pedagogical University im. A.I. Herzen, 2020. 668 p. (In Russ.).
21. Sem Yu. A. Historical ethnography of the Nanais: tribal organization and its transformation (based on the materials of the 19th – early 20th centuries). St. Petersburg: Contrast, 2018. 308 p. (In Russ.).
22. Smolyak A. V. Peoples of the North and Far East // Family life of the peoples of the USSR. M.: Nauka, 1990. P. 307–336. (In Russ.).
23. Sunik O. P. Ulchi language: research and materials. L.: Nauka, 1985. 264 p. (In Russ.).
24. Tatarintsev V. O. Ecological paradigm of traditional culture (on the example of the indigenous peoples of Northern Eurasia): Abstract of the thesis. ... cand. philosophy Sciences. Belgorod, 2010. 24 p. (In Russ.).
25. Fadeeva E. V. Stereotypes of female behavior in family and marriage relations of the indigenous peoples of the Lower Amur // Culture of the Far East of Russia and the APR countries: East – West. Vladivostok: Dalnauka, 2014. P. 91–96. (In Russ.).
26. Folklore of the Udege: nimanku, telungu, ekhe / Comp. M. D. Simonov, V. T. Kyalundzyuga, M. M. Khasanova. Novosibirsk: Nauka, 1998. 561 p. (In Russ.).
27. Khasanova M. M., Pevnov A. M. Myths and fairy tales of the Negidals. Osaka, 2003. 297 p. (In Russ.).
28. Tsintsius V. I. The Negidal version of the legends of the Eastern Tungus // Folklore and Ethnography. L.:

Nauka, 1970. P. 51–58. (In Russ.).

29. Ethnic stereotypes of behavior / Ed. A. K. Baiburin. L.: Nauka, 1985. 325 p. (In Russ.).

Лидия Евгеньевна ФЕТИСОВА, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Lidiya E. FETISOVA, Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher, Center for the History of Culture and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: fetisova.lidie@yandex.ru

Поступила в редакцию

(Received) 23.09.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 12.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Духовные ценности в праздничном досуге горожан юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX вв.)

Галина Алексеевна АНДРИЕЦ

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, andriets2005@list.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные городские праздники как духовные ценности в праздничном досуге русского населения дальневосточного региона конца XIX – начала XX вв. Методологической основой статьи послужила обширная совокупность теоретико-методологических положений изучения праздничного досуга. Определена роль корабельных оркестров, воинских парадов и церемоний в духовно-нравственном воспитании дальневосточников. Выявлены описания новогодних и пасхальных торжеств, общероссийских памятных дат, событий дальневосточной истории, детских праздников в системе духовных ценностей. Городской праздник, являясь одной из форм передачи историко-культурных традиций, обеспечивал сохранение духовных ценностей.

Ключевые слова: Дальний Восток, духовные ценности, праздничный досуг, город, культурное пространство, праздник, ритуал

Для цитирования: Андриец Г. А. Духовные ценности в праздничном досуге горожан юга Дальнего Востока России (конец XIX – начало XX вв.) // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 38–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/38-47>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/38-47>

Spiritual values in the festive leisure of citizens of the South of the Russian Far East (late XIX – early XX century)

Galina A. ANDRIETS

History of Culture and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, andriets2005@list.ru

Abstract. The article considers the main city holidays as spiritual values in the festive leisure of the Russian population of the Far Eastern region in the late XIX – early XX centuries. The methodological basis of the article was an extensive set of theoretical and methodological provisions for the study of holiday leisure. It is noted that among the reasonable entertainments are widely organized folk readings designed to distract people. The role of ship bands, military parades and ceremonies in the spiritual and moral education of the Far East is determined. Descriptions of New Year and Easter celebrations, all-Russian memorable dates, events of Far Eastern history, children's holidays in the system of spiritual values are revealed. It is proved that the origins of the educational impact of the holidays were in topics and problems that were significant for society. The city holiday, being one of the forms of transmission of historical and cultural traditions, representing a complex phenomenon of art, ensured the preservation of spiritual values.

Keywords: Far East, spiritual values, holiday leisure, city, cultural space, holiday, ritual

For citation: Andriets A.G. Spiritual values in the festive leisure of citizens of the South of the Russian Far East (late XIX – early XX century) // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 38–47. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/38-47>

Несмотря на все проблемы современного общества, традиционные духовно-нравственные ценности не перестают играть важную роль, занимая определённое место в повседневной жизни россиян. Стремление к духовности вселяет уверенность в завтрашнем дне, благодаря чему человечество ещё существует на планете, не истребив себя в войнах, которые, к сожалению, распространяются в мире. Возрождение общества, где на первый план выступает потребность в формировании духовно-нравственных качеств личности, воспитание патриотических чувств, гражданственности и социальной активности по-прежнему актуально.

Богатое историко-культурное наследие содержит многообразные формы и жанры праздничной культуры, объединяющие людей разных национальностей

и возрастов. Сегодня в обилии праздничных и торжественных дат не просматриваются тенденции, ведущие к оформлению культуры досуга современного общества. Размывание сложившейся в истории системы традиций празднеств ведёт к разрушению исторической преемственности и ослаблению культурных связей поколений, несвязанности новых и "старых" государственных праздников, к неопределённости отношения к веками складывавшейся праздничной обрядности и её месту в общем культурном процессе [13, с. 3].

В отечественной исторической науке, несмотря на значительное число публикаций по истории праздничной культуры [2; 3; 4; 5; 8; 9; 12; 13; 15; 20], проблеме духовных ценностей в праздничном досуге дальневосточных городов должного внимания не уделялось. А между тем на рубеже XIX–XX вв. наряду с заселением и социально-экономическим освоением Дальнего Востока России наблюдается формирование духовной культуры региона. В повседневном праздничном досуге горожан складываются духовно-нравственные ценности, культурные традиции, народные обряды.

О сохранении исторической памяти и преемственности поколений, о единстве народов России, высоких нравственных идеалах, патриотизме, служении Отечеству говорится в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Документ рассматривает "традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала" [22, с. 2, п. 5, 7].

Традиционные духовно-нравственные ценности – "это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России" [22, с. 2, п. 4].

В связи с этим становится актуальной проблема формирования духовных ценностей в праздничном досуге горожан дальневосточного региона прошлого столетия, сохраняющих историческую память и культуру народов, передающихся от поколения к поколению в форме традиций, способствующих развитию человеческого потенциала, воспитывающих патриотизм, любовь к Родине. Любой праздник или совокупность праздников в системе духовных ценностей представляет собой сложное многофункциональное социально-культурное явление, которое включает различные формы праздничной культуры, представляющие собой синтез действительности и всех видов искусств, отражающие жизнь человека и общества в целом. По мнению польского учёного К. Жигульского, "праздник является одним из институтов общества, призванных охранять, пропагандировать и обновлять ценности его культуры, то есть ценности, вокруг которых данное сообщество организует свою сознательную жизнь" [8, с. 70]. Цель праздника заключается в гармонизации жизни, восстановлении духовности в человеке, стране, мире. Искусство массового праздника – это искусство высоких идей, традиций и ценностей, требующих от организаторов яркой образности, ассоциативности, творческого замысла.

Объект – городские праздники в культурном досуге населения дореволюционного Дальнего Востока. Предмет – духовные ценности праздничной культуры дальневосточных горожан конца XIX – начала XX вв. Методологической основой статьи послужила обширная совокупность теоретико-методологических положений изучения духовно-ценностных ориентиров праздничного досуга, получившая обоснование в научной литературе и ставшая исходной посылкой в дальнейшей разработке данной проблемы. основополагающее значение имеет исследование К. Жигульского [8].

Цель статьи – рассмотреть основные городские праздники конца XIX–начала XX вв. как духовные ценности в праздничном досуге русского населения юга Дальнего Востока России. Задачи – выявить описания новогодних и пасхальных торжеств, общероссийских памятных дат, событий дальневосточной истории, детских праздников в системе духовных ценностей; определить роль народных чтений, корабельных оркестров, воинских парадов и церемоний в духовно-нравственном воспитании дальневосточников.

Для основной массы населения потребность в свободном времени, в культурном досуге, а также право на отдых обычно реализуется в выходные и праздничные дни. В числе разумных развлечений горожан дореволюционного Дальнего Востока выступают широко организованные народные чтения, призванные отвлечь народ от пагубных привычек и способствующие его обучению, нравственному воспитанию, иными словами "доставление посетителям эстетического наслаждения, предоставление народу возможности с пользой и удовольствием провести досуг праздничных и воскресных дней" [18, 165]. Особой популярностью пользовались литературные чтения произведений русских классиков, исполнение музыкальных пьес, постановка туманных и живых картин. Так, в 1900 – 1902 гг. большое впечатление на Хабаровскую публику произвели чтения поэмы А.С. Пушкина "Полтава" (читала Е.Н. Зуева), рассказа В.М. Гаршина "Сигнал" и сказки А.С. Пушкина "Сказка о рыбаке и рыбке" (читали Ф.Р. Дульский и И.Г. Саночкин), а также сообщений "Об Императоре Александре II", "А.В. Кольцов и его песни" (читал Н.Е. Соколов) [17].

Обращение к классике, повествование об историческом прошлом на публичных чтениях не только закрепляло универсальные истины, но и создавало новые смыслы, объясняющие настоящее. Основную культурно-просветительскую работу в дальневосточных городах осуществляли повсеместно организованные при Народных домах Общества народных чтений, деятельность которых была рассчитана на простые сословия, на широкие народные массы. В праздничные дни в помещении Народного дома устраивались спектакли, литературные чтения, лекции с демонстрацией картин, "волшебных фонарей" и фильмов, проводились беседы, литературно-музыкальные концерты, танцевальные вечера. Например, в 1905 г. в Никольске-Уссурийском наиболее понравились слушателям чтения произведений Иванова "Степан Ежик", Чехова "Пари" (читал П.А. Микулин), Наживина "Легенда", Серафимовича "На берегу" (читал М. Игнатьев), Родзевича "Залом", Елеонского "Формуляр" (читал К. Иванченко), Л. Толстого "Много ли человеку земли нужно" (читал Л.Д. Соболев) и др. [7, 1905, янв., февр., март, апр.]. Число присутствующих превышало 150 чел. Частым посетителем на чтениях был почётный член общества генерал-лейтенант Н.П. Линевиц, командировавший на чтения бесплатный "хор военной музыки", игравший перед началом программы и в антрактах [7, 1901, 13 окт.].

Отметим, что на рубеже XIX–XX вв. важную роль в духовно-нравственном воспитании дальневосточных горожан играла музыка, без которой не проводилось ни одно торжественное мероприятие. Музыканты-любители, военные оркестры, ученические хоры создавали необходимый идеологический настрой, что положительно сказывалось на эстетическом воспитании. Так, 17 октября 1901 г. в Хабаровске хор учащихся городского училища и военный оркестр 24-го Восточно-Сибирского стрелкового полка перед началом чтений исполнили "Народный гимн", а в антрактах – "несколько вокально-музыкальных номеров" [17, 1901, 14, 17 окт.]. Впоследствии этот оркестр систематически выступал перед слушателями Общества народных чтений.

Степень воздействия праздничного ритуала на сознание участников была, таким образом, усилена за счет его художественно-эстетического оформления, что способствовало формированию исторической памяти. Наибольшую популярность заслужили корабельные оркестры, музыка которых звучала повсюду. Нередко команды кораблей со своими "хорами музыки" во главе совершали по городу строевые прогулки. Систематически выступали корабельные оркестры в городских са-

дах с концертами. Ежедневно в послеобеденное и вечернее время с верхних палуб кораблей раздавались звуки оркестров. Эта "музыка на воде" разносилась далеко и создавала особую звуковую панораму города [19, Т. 130, № 6, с. 646].

Среди календарных праздников самыми распространёнными в праздничном досуге дальневосточных горожан были Рождество и Пасха. Репертуар публичных чтений и театральных постановок в общенародные праздники подбирался тщательным образом. Например, 15 марта 1915 г. театральная комиссия Общества народных чтений г. Владивостока утвердила следующую программу спектаклей на пасхальной неделе: "23 марта "У дверей рая" (ком. в 3-х действ.), 25 – "Мещане" (пьеса в 4-х действ. М. Горького), 28 – "Домовой шалит" (ком. в 2-х действ.) и "По памятной книжке" (пер. с французского), 29 – "На бойком месте" (ком. в 3-х действ. А. Островского)" (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее РГИА ДВ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 20. Л. 69 об.). В г. Благовещенске также на пасхальной неделе в 1912 г. праздничную атмосферу создавали культурно-развлекательные программы всех учреждений города: работали иллюзионы, в театре Роганова ставились спектакли, в цирке Левентаса давались любительские дневные и вечерние представления. Для детей в помещении Ольгинской школы 28 марта был устроен детский праздник со спектаклем (сказка-феерия "Спящая красавица), пением, танцами и детскими играми. Для взрослого населения в театре Общественного собрания 29 марта состоялся семейно-танцевальный вечер, а на Сенной площади были устроены народные развлечения: карусели, качели и проч. [1, 25 марта, с. 5].

Большой популярностью в праздничные дни пользовались народные гуляния в скверах, на центральных улицах или в городских садах. На площадях обычно устраивались качели, карусели, балаганы, различные аттракционы и др. Военным ведомством выделялось дополнительное довольствие для служащих. Так, на Пасху в 1900 г. в Хабаровске для солдат были организованы бесплатные угощения с выдачей спиртного. [17, 1900, 20 авг., с. 9]. В первые три дня праздника нижним чином г. Владивостока показывали "полковой иллюзион в помещении учебной команды и в столовой 3-го и 4-го батальонов [спектакль]" (Государственный архив Приморского края, далее ГАПК. Ф. 12. Оп. 1. Д. 25. Л. 49). Вечер, как правило, завершался праздничной иллюминацией и фейерверком.

Светлое Христово Воскресение отличалось невероятной массовостью, красочностью, изобилием, и как все религиозные праздники был неизбежно связан с понятием "ритуал" – спектакль, которому сознательно были подчинены зрители и участники. Важной функцией ритуала являлось формирование общественных эмоций. Например, жившая во Владивостоке американка Э.Л. Прей и в 1910 г. посетившая пасхальное богослужение в церкви оставила следующее описание. "Незадолго до полуночи из собора вынесли раку, после чего процессия священников под предводительством епископа вышла из святылища и... двинулась... вдоль церкви, а затем вокруг неё ... Люди напряжённо вслушивались в пение..., ожидая слов "Христос воскрес", а затем они начали зажигать свечки... Процессия вернулась в церковь, и служба продолжалась, причём пели оба хора и священники. Музыка была прекрасна. ...Снаружи находились сотни людей... были натянуты верёвки с разноцветными фонариками и флагами, а три мощных прожектора с военных кораблей в бухте, направленных на собор, освещали его, как днём – зрелище было потрясающее. По пути домой нам встречались сотни людей, спешивших в церковь с огромными куличами..." [16, с. 80-81].

Подобные ритуалы-спектакли, складывающиеся в ходе праздничных мероприятий и формирующие историческую память человека, таким образом создавали модель поведения и формировали его идентичность. Для ощущения стабильности существования общества повседневная реальность воспроизводила обряды, представляющиеся личности как объективная данность. Так, в рождественско-новогоднем цикле традиционных обрядов праздничные дни от Рождества Христова до Крещения считались самыми оживлёнными в году. Обязательный ритуал включал организацию и проведение рождественских и новогодних колядований

(колядок), устройство бесплатной ёлки для детей с раздачей подарков. Известно, что в конце 1876 г. в Хабаровке (с 1880 г. – город Хабаровск) на Рождество повсеместно "устраивали ёлки; иногда каждая семья отдельно, приглашая знакомых детей, иногда делали общую ёлку. Дерево украшали разноцветными бумажными цепями и фонариками своей работы и серебряными и золотыми нитями со старых, офицерских эполет. На этот случай покупались или выписывались из Николаевска игрушки дешёвые и незамысловатые – больше куклы да звери". Однако дети "предпочитали произведения собственных рук и фантазии" [19, Т. 130, № 5, с. 355-356].

Праздничная обрядность дальневосточного города развивалась в виде отклика на важнейшие события церкви, города, страны. Искусство городского праздника было "открытым" для восприятия и взаимодействия культурных традиций и новаций. Среди памятных дат российской истории важное место занимали празднования общезначимых для страны военных побед, мирных соглашений. В их числе 100-летний юбилей победы русского народа в Отечественной войне 1812 г. В честь этого события одна из школ Благовещенска, закладка которой состоялась 26 августа 1912 г., была названа "Памяти Отечественной войны 1812 года" [14, с. 19]. Для всех учащихся в городах Дальнего Востока были проведены чтения об Отечественной войне, розданы брошюры, показаны кинематографические сеансы и спектакли. Для остальной части населения устроен грандиозный парад войск и общенародное гуляние. Смета празднований выразилась в сумме 2140 руб. 10 коп. (РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 11. Л. 162, 230). В 1909 г. широко отмечалось 200-летие Полтавской битвы, а в 1911 г. во Владивостоке военный флот праздновал день морской победы Петра I над шведами при Гангуте в 1714 г. Стоявшие на рейде военные суда, включая германские и итальянские, были украшены флагами и произвели салют из пушек [23, 30 июля, с. 2]. Чествование военных побед, выделение "героических образов" должно было решить задачу культурно-исторической преемственности и сформировать основания общей культурной памяти.

Ощущение праздника и эмоционального подъёма помогало забыть о неустроенности быта, бедности и неуверенности в завтрашнем дне. Поэтому провозглашаемые в государственных церемониях ценности – стабильность, иерархия, дисциплина – были востребованы. Увлечённость воинским церемониалом была обусловлена рядом факторов: высокой оценкой общественным мнением воинской службы, успехами русской армии в ряде войн, а также зрелищностью, красочностью и чёткостью военных парадов, проводимых по случаю "Высокоторжественного дня Тезоименитства Её Императорского Величества Государыни Императрицы", в день "Кавалерского праздника Ордена Св. Великомученика Георгия Победоносца", в торжественный день "праздника Рождества Христова" и др. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 151. Л. 182, 286, 319).

Праздничная картина формировала общественное мнение и понимание населением событий, происходящих в регионе. Так, в 1891 г. в честь посещения Приамурского края Его Императорским Высочеством Наследником Цесаревичем Николаем с сопровождением "генерал-майора князя Барятинского, штаб-ротмистров князей Кочубея и Волкова, флигель-адъютанта поручика князя Оболенского, Коллежского Ассессора князя Ухтомского, врача и художника" 13 мая был назначен строевой парад войск Гарнизона Владивостокской крепости. Предписывалось "вывести в строй по 64 ряда в ротах линейных батальонов и по 48 рядов в ротах артиллерии и в сапёрной роте". Парадом "при хоре музыки 1-го батальона" командовал комендант крепости генерал-майор Н.Ю. Акерман. После смотра войск делегация посетила торговые учреждения Владивостока, мужскую прогимназию, женское училище, музей, а также в помещении Военного собрания выставку произведений "с общества Сахалина, военного лазарета, морского госпиталя" (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 151. Л. 24-25, 119). В целом государственные праздники с воинскими церемониями были выражением "высших ценностей", что проявлялось в большом числе участников и в огромной территории праздничных действий – городские улицы и площади.

Праздники формировали чувства общности и сопричастности, принадлежности к целому – обществу. Исторические события становились "видимой реальностью", в которую как бы встраивались все участники торжеств. Так, в 1911 г. в честь 50-летия освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.) в г. Николаевске прошли народные чтения в Пьянковском народном училище, бесплатные спектакли для бедноты в Общественном собрании. Для учащихся городских училищ было устроено литературно-музыкальное утро, окончившееся танцами. В иллюзионе "Прогресс" показаны сеансы для самых маленьких детей из бедного населения. На проведение трёхдневного праздника городом было ассигновано 2500 рублей [6, 22 февр., с. 3].

Ритуалы праздничных мероприятий становились основой повседневного образа жизни и одним из специфических способов выражения, закрепления и воспроизводства духовных ценностей. В 1913 г. к общероссийским празднествам по случаю 300-летия Дома Романовых присоединились и дальневосточные города. В Благовещенске, например, 21 февраля после традиционного для всех российских праздников торжественного богослужения и крестного хода состоялся большой парад казачьих войск. Учащимся области были розданы юбилейные издания "Бояре Романовы и воцарение Михаила Фёдоровича" и "История России под скипетром Романовых", проведены чтения; труппой Арнольдова поставлена опера М. Глинки "Жизнь за Царя". В память знаменательного события была учреждена стипендия в высших учебных заведениях для бедных учеников. Город был украшен флагами, вечером иллюминирован, устроено народное гуляние с каруселями, качелями и др. развлечениями (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 333. Л. 158об., 168-169а). В столице региона Хабаровске к этой дате была приурочена выставка достижений Приамурского края за полтора столетия, а во Владивостоке проложенный в 1913 г. проспект по сложившейся традиции в честь государственно значимых дат присваивать соответствующие названия городским объектам получил наименование Николаевского (ныне Партизанский) [10, с. 80].

Праздники, обряды, ритуалы, церемониалы, как неотъемлемая часть жизни общества, были направлены на определённую группу людей и выстроены на основе местного документального материала. В 1898 г. в дальневосточных городах отмечалось сорокалетие заключения Айгунского договора. Так, общенародный праздник в Благовещенске совпал с 40-й годовщиной его основания. Вечером 15 мая во всех городских церквях прошло "всенощное бдение", а 16 мая – божественная литургия с крестным ходом. На месте первой остановки Н.Н. Муравьёва около монумента накануне праздника была отслужена торжественная панихида при участии войск, учащихся и представителей всех ведомств. Городские здания были украшены флагами и иллюминированы (РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 1796. Л. 5, 7-8; Оп. 2. Д. 1453. Л. 52об.-53, 58об.-59). Во Владивостоке в 1908 г. в день празднования 50-летия заключения Айгунского договора состоялось открытие памятника герою Петропавловской обороны 1854 г. адмиралу Завойко [11, с. 285, 291]. В память графа Н.Н. Муравьёва-Амурского во Владивостокском городском училище 2 сентября была учреждена стипендия в размере 168 руб. 18 коп. (РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 327. Л. 150).

В 1910 г. по случаю 50-летнего юбилея города Владивостока и заключения Пекинского договора Н.П. Матвеевым был выпущен "Краткий исторический очерк г. Владивостока", в котором отмечалось: "Наше побережье, как и весь Уссурийский край, официально перешли к нам по Пекинскому трактату 2 ноября 1860 г. Таким образом, фактическое обладание им уже началось раньше" [11, с. 15]. Также был издан альбом фотографий под названием "1860–1910. В память пятидесятилетия основания г. Владивостока и присоединения Уссурийского края". Снимки были собраны Н.П. Матвеевым. Альбом включал 79 страниц, вмещавших 128 фотографий, среди которых были довольно ценные [7, 1910, № 241, 5 нояб., с. 4].

В художественном смысле праздник являлся тонким и деликатным методом воспитательного воздействия. Основная задача любого торжественного мероприятия заключалась в том, чтобы важные составляющие компоненты нравственного

идеала, на которых делался акцент в ходе празднуемого события, были не только усвоены обществом, но и стали их личными целями, перспективами духовно-нравственного совершенствования. Например, в процессе проведения культурно значимых мероприятий, посвящённых знаменитым российским деятелям культуры, наблюдался простор для проявления инициативы организаторов в привлечении всех слоёв населения, включая детей. Так, в марте 1909 г. в честь 100-летнего юбилея Н.В. Гоголя в Благовещенске было заранее объявлено о чтении во всех школах лекций, посвящённых жизни и творчеству писателя, о постановке в Общественном собрании и театре Роганова 4-х спектаклей по пьесе "Женитьба", подготовленных Обществом бесплатной народной читальни. В Общественном собрании городским самоуправлением было устроено литературное утро, сбор с которого пошёл на образование фонда для выдачи стипендии им. Н.В. Гоголя [21, 25 февр., с. 2; 19 марта, с. 4].

Организаторы праздников успешно решали задачу по созданию эффективного эмоционально-художественного воздействия на массы с целью восприятия и усвоения заложенных идей и духовно-нравственных ценностей. Наиболее интересно проходили ученические торжества. Например, 9 апреля 1880 г. на пасхальной неделе в казарме Флотской команды г. Николаевска-на-Амуре прошёл детский спектакль "Вице-мундир" (водевиль в 2-х действиях) с благотворительной целью, а 30 апреля – вокально-инструментальный концерт. Прозвучали попури из оперы "Трубадур" (Верди) в исполнении Ф.К. Кордес и Г.Л. Мельвил, романс Рыбасова "К тебе одной" в исполнении В.Ф. Вильчковского, дуэт из оперы "Травиата" (Верди) в исполнении А.А. Кайзер и Н.Т. Черняховского, каватина из оперы "Руслан и Людмила" (Глинка) в исполнении А.А. Кайзер и др. (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 756. Л. 106, 123). Один из самых массовых праздников для хабаровской учащейся молодёжи на пасхальной неделе прошёл 4 апреля 1901 г. в здании женской гимназии. Торжество, на котором присутствовало 320 кадет хабаровского корпуса и учеников технического железнодорожного училища состояло из пения хоровых песен, танцев, а также представления гастролирующего в Хабаровске фокусника и чревовещателя Отто Шарлье. Детей угощали чаем, сладостями, дарили пасхальные подарки. На празднике в Николаевском городском училище количество участников достигло 420 чел. [17, 1901, 8 апр., с. 5].

В годы Первой мировой войны в целях воспитания у подрастающего поколения патриотических чувств 30 апреля 1915 г. во Владивостоке прошёл общешкольный праздник по случаю окончания учебных занятий и "о даровании победы доблестному всероссийскому победоносному воинству" с провозглашением вечной памяти погибшим воинам. Более 3000 мальчиков и девочек из 29 местных начальных школ в форменных костюмах в сопровождении учителей после торжественного молебствия с портретами Государя Императора и царствующих лиц, с национальными флагами и флагами союзных держав совершили торжественное шествие по ул. Светланской с пением "Коль Славен наш Господь". В заключение праздника в пользу Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям были проведены лотерея-аллегри, беспроигрышная лотерея с аукционом вещей, патриотический концерт (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 527. Л. 7–7 об., 24).

Основными чертами мировоззрения, сформированного под влиянием Первой мировой войны, являлись патриотизм, любовь к Родине, братское отношение к народам-союзникам, сострадание, желание помочь ближним, пострадавшим от военных действий. Так, 21 мая 1916 г. в Пушкинском театре Владивостока прошёл "день служащих в пользу воинов-сибиряков" с "концертом-кабарэ" (до 3 часов ночи), а 5 ноября – благотворительный спектакль Комиссии фонда торгово-промышленных служащих, целью которого стала покупка рождественских подарков на фронт (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 64, 225).

Создавая в обществе соответствующий духовный настрой, любые успехи в ходе военных действий отмечались горожанами повсеместно народными гуляниями и праздничными мероприятиями. Например, в апреле 1916 г.

в Народном доме Хабаровска был устроен общегородской праздник в честь русской армии. На мостовой у парадного входа Военного собрания выложили год празднования и надпись: "Победителям общего врага от населения Хабаровска". В день праздника выдавались кружки для сбора вольных приношений на нужды увечных воинов и их семей, устраивались гуляния, маскарады и др. увеселения (РГИА ДВ. Ф. 1258. Оп. 1. Д. 801. Л. 82–83).

Таким образом, городской праздник, являясь одной из форм передачи историко-культурных традиций, обеспечивал сохранение духовных ценностей. В праздничном досуге горожан все участники торжественных событий должны были не только погрузиться в исторически содержательную праздничную атмосферу, но и удовлетворить свои потребности, выразить своё отношение к поднимаемым проблемам. Истоки воспитательного воздействия праздников заключались в значимых для общества темах и проблемах, в уважительном отношении его организаторов к истории государства, традициям и культуре, а также к героическому прошлому и настоящему.

В целом на Дальнем Востоке России в конце XIX – начале XX вв. духовные ценности в праздничной культуре оставались стабильно значимыми. Наряду с календарной обрядностью для представителей всех сословий и возрастов заметно усилилась роль государственных праздников, в которых доминировали духовные ценности, наблюдалось перенесение акцента на историческую составляющую памятного события. К важным в жизни России датам (военные победы, заключение мирных соглашений, отмена крепостного права, 300-летие Дома Романовых) относились и события дальневосточной истории (заключение Айгунского и Пекинского договоров, посещение региона Цесаревичем Николаем и др.). Включение в праздничный календарь дат, связанных с жизнью выдающихся писателей (100-летие Н.В. Гоголя) и торжеств в поддержку русской армии в период Первой мировой войны можно расценивать как свидетельство ощущаемой дальневосточниками неразрывной духовной связи с жизнью Отечества. Такое осмысление праздничной культуры региона с опорой на традиционные духовно-нравственные ценности, накопленный веками культурно-исторический опыт позволяют своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы современного мира, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность, способствуя развитию человеческого потенциала и формированию единого культурного пространства, в котором достижение национальных целей определяет международный престиж России.

Литература

1. Амурский листок. Благовещенск. 1912.
2. Андриец Г.А. История культурной жизни городов юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX века). Владивосток: Дальнаука, 2014. 356 с.
3. Андриец Г.А. Повседневная и праздничная культура дальневосточных городов: сфера досуга (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 114–124.
4. Барышева Е.В. Советский государственный праздник в социальном конструировании нового общества 1918 – 1941 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 408 с.
5. Вайман Д.И. Календарные праздники и обряды немцев Урала в конце XIX – начале XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 18 с.
6. Восточное Поморье. Николаевск-на-Амуре. 1911.
7. Дальний Восток. Владивосток. 1901, 1905, 1910.
8. Жигульский К. Праздник и культура: Праздники старые и новые. Размышления социолога. М.: Прогресс, 1985. 336 с. : ил., 20 л.
9. Лавринова Н.Н., Татаринцева И.В., Пунина Ю.С. Историко-культурный анализ семейных праздников в России в XIX веке // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20KLSK421.pdf> doi: 10.15862/20KLSK421 (дата обращения: 05.09.2022).
10. Марков В.М. Здравствуй, Владивосток! (Путеводитель-справочник). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1988. 239 с.: ил.
11. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во Уссури, 1990. 302 с.
12. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004. 256 с.: ил. + вклейки 16 с.

13. Одинцова Е.В. Развитие городской праздничной культуры России в последней трети XVII – первой четверти XVIII веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 22 с.
14. Памятники истории и культуры Амурской области. Аннотированный список. Благовещенск: ИИАЭ ДВ ДВО РАН, 1991. 136 с.
15. Попова В.Н. Праздник как социокультурный феномен: [учеб. пособие] М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 84 с.
16. Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930). Владивосток: Приморский музей им. В.К. Арсеньева / Альманах "Рубеж", 2008. 448 с.
17. Приамурские ведомости. Хабаровск. 1900–1902.
18. Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1895. 547 с.
19. Р.Ф. [Фриессе]. Воспоминания из жизни на Амуре // Русская старина. 1907. Т. 129. С. 557–568; Т. 130. № 4. С. 145–160; № 5. С. 353–361; № 6. С. 643–656.
20. Рогожина Н.Д. Пасхальный праздник в повседневной жизни Петербурга и Москвы в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 26 с.
21. Торгово-промышленный листок объявлений. Благовещенск. 1909.
22. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения: 02.12.2022).
23. Уссурийская окраина. Никольск-Уссурийский. 1911.

References

1. Amur leaf. Blagoveshchensk. 1912. (In Russ.).
2. Andriets G.A. History of the cultural life of cities in the south of the Far East of Russia (second half of the 19th – early 20th centuries). Vladivostok: Dalnauka, 2014. 356 p. (In Russ.).
3. Andriets G.A. Everyday and festive culture of the Far Eastern cities: the sphere of leisure (the second half of the 19th – early 20th century) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2013, No. 4, P. 114–124. (In Russ.).
4. Barysheva E.V. Soviet state holiday in the social construction of a new society in 1918–1941: dis. ... dr. hist. sciences. M., 2020. 408 p. (In Russ.).
5. Vayman D.I. Calendar holidays and rituals of the Germans of the Urals at the end of the 19th – beginning of the 21st centuries: abstract of dis. ... cand. hist. sciences. Izhevsk, 2015. 18 p. (In Russ.).
6. East Pomerania. Nikolaevsk-on-Amur. 1911. (In Russ.).
7. Far East. Vladivostok. 1901, 1905, 1910. (In Russ.).
8. Zhigulsky K. Holiday and culture: Old and new holidays. Reflections of a sociologist. M.: Progress, 1985. 336 p.: ill., 20 sheets. (In Russ.).
9. Lavrinova N.N., Tatarintseva I.V., Punina Yu.S. Historical and cultural analysis of family holidays in Russia in the 19th century // World of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2021. V. 12. No. 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20KLSK421.pdf> doi: 10.15862/20KLSK421 (accessed 05.09.2022). (In Russ.).
10. Markov V.M. Hello Vladivostok! (Guidebook). Vladivostok: Dalnevost. book. publishing house, 1988. 239 p.: ill. (In Russ.).
11. Matveev N.P. Brief historical outline of the city of Vladivostok. Vladivostok: Ussuri Publishing House, 1990. 302 p. (In Russ.).
12. Nekrylova A.F. Russian folk city holidays, amusements and spectacles. Late 18th – early 20th century. St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2004. 256 p.: ill. + inserts 16 p. (In Russ.).
13. Odintsova E.V. The development of urban festive culture in Russia in the last third of the 17th – the first quarter of the 18th centuries: abstract of dis. ... cand. hist. sciences. M., 2012. 22 p. (In Russ.).
14. Monuments of history and culture of the Amur region. annotated list. Blagoveshchensk: IIAE DV FEB RAN, 1991. 136 p. (In Russ.).
15. Popova V.N. Holiday as a sociocultural phenomenon: [proc. allowance] Ministry of Education and Science Ros. Federation, Ural. feder. un-t. Yekaterinburg: Publishing House Ural. un-ta, 2017. 84 p. (In Russ.).
16. Prey E.L. Letters from Vladivostok (1894–1930). Vladivostok: Primorsky Museum. VC. Arsenyeva / Almanac "Frontier", 2008. 448 p. (In Russ.).
17. Priamurskiye Vedomosti. Khabarovsk. 1900–1902. (In Russ.).
18. Prugavin A.S. The requests of the people and the duties of the intelligentsia in the field of education and upbringing. SPb., 1895. 547 p. (In Russ.).
19. R.F. [Friesse]. Memories from life on the Amur // Russian antiquity. 1907. Vol. 129. P. 557–568; Vol. 130. No. 4. P. 145–160; No. 5, P. 353–361; No. 6. P. 643–656. (In Russ.).
20. Rogozhina N.D. Easter holiday in the everyday life of St. Petersburg and Moscow in the late nineteenth and early twentieth centuries: abstract of dis. ... cand. hist. sciences. M., 2009. 26 p. (In Russ.).
21. Commercial and industrial sheet of announcements. Blagoveshchensk. 1909.

22. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated 09.11.2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (accessed 02.12.2022).

23. Ussuriyskaya outskirts. Nikolsk-Ussuriysky. 1911. (In Russ.).

Галина Алексеевна АНДРИЕЦ, канд. ист. наук, научный сотрудник центра истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: andriets2005@list.ru

Galina A. ANDRIETS, Candidate of Historical Sciences, Researcher, Center for the History of Culture and Intercultural Communications, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: andriets2005@list.ru

Поступила в редакцию

(Received) 22.09.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 20.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Диалог человека и тигра в контексте проблемы духовных ценностей в современной дальневосточной прозе (на примере сборника П.В. Фоменко "Поцелуй тигрицы")

Мария Сергеевна КИСЕЛЕВА

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, e-mail: kiseleva.ms@dvfu.ru

Аннотация. Предмет исследования – комплекс духовных ценностей, связанных с диалогом человека и тигра в современных рассказах П.В. Фоменко. На основе сравнительно-сопоставительного и системного методов определяются формы диалога, рассматриваются связанные с ним сюжеты и образы, которым даётся культурологический комментарий. В качестве главных художественных приёмов выделяются параллелизм, олицетворение, символы, нелинейность сюжета. Характеризуются представления героев о таких ценностных категориях, как смерть, судьба и жизнь, понимание другого, дружба, честь и достоинство, традиции, семья и свобода.

Ключевые слова: П.В. Фоменко, "Поцелуй тигрицы", дальневосточная проза, духовные ценности, образ тигра

Для цитирования: Киселева М.С. Диалог человека и тигра в контексте проблемы духовных ценностей в современной дальневосточной прозе (на примере сборника П.В. Фоменко "Поцелуй тигрицы") // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 48–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Dialogue of the Man and the Tiger in the Context of the Problem of Spiritual Values in Modern Far Eastern Prose (on the Example of P.V. Fomenko's Collection "Kiss of the Tigress")

Maria Sergeevna KISELEVA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, kiseleva.ms@dvfu.ru

Abstract. The article analyzes the dialogue between the man and the tiger, which is central to P.V. Fomenko's cycle of modern stories "Kiss of the Tigress". The subject of the study is a set of spiritual values associated with this dialogue. On the basis of comparative and systematic methods, the main forms of the dialogue are listed, the plots and images connected with it are considered, which are also given a cultural commentary. Parallelism, personification, universal symbols, and the non-linearity of the plot are highlighted as the main artistic techniques. The characters' ideas about such value categories as death, fate and life, understanding the other, friendship, honor and dignity, traditions, family and freedom are characterized. The image of the tiger created by P.V. Fomenko is a symbol of the life of the taiga, one of the greatest values of Russia.

Keywords: P.V. Fomenko, "The Kiss of the Tigress", Far Eastern prose, spiritual values, the image of the tiger

For citation: Kiseleva M.S. Dialogue of the Man and the Tiger in the Context of the Problem of Spiritual Values in Modern Far Eastern Prose (on the Example of P.V. Fomenko's Collection "Kiss of the Tigress") // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 48–55. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/48-55>

Образ амурского тигра в картине мира россиян, связавших свою жизнь с Дальним Востоком, присутствует уже не одно столетие и отчётливо соотносится с комплексом основополагающих духовных ценностей (категорий, качеств и норм, значимых "и для отдельного человека, и для общества, к которому он принадлежит" [9, с. 229]). В середине XIX в. тигр воспринимался как крайне опасный зверь [13], а также как хранитель и защитник рубежей, а в начале XX в. стал олицетворением доблести русского воинства [2, с. 4]. И эти представления существовали на фоне древних мифологических воззрений, связанных с образом тигра как первопредка, божества, посредника между миром человека и миром духов, хранителя миропорядка [2, с. 6], у других народов Дальнего Востока. Поэтому неудивительно, что изучавшие природу региона писатели и путешественники (например, Н.М. Пржевальский, В.К. Арсеньев, Н.А. Байков и др.) уделяли большое внимание амурскому тигру. Существует целый ряд научных статей, посвящённых его образу и связанным с ним

представлениям, отразившимся в обрядовой культуре, фольклоре и литературе Дальнего Востока, среди которых работы В.В. Подмаскина [10], А.Ф. Старцева [14], Л.Е. Фетисовой [16], Е.О. Кирилловой [5], Cheng Shuangting [21], Чэнь Синной [20], Чой Чжунын [19], а также многих других исследователей. Учёные отмечают важность рассматриваемого образа в картине мира жителей региона, многообразие интерпретаций в зависимости от той или иной культурной традиции и времени её существования, разноаспектность связей с духовными ценностями разных этносов.

Внести вклад в изучение связи образа тигра с духовными ценностями русского населения Дальнего Востока XXI в. позволит обращение к сборнику современного автора – Павла Васильевича Фоменко. В лучших традициях писателей-краеведов он приходит к созданию художественных текстов через годы жизни в тайге, прямого взаимодействия с её обитателями. Биолог-охотовед, главный координатор проектов по сохранению биоразнообразия Амурского филиала Всемирного фонда дикой природы (WWF) П.В. Фоменко публикует цикл рассказов "Поцелуй тигрицы" (2020 г.) [18], центральным мотивом которого становится встреча человека и тигра, перерастающая в диалог носителя культуры с персонификацией природной стихии, высвечивающая сильные и слабые стороны духовной жизни нашей цивилизации. Сам Павел Васильевич не избежал такой встречи, она оставила свой след на его теле и в его творчестве, а его рассказы, по мнению писателя М.А. Тарковского, могут помочь детям вырасти людьми, "на уме у которых не деньги, а служение нашей многострадальной и непобедимой родине, за которую каждый из нас в ответе" [15]. Таким образом, в рамках актуальной и многоаспектной для Дальнего Востока "тигриной темы" новизну нашей работе обеспечивает обращение к современным текстам, уже получившим признание (специальная номинация "За вклад в развитие современной культуры Дальнего Востока", учреждённая губернатором Приморского края О.Н. Кожемяко в рамках литературной премии "Дальний Восток" им. В.К. Арсеньева), но ещё не нашедшим широкого освещения в научных публикациях. Объектом нашего исследования становится диалог человека и тигра в произведениях П.В. Фоменко (под термином "диалог" мы вслед за А.Б. Фисенко и О.М. Култышевой [17] подразумеваем многоаспектное понятие, обозначающее и диалог автор – читатель, и диалог персонажей, и диалог культур, и проч.), а предметом – комплекс духовных ценностей, связанных с данным диалогом. Мы ставим перед собой цель изучить принципы отражения и особенности интерпретации в контексте духовных ценностей взаимодействия человека и тигра. Для этого будут решены следующие задачи: знакомство с имеющейся научной литературой по теме; в результате анализа сюжетов, образов и основных проблем выявление комплекса духовных ценностей, нашедших отражение в цикле "Поцелуй тигрицы"; характеристика особенностей интерпретации каждой духовной ценности. При исследовании использовались сравнительно-сопоставительный и системный методы, позволившие осуществить анализ сюжетов, образов, основных проблем произведений, а также культурно-исторический метод, с помощью которого были раскрыты особенности интерпретации духовных ценностей в изучаемом сборнике.

Сама форма диалога является для рассматриваемого цикла центральной: от первого рассказа ("Убей меня"), где герой ведёт диалог с тигром и самим собой, до финального ("Кому он нужен, этот тигр?"), где диалог превращается в полилог. И на протяжении всего повествования в обсуждение благодаря элементам сказовой формы, а в финале и прямому обращению, активно включается читатель. Предмет диалога – тигр, его роль и значение в жизни очень разных людей, связь восприятия образа зверя с такими духовными ценностями, как представления о смерти, судьбе и жизни, умение понять и принять другого, дружба, честь и достоинство, любовь к традициям, семье и свободе. В каждом из 18 рассказов так или иначе затрагивается большинство из перечисленных категорий, качеств и норм. Образ тигра не встретится только в седьмом тексте ("Шланг"), посвящённом леопарду, сначала спасённому человеком, а потом убитому в клетке пьяными браконьерами. Однако косвенно тигр также "присутствует": со смертью Шланга начинается соз-

дание охраняемой территории, где найдут защиту не только леопарды, но и амурский тигр, дальневосточный лесной кот, обыкновенная рысь.

Стремление осмыслить такие категории, как смерть [11], судьба [12] и жизнь [4], является общим для многих культур мира. Сборник П.В. Фоменко начинается с рассказа, где истощённый тигр, раненный нечестным человеком, приходит к лесному жилью удэгейца-охотника Василия и просит о смерти. Первой репликой диалога человека и тигра становится страшная просьба: Василию чудится, что тигр просит убить его. Так задаётся тема смерти, становящаяся в сборнике одной из магистральных. Автор рассказывает о представлениях коренных народов Дальнего Востока, связанных с тигром как персонификацией смерти (злой, как чёрт, амба – "Убей меня", "Лучшее время для охоты", "Месть", "Амба", "Нападение"), смерти грозной и безжалостной. В нескольких рассказах охотники говорят, что тигра не видели, только слышали, и уходили, чтобы не пересекаться с ним, так как если увидел тигра – считай смерть свою увидел ("Амба", "Бич Ильич"). Соотнесённость тигра с образом смерти поддерживается такими деталями описания зверя, как острейшие клыки (даже у маленьких тигрят), шестисантиметровые когти (сравнивающиеся с саблями или кинжалами), горящие глаза, неожиданностью и неминуемостью нападения, сравнением с вихрем, злым духом. Но подчёркивается и то, что нападение зачастую обосновано, является наказанием за грехи людей. И тема смерти переходит в тему судьбы, о которой часто размышляют герои П.В. Фоменко ("Упорный", "Промак", "Немой", "Поцелуй тигрицы", "Отлов", "Кому он нужен, этот тигр?" и др.). Диалоги охотников с тигром и/или их диалоги о тигре, внутренние, внешние, переплетаются в повествовании, находят отражение во встрече человека и зверя, двух зверей (тигров, тигра и кабана, тигра и собаки и проч.) на охотничьей тропе, становящейся символом судьбы и её затейливых узоров, невероятных случайностей и закономерностей.

Если тигр для коренных народов, а впоследствии и для русских охотников дальневосточной тайги, является символом судьбы, то точно так же человек нередко вольно или невольно воплощает её для тигра, поскольку меняет место его обитания, вторгаясь в дикую природу. Но любой путь судьбы, счастливой или несчастной, удачной или не очень, заканчивается, и заканчивается он уходом и тигра, и человека в страну вечной охоты, на встречу с вечностью ("Убей меня", "Амба", "Бич Ильич" и др.). И так разговор о смерти и судьбе переходит в размышления о жизни, её течениях и смысле. Если для коренных народов жизнь и смерть воплощаются в амбивалентном образе тигра как живого божества, где смерть – злой амба, а жизнь – великий ван, распоряжающийся судьбой всех живущих в тайге, то для русских охотников тигр в первую очередь – коварный и жестокий хищник, самый опасный и крупный на планете, которого боится даже медведь [3, с. 211], символизирующий в славянской культуре здоровье и силу и нередко предстающий как глава лесных зверей.

Для охотников-аборигенов диалог с тигром естественен и привычен, сформирован всем образом жизни, а русским людям к такому диалогу необходимо прийти, прийти через страх, лишения, поиск ответа на вопрос, почему тигр так нужен, не легче ли навсегда избавиться от его опасного соседства. П.В. Фоменко показывает, как непросто и труден этот путь, как сложно начать видеть в тигре воплощение не только смерти, но и жизни (не случайно при описании зверя используется отсылка его облика ("Убей меня"), его отпечатков ("Отлов") и его имени (Лютяк из "Кому он нужен, этот тигр?") к цветку, упоминаются зелёный цвет глаз и бескрайние зелёные просторы тайги ("Упорный", "Что-то пошло не так", "Владик")). Оправданность кажущихся беспричинных злых поступков тигра (убийства людей и собак) раскрывается постепенно, завершающим аккордом становится объяснение причин нападения, описанного в рассказе "Амба", в финальном произведении "Кому он нужен, этот тигр?". Совмещение нескольких временных пластов, переосмысление прошлых событий, обращение к ним сразу в нескольких рассказах и рассмотрение с новых ракурсов – всё это позволяет показать, как происходил процесс формирования у русского человека представлений о тигре как воплощении жизни дальневосточной тайги. И в последнем произведении читатель знакомится со взглядами

очень разных людей России (учёного, политика, тигролова) на этого хищника, единого в том, что тигр – это величайшая ценность, которую человек обязан сохранить. Для того, чтобы прийти к такому выводу, привести к нему читателя, автор сборника в разных аспектах рассматривает не только категории смерти, судьбы и жизни, но и такую духовную ценность, как умение понять и принять другого.

В цикле диалоги о тигре и с тигром ведут представители разных культур (русской и коренных народов Дальнего Востока) и поколений (студенты-охотоведы и опытные охотники). Они сталкиваются с тигром специально (браконьеры) или невольно (охотники), друг с другом, и каждый раз это встреча не только конкретных персонажей, но и разных систем ценностей, картин мира. П.В. Фоменко подчёркивает, что для коренных народов характерно полное понимание и принятие тигра (как конкретного встреченного животного, так и божественного зверя вообще), не случайно уже в первом рассказе у мёртвого тигра плачет, упав на колени, удзгеец Василий, одетый в старенькую куртку, "в родовой орнамент которой были вплетены маленькие человечки и крадущийся тигр" ("Убей меня"). Родство коренных этносов с тигром, их неразрывная связь с ним будет обозначаться и в последующих произведениях ("Немой", "Дух", "Два охотника", "Слепой охотник"). А вот понимание и принятие зверя русским человеком представлено П.В. Фоменко как длительный и непростой процесс, тесно связанный с проблемой экологии, бережного отношения к окружающей природе.

С болью автор пишет о "лесогубах" ("Нападение", "Два охотника"), об исковерканной тайге, где валят лес, однако также он отмечает, что среди русских есть и люди, которые заботятся о природе, стремятся её сохранить и постичь. Знаковым в этом плане является образ безымянного казака ("Отлов"), атамана, обладающего особым умением лечить людей. И не случайно П.В. Фоменко называет героя именно колдуном. У восточных и западных славян колдун – это бинарный персонаж, человек с демоническими свойствами, умеющий творить как добро, так и зло [8, с. 528]. В рассказе казак-колдун переживает за судьбу тигра, которого стараются поймать, не хочет, чтобы его убили, и поэтому уходит недалеко в тайгу, разводит костёр и обращается к зверю. Один персонаж, наделённый бинарной символикой, стремится выстроить диалог с другим, имеющим аналогичные характеристики, только в другой культуре. В данной сцене есть ещё третий герой – Юрка, руководитель группы по минимизации конфликтов с хищниками, невольно ставший свидетелем незримого диалога. И опосредованный диалог колдуна с тигром переходит в косвенный диалог с Юркой о судьбе тигра: тигро вернувшись в лагерь, Юрка дожидается возвращения колдуна и предлагает тост, в котором говорит, что тигру не причинят вреда, и атмосфера из напряжённой становится очень тёплой. Мы наблюдаем, что и этот персонаж проявляет понимание как тигра, так и человека, принимает их и стремится выстроить с ними доверительные отношения. Так ярко обозначается в произведениях цикла следующая важная духовная ценность – дружба.

Если для коренных народов диалог с тигром – это взаимодействие с предком, то для русских людей, способных к принятию другой культуры, такой диалог становится шагом к последующей крепкой дружбе. И такой шаг порой сделать очень трудно. Насколько это тяжело, мы можем увидеть в произведении "Почелуй тигрицы", где герой приходит к пониманию тигра, умению вести с ним молчаливый диалог после того, как безвинно пострадал от когтей зверя и выжил. На больничной койке герою видится, что тигрята, о которых он заботился, осторожно массируют своими мохнатыми шероховатыми лапками его истерзанную щеку, а неподалёку сидит их мать и виновато поглядывает. О дружбе человека и тигра П.В. Фоменко рассказывает в произведении "Кому он нужен, этот тигр?": тигролов Владимир Емельянович и спасённый им тигр Лютый даже разговаривают на своём особом языке и прекрасно понимают друг друга. В другом тексте ("Дух") дух тигра, посланный другом-шаманом Василием русскому охотнику-разведчику, словно вселяется в человека, даёт свою силу и помогает вернуться живым на базу. А когда помогающий дух покидает героя, тот чувствует скольжение шёлковой шерсти по лицу. Мы видим, как тонкая связь человека и зверя показывается через прикосновение, мимолётное, но запоминающееся, и нематериальная ценность дружбы на миг на-

ходит в этом своё конкретное воплощение. Для автора дружба – это путь понимания, доверия и принятия, постижения другого и его культуры, взаимосвязи всего живого на планете, а также категория, стоящая в одном ряду с такими духовными ценностями, как честь и достоинство.

П.В. Фоменко в своих произведениях размышляет о поведении людей, о степени человечности тех или иных персонажей, о нравственном кодексе охотника как хозяина и защитника тайги. Однозначное осуждение получают пьянство и жадность ("Убей меня", "Шланг", "Поцелуй тигрицы"), из-за которых разрушается личность, совершаются бездумные поступки и – как следствие – гибнет всё живое. Тигр в цикле ("Два охотника", "Кому он нужен, этот тигр?", "Что-то пошло не так", "Немой", "Слепой охотник") изображён как зверь, сохраняющий гармонию тайги, соблюдающий кодекс охотника, не истребляющий бездумно, не берущий больше, чем ему нужно, в отличие от волков (в этом древнем противостоянии жадного волка, стремящегося убить как можно больше, и тигра, берущего только необходимое, скрыта причина нелюбви тигра к собакам, которую так сложно понять и принять русским охотникам, для которых собака – друг). В рассказе "Два охотника" проводится параллель между человеком и зверем: видим это и в названии, и в упоминании, что тигрица охотно ходила по тропам охотника (здесь можно увидеть общее для многих культур представление пути как символа судьбы [7], и тогда для тех, у кого один путь, общей является судьба), и в "зеркальности" хода событий: сначала человек невольно помогает тигрице, оказавшейся в беде, а потом она делится с заболевшим охотником добычей. Мишка ведёт со зверем внутренний диалог, а затем, после своего спасения, увидев след, падает перед ним на колени и славит тигра на почти забытом языке бикинских охотников. В произведении "Немой" Санька, также охотник из коренных народов, подкармливает осиротевшего тигренка, а тот потом, окрепнув и став сильным зверем, в благодарность помогает получить богатую добычу, выгоняя на выстрел изюбров-самцов. Человек и тигр целый год так охотятся вместе, делятся добычей, живут по правилам взаимопомощи, понимая друг друга. Конечно, зверь присутствует рядом незримо, у него, таёжного божества, свой путь, а у охотника свой, но часто эти пути пересекаются, становясь на какое-то время общими.

В произведениях П.В. Фоменко часто подчеркивается, что у настоящих охотников, живущих по правилам чести, запрет на убийство тигра очень силён, и его наличие зависит не от национальности, а от нравственных качеств. О смерти зверя сожалеет и представитель коренных народов ("Слепой охотник"), и русский ("Нападение"); русский герой рассказа "Промях" радуется, что не убил случайно тигра, а в произведении "Бич Ильич" удэгеец Аркадий рассказывает о сохраняющемся табу на убийство тигра: старики соблюдают строго, а молодые, которые нарушают, потом жестоко расплачиваются. Автор постоянно подчёркивает, что настоящие охотники понимают друг друга без слов, и к таким охотникам, живущим по правилам чести, сохраняющим равновесие в природе, он относит не только людей, но и тигров. Наблюдаем устойчивую параллель человека и этого зверя, ведущих друг с другом и друг о друге постоянный внутренний диалог, потому что их судьбы и жизненные пути в тайге переплетены. И в контексте такой неразрывной связи возникает ещё одна центральная тема сборника – ценность памяти, традиций и семьи.

Настоящий охотник (и тигр, и человек) всегда ощущает причастность к семье и роду, думает о предках и потомках: об отце ("Убей меня"); о сыне и тигрятах ("Поцелуй тигрицы"); о матери, отце, брате и двух новорождённых котятках ("Два охотника"); о маме, брате и сестрёнке, своих детях-тигрятах ("Упорный") и др. Он стремится стать опорой семье, и по описаниям испытываемых героем чувств в текстах очень сложно чётко разграничить зверей и людей, ведущим становится такой приём, как олицетворение. П.В. Фоменко изображает семью как величайшую ценность, смысл жизни человека и тигра, как то, что способствует сохранению и передаче традиционного уклада (человек и тигр нередко ходят по тропам, проложенным их предками ("Месть", "Убей меня"), что символизирует тесную связь поколений), сложившегося у коренных этносов за многие поколения и сберегающего тайгу. В

цикле показаны взросление и человека, и тигра, сложный и многомерный, изменчивый мир каждой семьи, очень похожей у человека и зверя.

Затрагивается также проблема существования в современности разных культурных традиций, их влияния на судьбу тигра и тайги: пара штрихов посвящена деятельности китайцев, отравляющих природу отходами сельского хозяйства и промышленности, скупающих богатства дальневосточной тайги и теряющих расположение тигра (Владик в одноимённом рассказе передумывает идти в земли своей древней родины); с большой теплотой описывается взаимопонимание охотников-удэгейцев и окружающей их природы, органичное сосуществование людей и тайги (однако в таких рассказах есть и боль, поскольку некоторые представители коренных этносов спиваются и теряют достоинство охотника, грабят тайгу, в том числе и вырубая ценный лес, идущий затем в Китай и Японию). Неоднозначно оценивается деятельность русского человека: есть в ней очень многое, что вызывает негодование автора (пьянство, слепая и бездумная жажда обогащения, расхищение природы), однако с ней же связывается П.В. Фоменко защита тайги и её обитателей (образование заповедников, помощь животным, умение понять чужую картину мира и не просто выстроить диалог с ее носителем, а подружиться с ним). Что интересно, прямые названия национальности (а не косвенные отсылки) автор использует чаще в положительном контексте: в цикле упоминаются удэгейцы, нанайцы, эвены, чтушие национальную культуру и тигра как её важную часть, первооснову; о русских говорится трижды – при описании русского гостеприимства, связанного с образом Наташи, милой и работающей хозяйки ("Нападение"), при изображении русского колдуна, стремящегося защитить тигра ("Отлов"), при перечислении того, чем Россия может гордиться: русский балет, освоение космоса, автомат Калашникова и тигр ("Кому он нужен, этот тигр?"). В качестве важнейших русских национальных ценностей П.В. Фоменко отмечает радушие и гостеприимство, умение понять и принять другую культуру, и тигр становится русской ценностью, мировым достижением страны, а дальневосточная тайга – родной землей для всех, кто о ней заботится. Для этих людей, подчёркивает автор, очень важна такая духовная ценность, как свобода, которая также неразрывно связана с образом тигра и диалогом, введущем о нем и с ним.

Тигр как воплощение жизни тайги не представляет себя без той территории, которую выбирает сам, заняв свободные земли либо отвоевав их у соперника. В других условиях тигру жить трудно: П.В. Фоменко с грустью описывает толстых тигров в китайском зоопарке, сравнивает тигра в неволе с узником, его герой не может видеть зверя в зоосаде, в человеческой тюрьме. Свобода важна и для охотника: его полнокровная жизнь возможна лишь в тайге, чьей частью он также становится (не случайно в рассказе "Упорный" автор пишет о голубых с зелёным отливом глазах охотоведа). То, что эта духовная ценность многое значит для человека и зверя, подчёркивает отсылка к казачеству (тигрица Казачка и упоминание казачьего духа дальневосточников ("Поцелуй тигрицы"); русский колдун, являющийся атаманом казаков ("Отлов")), для которого это также одна из базовых ценностей бытия [1]. И в целом исследователями (например, Т.В. Краюшкиной) отмечается широкое распространение интерпретаций данной категории в песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России [6]. Стремление зверя к свободе находит отклик в душе человека вне зависимости от культурной принадлежности, делает, как и одинаковые представления о чести охотника, их диалог не просто возможным, но закономерным.

Таким образом, мы наблюдаем, что в современной дальневосточной прозе актуальным остаётся обращение к проблемам таких духовных ценностей, тесно переплетённых и универсальных для многих культур, как представления о смерти, судьбе и жизни, умение понять и принять другого, дружба, честь и достоинство, любовь к традициям, семье и свободе. П.В. Фоменко широко использует такие приёмы выразительности, как параллелизм, олицетворение и символика. Интересны элементы нелинейности сюжета и отдельных рассказов, и всего цикла: это позволяет автору сопрягать события прошлого и настоящего, всесторонне рассматривать их, создавать у читателя ощущение честного и откровенного диалога, помогающего

постичь картину мира и духовные ценности дальневосточных охотников. В центре диалога, представленного в разных формах (внешней и внутренней, прямой и опосредованной), находится образ тигра, который является средоточием жизни тайги, одной из величайших ценностей России. И таким построением, такой формой повествования, такими выразительными средствами формируется основная идея сборника – ответственность человека за всё живое на земле, его не просто тесная, а кровная связь с окружающим миром. Соответственно главной задачей, важной составляющей жизни людей, позволяющей ощущать полноту и гармонию этого мира, сохранять лучшие нравственные качества, становится соблюдение равновесия в природе, её защита.

Литература

1. Бакурадзе А. Б. Свобода как ценность казачества // Эпомен. 2020. № 40. С. 10–23.
2. Гаврилин К. Н. Тигриная история: искусство и реальность // Тигриная история. Каталог выставки международного конкурса художников. М., 2016. С. 4–24.
3. Гура А. В. Медведь // Славянские древности: этнолингв. сл. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 211–215.
4. Карлова С. С. "Жизнь" и "смерть" как фундаментальные категории в культуре // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2020. № 2–3. С. 25–29.
5. Кириллова Е. О. Духовно-ценностная концепция ориента в художественных произведениях Н.А. Байкова: китайские и тунгусо-маньчжурские представления о тигре // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2. С. 454–462.
6. Краюшкина Т. В. От воли и неволи к свободе: традиционные представления в русском песенном фольклоре Сибири и Дальнего Востока России // Россия и АТР. 2019. № 4. С. 22–41. doi: 10.24411/1026-8804-2019-10052
7. Лавренова О. А. Бытие между. Семантика дорог в культурном ландшафте // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2020. № 1. С. 53–66. doi: 10.31249/chel/2020.01.03
8. Левкиевская Е. Е. Колдун // Славянские древности: этнолингв. сл. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 528–534.
9. Миронова Е. Н. Духовные ценности как основа единства российского народа // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2014. Вып. 5. С. 228–232.
10. Подмаскин В. В. Древние представления о тигре и леопарде у коренных народов Нижнего Амура и Сахалина как историко-этнографический источник // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 120–126. doi: <https://doi.org/10.30853/mns200549>
11. Рыльская Т. П. Смерть как социокультурный феномен // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 124–126.
12. Силэм Ю. А. Человек и его судьба в мифологии // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 110–115.
13. Ситцевый бабр – хозяин тайги // Приморская газета. 24.09.2017. URL: <https://primgazeta.ru/news/sitcevyj-babr-s-hozyain-tajgi-23-09-2017-02-04-55?ysclid=l743ingphp996941435> (дата обращения: 01.09.2022).
14. Старцев А. Ф. Тигр и его почитание этносами Азии // Этнические представления тунгусо-маньчжуров о природе и обществе. Владивосток: Дальнаука, 2017. С. 84–102.
15. Тарковский М. А. Предисловие // Фоменко П. В. Поцелуй тигрицы. О дикой природе, таежных странствиях, жестоких испытаниях судьбы и спасении легендарных хищников. М.: Эксмо, 2020.
16. Фетисова Л. Е. Традиционный повествовательный фольклор тунгусо-маньчжуров // Россия и АТР. 2013. № 3. С. 128–141.
17. Фисенко А. Б., Кулышева О. М. Диалог как литературоведческое понятие // Нижневартковский филологический вестник. 2020. Т. 5. № 2. С. 62–66. doi: 10.5281/zenodo.4277663
18. Фоменко П. В. Поцелуй тигрицы. О дикой природе, таежных странствиях, жестоких испытаниях судьбы и спасении легендарных хищников. М.: Эксмо, 2020.
19. Чой Чжунын. Праздник "День тигра" как социокультурный объект // Культура и искусство. 2017. № 5. С. 1–11. doi: 10.7256/2454-0625.2017.5.23182
20. Чэнь Синюй. Образ тигра в дальневосточной аномалистической прозе // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы XI Международной студенческой научно-практической конференции. Хабаровск, 2020. С. 251–255.
21. Cheng Shuangting. Мифические образы в повести "Великий Ван" Н.А. Байкова // Litera. 2021. № 9. С. 89–95. doi: 10.25136/2409-8698.2021.9.36348.

References

1. Bakuradze A. B. Freedom as the value of the Cossacks // *Epomen*. 2020. No. 40. P. 10–23. (In Russ.).
2. Gavrilin K. N. Tiger story: art and reality // *Tiger story*. Catalog of the exhibition of the international competition of artists. Moscow, 2016. P. 4–24. (In Russ.).
3. Gura A. V. Bear // *Slavic antiquities: ethnolinguistic voc. M.: International relations*, 2004. Vol. 3. P. 211–215. (In Russ.).
4. Karlova S. S. "Life" and "death" as fundamental categories in culture // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and healthcare*. 2020. No. 2–3. P. 25–29. (In Russ.).
5. Kirillova E. O. The spiritual and value concept of the orient in the works of N.A. Baykov: Chinese and Tungus-Manchurian ideas about the tiger // *The world of science, culture, education*. 2022. No. 2. P. 454–462. (In Russ.).
6. Krayushkina T. V. From will and bondage to freedom: Traditional ideas in Russian song folklore of Siberia and the Russian Far East // *Russia and the Asia-Pacific region*. 2019. No. 4. P. 22–41. doi: 10.24411/1026-8804-2019-10052 (In Russ.).
7. Lavrenova O. A. Being between. Semantics of roads in the cultural landscape // *Man: Image and essence. Humanitarian aspects*. 2020. No. 1. P. 53–66. doi: 10.31249/chel/2020.01.03 (In Russ.).
8. Levkieskaya E. E. Magician // *Slavic antiquities: ethnolinguistic voc. M.: International relations? 1999*. Vol. 2. P. 528–534. (In Russ.).
9. Mironova E. N. Spiritual values as the basis of the unity of the Russian people // *Vestnik Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences*. 2014. Iss. 5. P. 228–232. (In Russ.).
10. Podmaskin V. V. Ancient ideas about the tiger and leopard among the indigenous peoples of the Lower Amur and Sakhalin as a historical and ethnographic source // *Manuskript*. 2020. Vol. 13. Iss. 12. P. 120–126. doi: <https://doi.org/10.30853/mns200549> (In Russ.).
11. Ryl'skaya T. P. Death as a socio-cultural phenomenon // *Cultural life of the South of Russia*. 2009. No. 5. P. 124–126. (In Russ.).
12. Silem Yu. A. Man and his fate in mythology // *Bulletin of the Chuvash University. Humanities*. 2006. No. 4. P. 110–115. (In Russ.).
13. Calico babr – the owner of the taiga // *Primorskaya gazeta*. 24.09.2017. URL: <https://primgazeta.ru/news/sitcevyj-babr-s-hozyain-tajgi-23-09-2017-02-04-55?ysclid=I743ingphp996941435> (accessed 01.09.2022). (In Russ.).
14. Startsev A. F. The Tiger and its veneration by Asian ethnic groups // *Ethnic ideas of the Tunguso-Manchus about nature and society*. Vladivostok. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2017. P. 84–102. (In Russ.).
15. Tarkovskii M. A. Preface // Fomenko P. V. *The Kiss of the Tigress. About the wild nature, taiga wanderings, cruel trials of fate and the rescue of legendary predators*. Moscow: Eksmo Publ., 2020. (In Russ.).
16. Fetisova L. E. Traditional narrative folklore of the Tunguso-Manchus // *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013. No. 3. P. 128–141. (In Russ.).
17. Fisenko A.B., Kultysheva O.M. Dialogue as a Literary Concept // *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*. 2020. Vol. 5. No. 2. P. 62–66. doi: 10.5281/zenodo.4277663 (In Russ.).
18. Fomenko P. V. *The Kiss of the Tigress. About the wild nature, taiga wanderings, cruel trials of fate and the rescue of legendary predators*. Moscow: Eksmo Publ., 2020. (In Russ.).
19. Choi Chzhunyn. Tiger Day holiday as a socio-cultural object // *Culture and Art*. 2017. No. 5. P. 1–11. doi: 10.7256/2454-0625.2017.5.23182 (In Russ.).
20. Chen' Sinyui. The image of the tiger in the Far Eastern anomalistic prose // *Dialogue of cultures – dialogue about peace and in the name of peace: materials of the XI International Student Scientific and Practical Conference*. Khabarovsk, 2020. P. 251–255. (In Russ.).
21. Cheng Shuangting. Mythical images in the story "The Great Van" by N.A. Baykov // *Litera*. 2021. No. 9. P. 89–95. doi: 10.25136/2409-8698.2021.9.36348 (In Russ.).

Мария Сергеевна КИСЕЛЕВА, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: kiseleva.ms@dvvu.ru

Maria S. KISELEVA, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian Language and Literature Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: kiseleva.ms@dvvu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 21.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 25.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Взгляд на "цифровизацию" с точки зрения жизненных смыслов и ценностей

Андрей Владимирович ПОПОВКИН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, andrey.popovkin@gmail.com

Галина Сергеевна ПОПОВКИНА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, galina.popovkina@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние внедрения цифровых технологий на базовые жизненные смыслы и ценности. Методологическую основу исследования составил философский и культурно-антропологический анализ нормативной базы проводимой цифровизации, определение основных базовых свойств человека: логосность, соборность, духовная свобода и др. Отмечается, что цифровизация выступает своего рода квинтэссенцией техники. Определены положительные и отрицательные моменты внедрения цифровизации. Цифровизация – лишь инструмент, который может быть и полезен, и опасен, поэтому нашей культуре еще предстоит выработать особое отношение к этой сфере техники, для того чтобы успешно справиться с вызовами цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, жизненные смыслы, ценности, техника, культура

Для цитирования: Поповкин А.В., Поповкина Г.С. Взгляд на "цифровизацию" с точки зрения жизненных смыслов и ценностей // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 56–65. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/56-65>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/56-65>

A look at "digitalization" in terms of life meanings and values

Andrey V. POPOVKIN

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, andrey.popovkin@gmail.com

Galina S. POPOVKINA

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, galina.popovkina@gmail.com

Abstract. The article discusses the impact of the introduction of digital technologies on basic life meanings and values: spiritual freedom, the value of order, the desire for meaningfulness, the value of privacy of personal life, the value of creativity. The methodological basis of the study was a philosophical and cultural-anthropological analysis of the regulatory framework for ongoing digitalization, the definition of the main basic properties of a person: logos, catholicity, spiritual freedom, etc. It is noted that digitalization is a kind of quintessence of technology, bringing technology to the greatest extent closer to the living fabric of human communication, social processes, politics, education, etc. The positive and negative aspects of the introduction of digitalization are identified. Digitalization is only a tool that can be both useful and dangerous, so our culture has yet to develop a special attitude towards this field of technology in order to successfully cope with the challenges of digitalization.

Keywords: digitalization, digital technologies, life meanings, values, technology, culture

For citation: Popovkin A.V., Popovkina G.S. A look at "digitalization" in terms of life meanings and values // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 56–65. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/56-65>

Общее понятие цифровизации

Исследование научных публикаций по данной тематике показывает, что единого общепринятого понятия "цифровизации" еще не выработано. Чаще всего под "цифровизацией" исследователи понимают внедрение информационных технологий (зачастую подразумеваются интернет-технологии, BigData и тому подобное) в те области жизни и процессы, которые раньше были для этих технологий мало или вовсе недоступны. Можно сказать, что цифровизация – давно начавшийся процесс, стремительно распространяющийся в мире и затронувший практически

все сферы жизни: политику, экономику, науку, медицину, образование, культуру и т.п. Будучи важным явлением в жизни общества, цифровизация стала объектом изучения для исследователей, занимающихся проблемами цифровизации современной экономики, образования, универсальность и практическую необходимость цифровых технологий в повседневных практиках и т.п. Однако внедрение цифровых технологий затрагивает и базовые жизненные смыслы, и ценности человека, влияя на них не всегда предсказуемым образом, что, безусловно, требует изучения и осмысления. Таким образом, предмет исследования – влияние цифровых технологий на базовые жизненные смыслы и ценности. Цель – выявить, как внедрение цифровых технологий в практику государственного управления, образования и др. сфер влияет на реализацию базовых духовно-нравственных ценностей, выявить риски и возможности цифровизации. Цель определяет задачи исследования: 1. Проанализировать с точки зрения влияния на духовно-нравственные ценности нормативную базу цифровизации, выявить заложенные в ней представления о цифровизации. Сформулировать представления о цифровизации как социокультурном феномене на основе официальных документов и публикаций в официальных СМИ. 2. Сформулировать представления о базовых духовно-нравственных ценностях, опираясь на философско-антропологические представления о человеческой природе. 3. Проанализировать влияние процессов цифровизации на выявленные базовые духовно-нравственные ценности, определить положительные и отрицательные моменты. Основу методологии исследования составил философский и культурно-антропологический анализ.

Ключевым документом, определяющим процесс "цифровизации" выступает Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года", в котором одной из целей национального развития указана "цифровая трансформация". Обозначены следующие показатели этой трансформации: "достижение "цифровой зрелости" ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления; увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 процентов; рост доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к информационно-телекоммуникационной сети "Интернет", до 97 процентов; увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий в четыре раза по сравнению с показателем 2019 года" [9].

Кроме того, в России действует проект построения "Информационного государства" [3], в рамках которого реализуется направление "информатизация госорганов". Одной из задач этой информатизации объявлено внедрение аппаратно-программного комплекса технических средств (АПК) "Безопасный город". Этот комплекс, помимо объединения в сеть всех городских служб предполагает "Обеспечение правопорядка и профилактики правонарушений в том числе: охранные системы, видеонаблюдение, видеоаналитика, управление видеопотоками, мониторинг мобильных объектов/персонала (ГЛОНАСС/GPS)" [5].

В целом, если попытаться коротко изложить суть процесса "цифровизации", которая явствует из упомянутых документов и источников, можно сказать, что она сводится к двум основным факторам. Первый состоит в *опосредовании* с помощью интернет-коммуникаций взаимодействия гражданина с государством и поддерживаемыми им базовыми социальными институтами – образования и здравоохранения. Сюда же относится и большая часть процессов "цифровизации образования", где, с одной стороны, опосредуются отношения родителей и школы через "цифровые дневники", чаты и т.п., а с другой – идет нарастающий процесс опосредования взаимодействия учителя и учеников через всевозможные онлайн-уроки, онлайн-курсы и так далее вплоть до роботов-учителей. Педагоги стоят перед непростой воспитательной задачей: при отсутствии личного общения создать условия для всестороннего духовного, нравственного и интеллектуального развития обучающихся [4]. Кроме того, уменьшение живого участия педагога в учебном процессе особенно заостряет саму проблему социализации человека [2].

Второй фактор состоит в качественном усилении контроля повседневности граждан со стороны органов власти и иных структур, выполняющих некоторые властные функции. Сюда относится, например, построение системы постоянного видеонаблюдения с распознаванием лиц в рамках системы "Безопасный город". Но участниками системы тотального контроля могут стать и структуры здравоохранения или образования. Так, всё чаще можно встретить сообщения о попытках обязать учителей отслеживать активность школьников в социальных сетях. В медицине развиваются технологии контроля и отслеживания повседневной жизни пациентов с деменцией, риском внезапной остановки сердца и т.п. Главное, на что следует обратить внимание – речь нередко идет не о контроле некоей специальной деятельности, как например, осуществления полицейским своих полномочий, или работы сотрудников атомной станции на особо ответственном участке, а именно о контроле повседневной жизни, до сих пор бывшей вне поля зрения государства, системы образования, здравоохранения и других социальных институтов.

Базовые жизненные смыслы и ценности, затрагиваемые "цифровизацией"

Исходя из сказанного в предыдущем разделе, попробуем выделить те базовые жизненные смыслы и ценности, которые наверняка будут затронуты процессами "цифровизации". В современных культурных условиях это отнюдь не тривиальная задача, поскольку отсутствует консенсус как в обществе, так и среди ученых не только в отношении того, что считать базовыми ценностями, но и в понимании самой природы человека. Более того, в ряде стран условного Запада существует отчётливая и влиятельная политическая воля на размытие представлений о человеческой природе, с помощью намеренного насаждения трансгендерности и других форм трансгуманизма. В этой связи нам, по-видимому, следует в явной форме обозначить собственные представления о человеческой природе, исходя из которых мы будем рассматривать и духовные вызовы цифровизации.

Мы намерены опираться в этом вопросе на традицию понимания человека, берущую начало в античной философии Платона и Аристотеля, и получившую развитие в русской философии. Согласно этим традициям человек есть существо *логосное*¹ и *свободное*. Сюда же следует добавить ещё одно базовое свойство человека, на которое особое внимание обращали создатели немецкой классической философии – его *духовную свободу*. В русской философской традиции И.А. Ильин назвал его "духовной автономией", но, пожалуй, более обоснованно будет говорить о духовном самоопределении. Рассмотрим подробнее эти свойства и связанные с ними базовые ценности.

Логосная природа человека проявляется, прежде всего, в его способностях к членораздельной речи и понятийному мышлению, однако не ограничивается только ими. Человеку свойственно также стремиться к установлению нравственного порядка, выражающегося в определенной, свойственной конкретному человеку или социальной группе, иерархии ценностей, а также нравственному закону, наличие которого, как мы помним, неизменно восхищало И. Канта. Из сказанного, конечно, вовсе не следует, что всякий человек необходимо добр и высокоморален – ведь установленный человеком внутри себя моральный закон может быть объективно плох и несправедлив к окружающим. Но, мы полагаем, что вправе утверждать, что у каждого человека есть моральный закон и какая-то иерархия ценностей.

Таким образом, из наличия у человека логосной природы вытекают такие универсальные базовые ценности, как *стремление к осмысленности* как жизни в целом, так и различных её аспектов: труда, отношений, поступков и т.п. Сюда же относится *ценность порядка*, причём как в самом простом бытовом смысле – порядка в своей комнате и своих делах, так и порядка социального – в форме стремления к ясной и справедливой социальной структуре общества и т.п. Наверное, сюда же

¹ От др. греч. Логос – слово, закон.

можно отнести и ценность порядка космического, ответственность за который на человека возлагали многие традиционные культуры.

Соборная природа человека состоит в фундаментальной соотнесённости и связанности человека с другими людьми. С самого своего зарождения человек не существует как отдельный "атом": будучи плодом в утробе матери он настолько связан с ней, что является почти частью материнского организма; родившись, человек может сформироваться в полноценную личность, развить свою логосную природу только в общении с другими людьми, уже обладающими развитой речью, мышлением, эмоциональной жизнью и нравственным чувством. Но и став взрослым, человек не превращается в "монаду" с окнами или без окон. Вся наша душевная жизнь пронизана *интерсубъективным*², черпает из него формы для своих содержаний. Так, человек не выдумывает сам, но использует в своем мышлении *общие* понятия, выражает *свои* мысли и чувства словами *общего* (для народа, к которому принадлежит человек) языка, постоянно стремится к *общезначимости* своих решений и поступков. Именно этот факт нашей постоянной соотнесенности с другими нашёл отражение в концепции *соборности* С.Н. Трубецкого: "Я как будто бы держу внутри себя собор со всеми и только то для меня истинно ... что должно быть таковым для всех" [10, с. 495].

Из соборности человеческой природы вытекают такие универсальные ценности, как общение и стремление к общезначимости. Действительно, "не хорошо человеку быть одному", – говорит Библия. Человеку жизненно важно иметь возможность общения и при том такого, в котором его понимают, разделяют важные для него ценности и т.п. Равным образом не может довольствоваться человек лишь своим частным мнением по тому или иному вопросу, но всякому хочется иметь и утверждать *правильное* мнение, которое "должно быть таковым для всех".

Своеобразной диалектической противоположностью соборности человеческой природы выступает *духовная автономия* личности, выражающаяся, прежде всего, в нашей свободе воли. Более всего эта автономия проявляется в нравственной сфере. В самом деле, ведь невозможно никому, даже ребенку, навязать силой какую-либо нравственную норму. Её усвоение всегда требует внутреннего согласия личности, пусть даже этой личности три года отроду. Следует отметить, что духовная свобода человека теснейшим образом связана с его логосной природой или, иначе, с разумностью. В самом деле, без разумного целеполагания и волевого руководства своими поступками человек неизбежно окажется в рабстве у случайных желаний и стремлений, оказавшись в этом случае даже более хаотизированным существом, чем животные, поведением которых руководят инстинкты.

Таким образом, духовная автономия личности обуславливает такую ценность, как свобода во всех её проявлениях – от физической до свободы религиозных, политических и иных убеждений. Ценность свободы тесно связана с ценностью *самоопределения* личности, её правом на собственную мировоззренческую, политическую, нравственную и иную позиции. На нём же строится представление о ценности *приватности личной жизни*, как сферы свободной реализации своей соборной природы в виде таких *личных* связей, как семья и дружба, своего нравственного чувства, личных вкусов и т.п.

Из таких свойств человеческой личности, как свобода и логосность, проистекает *ценность творчества*. Подлинное творчество всегда предполагает свободу выбора творца (подлинное творчество никогда не бывает принудительным, оно проистекает из внутреннего душевного порыва), с другой стороны, творчество всегда есть созидание некоего порядка, строя, гармонии, т.е. проявление Логоса.

Духовные вызовы цифровизации

Приступая к рассмотрению "цифровизации" с точки зрения жизненных смыслов и ценностей, определения несомых ею духовных вызовов, хочется вспомнить одно важное понятие, которое ввел К. Ясперс при исследовании влияния техники

² В современной философии для описания соборности человеческой природы чаще используют концепцию *интерсубъективности*.

на культуру. *Цифровизация же в некотором смысле есть вид внедрения техники в различные, дотоле недоступные последней, сферы жизни.* Речь идет о концепции "демонизма техники". Конечно, Ясперс вовсе не собирается вести речь о демонах как неких злонамеренных существах. В данном случае речь идет об "... образном выражении чего-то в целом непонятого, нежеланного, искажающего, случайного, которое действует подавляюще как бы из собственных истоков" [12, с. 479]. А именно, как пишет сам философ в главе "Обнаружение демонического характера техники": "Слово это указывает на нечто, созданное людьми, но созданное ими непреднамеренно; на нечто подавляющее, оказывающее последующее воздействие на все их существование; противостоящее им, не постигнутое ими, как бы происходящее на заднем плане, нераскрытое" [11, с. 137].

В чем же состоит демонический характер техники по мнению К. Ясперса? Он исходит из того, что всё большее внедрение техники в жизнь ведёт к механизации самой жизни, "следствия этой механизации происходят из абсолютного превосходства механической предначертанности, исчисляемости и надежности" [11, с. 138]. Прежде всего, полагает Ясперс, жёсткая техническая "исчисляемость" и надёжность вступают в конфликт с живыми, спонтанными проявлениями душевной жизни человека: "Видимость человечности допускается, даже требуется, на словах она даже объявляется главным, но как только цель того требует, её самым решительным образом отодвигают на второй план" [11, с. 138]. Подобное отодвигание человечности на второй план легко заметить на примере работы любой бюрократической машинерии, особенно отстроенной технократически с опорой на формальные показатели: декларируя заботу об удовлетворении жизненных потребностей, бюрократическая машина государства или любого из его социальных институтов легко отодвигает конкретного человека даже не на второй план, а куда-то на задворки: "Всё, связанное с душевными переживаниями и верой, допускается лишь при условии, что оно полезно для цели, поставленной перед машиной. Человек сам становится одним из видов сырья, подлежащего целенаправленной обработке" [11, с. 138].

Ясперс прозорливо предсказывает опасность проникновения техники в сферу частной жизни: "... Ощущение жизненности служит обычно рубежом между пребыванием на службе и частной жизнью. Однако эта частная жизнь сама становится пустой, механизуется, и досуг, удовольствие превращается в разновидность работы" [11, с. 138]. Легко увидеть в этом предупреждении черты "цифрового досуга". Но благодаря цифровизации в нашу жизнь вошло ещё и понятие "удаленной" работы, стирающей грань между "пребыванием на службе и частной жизнью". Сходным образом становится проницаемой грань частной жизни для государственных институций: "Воля государства может при современных средствах сообщения охватить самые отдаленные области и в любую минуту заявить о себе в каждом доме" [11, с. 138 - 139].

Предвидит философ и наступление эпохи "постправды", связанной с развитием цифровизированных СМИ: "... если исчерпывающие сведения вначале давали людям духовное освобождение, то теперь распространение информации обратилось в господство над людьми посредством контролируемых сведений" [11, с. 138].

Однако, несмотря на перечисленные негативные факторы, хочется вслед за Ясперсом повторить, что "техника – только средство, и сама по себе она не хороша и не дурна" [11, с. 140]. Поэтому дальнейшее рассмотрение цифровизации мы намерены вести в диалектическом ключе: выделяя её положительные аспекты и показывая отрицательные как их оборотную, "демоническую" сторону.

Пожалуй, наиболее ярко влияние цифровизации проявилось в реализации такой базовой ценности, как *человеческое общение*. Сотовая связь и интернет на порядок расширили возможности общения. По крайней мере, так принято считать. Но так ли это на самом деле? С одной стороны, мы действительно практически в любой момент можем обратиться к любому знакомому и даже незнакомому человеку, например, с помощью социальных сетей. Но при этом странным образом проблема одиночества в нашем обществе отнюдь не исчезла. Дело здесь, по-

видимому, в том, что то общение, которое действительно нужно нашей душе, требует полноценного присутствия другого или, по крайней мере, такой степени его присутствия, которое пока не обеспечивается современными техническими средствами. Возможно, дело в открытой философами XX в., такими как Э. Гуссерль и Х. Ортега-и-Гассет, фундаментальной роли телесности Другого для межличностного общения. Ими было показано, что присутствие тела Другого, похожего на наше собственное тело, телесное проявление душевной жизни выступает указанием для нашего сознания на сопresутствие духовного начала, сходного с нашим. В случае общения, опосредованного цифровизацией, тело фактически отсутствует, оно заменяется символическим изображением Другого. И даже если речь идет о качественном видеоизображении и звуке, его все равно нельзя считать тождественным телесному присутствию. В обосновании этого утверждения можно сослаться на опыт общения с животными. Например, собака, активно откликающаяся на живое обращение хозяина, чаще всего не реагирует на его голос по телефону и даже видеосвязь здесь не всегда помогает. Конечно, развитое сознание и символическое мышление взрослого достаточно успешно "достраивает" присутствие Другого в случае цифрового общения. Но, например, для сознания ребенка эта задача не всегда по силам. Так, внедрение дистанционных методов обучения способно оказывать негативный эффект как на процесс образования, так и на общее развитие когнитивных навыков. Исследования на младшей возрастной группе выявили негативный эффект ношения масок, связанный с тем, что детям не видна тонкая мимика и т.п. [13]. Но схожий эффект можно ожидать и от дистанционного образования – ведь даже при хорошей разрешающей способности камеры ребенок видит плоское изображение учителя, кроме того, звук голоса учителя неизбежно искажается, теряя интонационные оттенки обертона при кодировании и декодировании звука на компьютерах и воспроизведении голоса через компьютерные колонки. Кроме того, ученик теряет очень важные для обучения сигналы, которые можно назвать "социальным подкреплением". Ведь общеизвестно, что человеку вообще, а подростку – в особенности, важно быть "своим" в коллективе, а значит в некоторых отношениях "быть как все". На процесс обучения это влияет самым непосредственным образом. Учителя знают, что один отвлекшийся ученик может "заразить" этим весь класс. Но верно и обратное, если все учатся и, например, внимательно слушают учителя, то и непоседа скорее всего приложит нужные усилия. И вот именно такого "социального подкрепления" учебного процесса от сверстников ребенок лишён в дистанционном формате.

Да и взрослые в по-настоящему серьезных вопросах предпочитают живое общение. Так, несмотря на распространённость формата видеоконференций самые важные вопросы, требующие прояснения всех нюансов позиций собеседников или касающихся личного доверия по-прежнему как в бизнесе, так и в сфере политики решаются именно на личных встречах, не опосредованных цифровизацией.

Иными словами, цифровизация способствовала небывалому росту опосредованных форм общения. Поддерживать связь с близкими и друзьями стало намного легче. Но вот обретение друзей и близких с помощью цифрового общения отнюдь не стало легче. Более того, усилилась и, по-видимому, будет только возрастать опасность своеобразной "стерилизации" личности и её круга общения в цифровой среде. Ведь там всегда можно найти тех, с кем тебе в данный момент хочется общаться и общаться с ними так и столько, сколько тебе именно сейчас хочется. Нет никакой необходимости приноравливаться к собеседнику, "носить бремена друг друга". Эта ситуация опасна развитием коммуникативного эгоизма и инфантилизма. С другой стороны, опосредованное цифровое общение породило феномен, который можно назвать "псевдо-близостью", когда человек добровольно раскрывает своё интимное пространство личной жизни для в общем-то посторонних людей, например, публикуя в соцсетях подробные фотоотчеты о жизни своей семьи, включая малолетних детей. Такое добровольное поспание *ценности приватности личной жизни*, возможно, вырастает из естественного *стремления к общезначимости* того, чем живёт человек, но реализуемого в ложной форме, ведь участники соцсе-

тей далеко не всегда являются сообществом друзей, о чём свидетельствует такое явление как кибербуллинг.

Существенное влияние цифровизация оказывает и на стремление к упорядоченности и осмысленности жизни. Такие проявления цифровизации, как интернет-календари и планировщики задач на порядок опережают старые добрые бумажные ежедневники. Современные цифровые средства позволяют любому человеку достичь такого уровня распланированности и упорядоченности дня, какой раньше был доступен лишь тем, кто мог позволить себе личного секретаря. И с одной стороны, это дает людям возможность достигать большего, быть эффективнее. Но как насчёт того, что не поддается планированию и расписанию? Куда денутся такие вещи, как разговор по душам с близким или даже случайным человеком, запойное чтение увлекательной книги, прогулка по настроению и т.п.? Думается, что чрезмерная зарегулированность жизни, которой позволяет достичь цифровизация, не менее опасна, чем расхлябанность. "Суперэффективность", достигаемая внедрением цифровых трансформаций в трудовую жизнь, чревата профессиональным выгоранием [8].

Еще одним аспектом современной погони за эффективностью, усугубляемой цифровизацией, является "расползание" рабочего места и рабочего времени в личное пространство и время. Цифровые средства коммуникации позволили многие рабочие операции выполнять удаленно, а эпидемия COVID-19 подстегнула такое явление, как удалённая работа из дома. Конечно, работа из дома имеет ряд преимуществ: человеку не надо тратить время и деньги на дорогу до офиса, можно питаться домашней пищей, более полноценно отдыхать во время перерывов. И в доцифровую эпоху были люди, которые нередко работали дома: например, писатели, ученые и т.п. Но, во-первых, в большинстве это были представители творческих профессий. Во-вторых, в этих профессиях сложилась особая культура труда, позволяющая более-менее безболезненно совмещать домашнее пространство с рабочим процессом. В подавляющем же большинстве случаев и для большинства людей, занятых в работе по найму, разделение личного и рабочего пространства, личного и рабочего времени трудно расценивать иначе, как благо. И отнюдь неслучайно придуманная Робертом Оуэном формула 8-8-8 (8 часов на работу, 8 часов – личное время, 8 часов на сон) многими расценивалась как одно из величайших достижений эпохи, а один из первых внедривший её на своих предприятиях Генри Форд доказал её эффективность и в плане роста производительности труда. В настоящее же время, благодаря цифровизации, формула Оуэна начинает вновь размываться – работа вторгается в личное время, а недостаток последнего человек пытается компенсировать за счёт времени сна – многим случалось "зависнуть" в своем телефоне поздней ночью.

Следует указать и ещё один двойственный эффект цифровизации. Внедрение цифровых технологий в рабочий и учебный процесс с одной стороны, облегчает их, позволяя, к примеру, автоматизировать рутинные операции, расширяет доступ к экспертному знанию и т.п. Но, с другой стороны, цифровизация позволяет значительно усилить контроль, а значит, и интенсифицировать труд. Причём, если в доцифровую эпоху основной формой контроля труда или обучения был фактический результат, например количество выточенных деталей, рассмотренных дел или, если речь об учёбе – число верно решённых задач или устный ответ на экзамене, то с появлением цифровизации усиливается контроль самого процесса труда, учёбы, подготовки к ответу на экзамене и т.п. Существуют специальные цифровые системы контроля рабочего времени, позволяющие мониторить буквально все действия сотрудника на рабочем месте. В учебный же процесс внедряются так называемые системы *прокторинга*, отслеживающие даже направление взгляда студента в процессе подготовки к ответу. Такой контроль, особенно когда решение о штрафе за невнимательность к работе отдано на откуп компьютерным алгоритмам, часто становится бессмысленно жёстким, что создает сильное психическое напряжение у работников и студентов, делает их труд психологически выматывающим, а оценку его – несправедливой. Таким образом цифровизация может не только

облегчать рутинные формы труда, но и становиться инструментом гиперэксплуатации человека, чрезмерной формализации рабочих и учебных процессов. Совершенно очевидно, что внедрение цифровизации, например, в образовательный процесс, требует унифицированной системы взаимодействия и контроля обучающего и обучаемого [7] с учетом психоэмоционального воздействия этой системы на человека.

Теснейшим образом с процессом обучения связано развитие в учащемся творческих способностей. И здесь цифровые технологии способны сослужить плохую службу человеку. Цифровая информация широко доступна, но часто она подается довольно "сухо", отсутствует творческая, личностная составляющая, которая присуща изложению материала преподавателем, что, в свою очередь, должно воспитывать в ученике способность мыслить нестандартно, творчески. Как верно замечено, "электронные технологии... не способствуют развитию мышления, так как, получая готовую информацию, человек не нуждается в её постоянном поиске; нет желания развивать свои творческие способности, ведь, по мнению многих, всё уже создано и придумано. Цифровые технологии образуют ситуацию, когда ученика подталкивают к уклонению от выполнения заданий: копирование текстов, использование чужой информации, покупка готовых заданий – всё это широкодоступно" [2]. Понимание этой опасности поможет повысить результативность процесса обучения, а не привести человека к "цифровому аутизму" [2]. Положительным же аспектом цифровизации в аспекте творчества выступает облегчение технической реализации задуманного. Современные цифровые устройства и методы помогают быстрее создавать необходимые объекты, не отвлекаясь, например, на проработку всеупотребительных деталей.

Нельзя обойти вниманием влияние цифровизации на политическую жизнь. Ведь неслучайно многие мудрецы, в числе которых и Платон, и Конфуций, полагали, что ценность порядка и стремление к благой, осмысленной жизни в человеческом обществе реализуется в числе прочего и в лице государства. И по всей видимости, неслучайно процесс цифровизации существенным образом затронул многие аспекты нашей политической жизни и государственного управления. Идеи создания в нашей стране "цифрового государства", выразившиеся в таких проектах, как интернет-приёмные руководителей разных рангов, портал "Госуслуги" и т.п. действительно нацелены на упорядочение государственного управления, превращение его в хорошо отлаженный механизм. В наше время такая характеристика управленца, как "технократ", стала рассматриваться в руководящих кругах как нечто положительное. И трудно не заметить явные успехи цифровизации государственной власти: большинство вопросов, связанных с оформлением тех или иных документов, стало решаться намного проще и быстрее, значительно расширились возможности граждан обратиться в местные и федеральные органы власти и т.п. Но вместе с тем, как неизбежное следствие опосредования взаимодействия власти и граждан, произошло своеобразное обезличивание власти, её машинизация, об опасности которой предупреждал К. Ясперс. В частности, развитие технократизма влечёт за собой замену реального управления живым развитием общества гонкой за достижением формализованных показателей, зачастую искажающей те процессы, которые с их помощью пытаются контролировать [6].

Заключение

Цифровизация, как мы видим, выступает своего рода квинтэссенцией техники. Она в наибольшей степени приближает технику к живой ткани человеческого общения, социальных процессов, политики, образования и т.п. И, как и всякая техника, она есть лишь средство, инструмент, который может быть полезен, но может быть и опасен, в том числе в силу своей сложности и скрытых возможностей. Несмотря на перечисленные вызовы и угрозы цифровизации для духовных ценностей, мы далеки от того, чтобы видеть в ней некоего врага. Но для того, чтобы она была достаточно безопасна, нашей культуре ещё предстоит выработать особое отношение к этой сфере техники. И такие процессы уже идут. Например, появляется этикет цифрового общения, впервые сформулированный Вирджини-

ей Ши в книге "Нетикет" в 1994 г., существуют курсы цифрового этикета, предлагающие усвоить правила общения в интернете. Профессиональные сообщества (например, работников культуры) стремятся выработать общие положения для деятельности в сфере цифровизации [1]. Предпринимаются меры по правовой защите от кибербуллинга. Иными словами, у нас есть все основания надеяться на то, что наша современная культура успешно справится с вызовами цифровизации..

Литература

1. Житенёв С.Ю. Новые информационные технологии и современная культура коммуникаций: состояние, определения и вопросы развития // *Цифровизация культуры и культура цифровизации: современные проблемы информационных технологий: материалы Всерос. науч. конф. (08 октября 2020 г.)* / под ред. С. Ю. Житенёва. М.: Институт Наследия, 2020. 204 с. С. 12–19.
2. Зайцева И. А., Торосян А. С. Цифровизация высшего образования и цифровизация человека: перспективы, проблемы, возможные пути решения // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки.* 2020. № 3-2. С. 86–90.
3. Информационное государство // Сайт Минцифры России. URL: <https://digital.gov.ru/ru/#direction1> (дата обращения: 10.09.2022)
4. Костерина И.В., Яковлева М.К. Цифровизация воспитания или воспитание в условиях цифровизации образования: к постановке проблемы // *Экономика, управление и финансы в цифровом обществе. материалы международных научно-практических конференций.* Курск, 2022. С. 368–374.
5. Методические рекомендации АПК "Безопасный город" построение (развитие), внедрение и эксплуатация. П. 3.2 приложения 3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420357078> (дата обращения: 10.09.2022)
6. Мюллер Дж. Тирания показателей. Как одержимость цифрами угрожает образованию, здравоохранению, бизнесу и власти. М.: ООО "Альпина-паблишер". 2019. 266 с.
7. Носов С.И., Бондарев Б.Е., Беликеев Ф.Н. От цифровизации образования к цифровизации экономики // *Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании. Материалы XI Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юбилею кафедры и 114-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова.* М., 2021. С. 151–156.
8. Понамаренко А.А. Проблема профессионального выгорания в контексте цифровизации и цифровой трансформации // *Молодежь XXI века – пути к профессионализму в условиях цифровизации. Сборник материалов региональной конференции студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых.* Симферополь, 2021. С. 308–314.
9. Российская газета – Федеральный выпуск № 159(8213). 22 июля 2020 г. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html> (дата обращения: 10.09.2022)
10. Трубецкой С.Н. О природе человеческого сознания // *Трубецкой С.Н. Сочинения.* М.: Мысль, 1994. С. 483–593.
11. Ясперс К. Истоки истории и её цель // Ясперс К. *Смысл и назначение истории:* Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 28–287.
12. Ясперс К. *Философская вера* // Ясперс К. *Смысл и назначение истории:* Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 420–508.
13. Hammer A. COVID rules are blamed for 23% dive in young children's development: Disturbing study shows scores in three key cognitive tests slumped between 2018 and 2021, with face mask rules among possible culprits // *Daily Mail Online.* 26 November 2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10247315/Face-masks-harm-childrens-development-Study-blames-significantly-reduced-development.html?fbclid=IwAR1z2NuWZMiZiG5HvR3ADjdQ6BagNKZw7D-zzHmdHh1q5SuF0Tk8cZWJSg> (дата обращения: 10.09.2022).

References

1. Zhitenov S.YU. New information technologies and modern communication culture: status, definitions and development issues // *Digitization of culture and the culture of digitalization: modern problems of information technology: materials of Vseros. scientific conf. (October 08, 2020),* edited by S. YU. Zhitenov. M.: Institut Naslediya, 2020. P. 12–19 (In Russ.).
2. Zaytseva I. A., Torosyan A. S. Digitalization of Higher Education and Human Digitalization: Prospects, Problems, Possible Solutions // *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities.* 2020. № 3-2. P. 86–90. (In Russ.).
3. Information State // Website of the Ministry of Digital Development of Russia. URL <https://digital.gov.ru/ru/#direction1> (accessed 10.09.2022) (In Russ.).
4. Kosterina I.V., Yakovleva M.K. Tsifrovizatsiya vospitaniya ili vospitaniye v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya: k postanovke problemy // *Economics, management and finance in a digital society. Materials of international scientific and practical conferences.* Kursk, 2022. P. 368–374 (In Russ.).
5. Guidelines for АПК "Safe City" construction (development), implementation and operation. Clause 3.2 of Appendix 3. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420357078> (accessed 10.09.2022) (In Russ.).

6. Muller J. The tyranny of indicators. How obsession with numbers threatens education, healthcare, business and government. Moscow: Alpina-publisher LLC. 2019. 266 p. (In Russ.).
7. Nosov S.I., Bondarev B.Ye., Belikeyev F.N. From the digitalization of education to the digitalization of the economy // Modern problems of project management in the investment and construction sector and nature management. Proceedings of the XI International scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the department and the 114th anniversary of the Russian University of Economics. G. V. Plekhanov. M., 2021. P. 151–156 (In Russ.).
8. Ponamarenko A.A. The problem of professional burnout in the context of digitalization and digital transformation // Youth of the XXI century – the path to professionalism in the context of digitalization. Collection of materials of the regional conference of students, undergraduates, graduate students, young scientists. Simferopol', 2021. P. 308–314 (In Russ.).
9. Rossiyskaya gazeta – Federal issue No. 159(8213). July 22, 2020. URL: <https://rg.ru/2020/07/22/ukaz-dok.html> (accessed 10.09.2022) (In Russ.).
10. Trubetskoy S.N. On the nature of human consciousness. // Works. M.: Mysl', 1994. 816 p. (In Russ.).
11. Yaspers K. The origins of history and its purpose // The meaning and purpose of history. Translation from German. M.: Politizdat, 1991. P. 28–287. (In Russ.).
12. Yaspers K. Philosophical faith // The meaning and purpose of history. translation from German. M.: Politizdat, 1991. P. 28–287 (In Russ.).
13. Hammer A. COVID rules are blamed for 23% dive in young children's development: Disturbing study shows scores in three key cognitive tests slumped between 2018 and 2021, with face mask rules among possible culprits // Daily Mail Online. 26.11.2021. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-10247315/Face-masks-harm-childrens-development-Study-blames-significantly-reduced-development.html?fbclid=IwAR1z2NuWZMiZIG5HvR3ADjdQ6BagNKZW7D-zzHmdHhi1q5SuF0Tk8cZWJSg> (accessed 10.09.2022).

Андрей Владимирович ПОПОВКИН, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Галина Сергеевна ПОПОВКИНА, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: galina.popovkina@gmail.com

Andrey V. POPOVKIN, Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: andrey.popovkin@gmail.com

Galina S. POPOVKINA, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: galina.popovkina@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 27.09.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 17.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Научная статья
УДК 93/94.39
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Дальневосточная одиссея военкора Б.Л. Тагеева

Дмитрий Александрович БУТЫРИН

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, www1979@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена дальневосточному периоду жизни Бориса Леонидовича Тагеева (1871–1938 гг.), российского и советского писателя, востоковеда и журналиста. Скандальная репутация писателя стала основной причиной, по которой его биография до сих пор остается малоизученной. Данная статья стала возможной благодаря использованию автором ранее недоступных документов из собрания Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (г. Владивосток).

Ключевые слова: журналистика, консул, политический розыск, пропаганда, революция, русско-японская война, Япония

Для цитирования: Бутырин Д.А. Дальневосточная одиссея военкора Б.Л. Тагеева // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 66–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Far Eastern odyssey of the war correspondent B.L. Tageev

Dmitriy A. BUTYRIN

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, www1979@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the Far Eastern period of the life of Boris Leonidovich Tageev (1871–1938), a Russian and Soviet writer, orientalist and journalist. The scandalous reputation of the writer became the main reason why his biography still remains poorly studied. This article became possible due to the availability of previously unavailable documents from the collection of the Russian State Historical Archive of the Far East (Vladivostok).

Keywords: journalism, consul, political investigation, propaganda, revolution, Russian-Japanese war, Japan

For citation: Butyrin D.A. Far Eastern odyssey of the war correspondent B.L. Tageev // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 66–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/66-75>

Борис Леонидович Тагеев появился на свет 30 ноября 1871 г. в Санкт-Петербурге в семье юриста. По семейному преданию, его дед Бакир ибн Мухаммед Тахки родился в Персии от одной из многочисленных жён шаха. Он был привезен в Петербург, окрещён по православному обряду и получил фамилию Тагеев. [11, с. 3].

С 1887 г. семья Тагеева жила в Новом Маргелане (ныне Фергана), где отец будущего писателя служил в областном суде. Б.Л. Тагеев получил домашнее образование. Он прекрасно изучил быт, нравы, обычаи и культуру местного населения, владел персидским языком, самостоятельно выучил сартовский (узбекский) язык. Талант наблюдателя и рассказчика дал возможность молодому человеку печататься в российских журналах "Нива", "Разведчик", "Всемирная история" [2, с. 77].

В 1892 г. Б.Л. Тагеев поступает на военную службу вольноопределяющимся в 1-й Туркестанский линейный батальон. Слава военного журналиста приходит к нему после выхода в свет его книги в Петербурге в 1900 г. "Русские над Индией. Очерки и рассказы из боевой жизни на Памире" о Памирских походах, в которых прапорщик Тагеев принимал участие в 1892 г. Российское общество тепло встретило первую книгу. Интерес к книге был вызван не только описанием военного похода, но и критикой журналистом деятельности Ферганского губернатора И.С. Повало-Швейковского, виновного, по мнению автора, в бедственном положении населения региона. Обращение Б.Л. Тагеева к разоблачительной журналистике

можно рассматривать и как способ привлечения внимания читающей публики к своей книге [6, с. 6].

Через два года в г. Варшаве выходит новое сочинение Б.Л. Тагеева "Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России", которое также содержало негативную оценку деятельности российской военной администрации в туркестанском регионе, которая, по словам автора, "нагайками хлещет туземцев, ворует, солдат мучает". Именно критическое отношение автора к власти сделало эту книгу противоречивой. С одной стороны, раскрытие правды о коррупции и злоупотреблениях – дело хорошее, но с другой – оскорбительные, бранные высказывания Тагеева по отношению к гражданской и военной администрации Туркестанского края произвели неприятное впечатление даже на самых отъявленных противников царского режима. Новая книга Тагеева привлекла внимание не только российского читателя, но и Главного управления по делам печати, и издание было запрещено цензурой. Основной причиной запрета стало утверждение автора, что "...завоевание Туркестана шло со зверствами русских войск" [10, с. 614].

Но все же первая книга "Русские над Индией" принесла писателю успех и известность. Популярность Б.Л. Тагеева в России усилилась после нелегальной поездки по заданию российской разведки в Афганистан в 1897 г., воспоминания о которой были опубликованы российскими журналами [2, с. 77].

Когда началась Первая греко-турецкая война в 1897 г., военный корреспондент снова оказался в зоне конфликта, снабжая российские газеты подробностями о боевых действиях враждующих сторон, а в 1900 г. принял участие в штурме Пекина в ходе подавления Боксерского восстания в Китае. Печатался Борис Леонидович под псевдонимом "Рустам Бек" [10, с. 5].

Журналист быстро стал известным в литературных кругах Москвы и Петербурга, среди его знакомых были представители династии Романовых. Общительность, острый ум и умение располагать к себе людей позволили Тагееву в 1901 г. после увольнения с военной службы в звании поручика выступать с лекциями в Москве и других городах Российской империи, работать в редакциях "Военного альманаха" и "Альманаха армии и флота" [3, с. 10].

Редакторская карьера Б.Л. Тагеева была недолгой. Летом 1903 г. в Македонии вспыхнуло Илинденско-Преображенское восстание, ставшее кульминацией национально-освободительной борьбы македонских и тракийских болгар против власти Османской империи. Осенью 1903 г. Тагеев как военный корреспондент вместе с отрядом русских и болгарских добровольцев отправляется в Македонию. Работая в зоне конфликта, Борис Леонидович отмечал в своих репортажах, что русские добровольцы стойко преодолевали все невзгоды, горя желанием послужить "славному делу освобождения славян" [12, с. 788].

Прошло совсем немного времени, и Б.Л. Тагеев становится участником нового военного конфликта: в 1904 г. началась Русско-японская война. Как корреспондент военно-учебного отдела (ВУА) Главного штаба, он был прикомандирован к действующей армии на Дальнем Востоке. Б.Л. Тагеев участвовал в разведывательных рейдах, сражался с японцами под командованием генерала А.В. Самсонова под Вафаньгоу в начале июня 1904 г., был ранен [15, с. 495].

20 июня 1904 г. Б.Л. Тагеев прибыл в Порт-Артур, где он выполнял обязанности офицера связи. "Когда я получил приказание главнокомандующего (адмирал Е.И. Алексеев, наместник на Дальнем Востоке и главнокомандующий русских войск в Порт-Артуре и Маньчжурии. – Прим. авт.) прорваться через блокаду в осажденную крепость, и был на борту славного миноносца "Лейтенант Бураков", прибывшего в Инкоу. Миноносец едва не сделался жертвой японцев. На пересечку нашего курса шли японские крейсера, и лишь только опыт командира лейтенанта Долгобородова дал возможность прорваться и на этот раз неприятельскую засаду", – вспоминал Б.Л. Тагеев [9, с. 4].

Он пробыл в крепости 3 недели, выполнял множество поручений, в том числе и доставку секретной почты. Между журналистом и генерал-лейтенантом

А.М. Стесселем, комендантом Порт-Артура, установились доверительные служебные отношения. Иногда он участвовал в переговорах, когда офицеры не могли достичь согласия и понимания относительно боевых действий и обороны города. За службу Тагеев был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом [5, с. 597].

8 июля на свой страх и риск Б.Л. Тагеев взялся доставить генералу А.Н. Куропаткину от коменданта А.М. Стесселя сведения о плачевном положении Порт-Артура. Город был отрезан от русской армии в Маньчжурии и окружен сотысячной армией врага с суши и флотом с моря. Из воспоминаний генерал-лейтенанта А.М. Стесселя: "...он с Купчинским выехал на китайской шаланде из Артура в Инкоу, на пути им на горизонте встретился японский миноносец, который мог их не заметить. Тагеев и бывший с ним унтер-офицер хотел пройти мимо незамеченными, но Купчинский вдруг вскочил и стал махать белым платком миноносцу, после чего последний и взял всех троих в плен". Сумку с документами Тагеев сумел выкинуть в море [8, с. 745].

Так, благодаря Филиппу Петровичу Купчинскому, российскому поэту и литератору, военному корреспонденту газеты "Русь", Б.Л. Тагеев оказался в лагере для военнопленных близ города Мацзяма.

Военный журналист Константин Маркович Соломонов оказался в одном лагере с Тагеевым, с которым у него сложились приятельские отношения. Из воспоминаний журналиста: "Пленный корреспондент Борис Тагеев, пришёл в сопровождении конвойного к нашему помещению объявил:

- Почтенные порт-артурцы! Завтра у вас отберут ваши "спаги"!
- Да что вы врете, нам шашки оставлены по условиям капитуляции.
- А вот увидите!

Все страшно взволновались. Японцы до сих пор соблюдали все условия капитуляции и вдруг теперь вздумали нарушить их. "Врет корреспондент", решила публика, когда прошло первое впечатление новости. Но Тагеев не врал. Впоследствии японцы рассказывали, что причиной отнятия шашек был случай с одним офицером, который в нетрезвом виде рубил шашкой. Во избежание всяких инцидентов, военный министр и распорядился отобрать шашки" [15, с. 495].

В плену Б.Л. Тагеев близко сдружился с лейтенантом К.П. Ивановым, мичманом К.Г. Шиллингом и другими офицерами с погибшего крейсера "Рюрик": "И вот, когда меня судьба свела в плену в Японии с этими героями, когда мне долгое время пришлось прожить с ними в Мацзяме, я не упустил случая собрать со слов участников славного рюриковского боя ценный и в высшей степени интересный материал, переданный мне ими еще под живым впечатлением недавно разразившейся катастрофы" [11, с. 6].

Спустя год, в Харбине в 1906 г. с помощью редактора газеты "Новый край" полковника П.А. Артемьева Б.Л. Тагеев выпустил свою книгу "Гибель славного "Рюрика"" [12].

"Беззаветная храбрость и верность своему долгу офицеров и команды крейсера, хладнокровие их по отношению к тому критическому положению, в котором очутился Рюрик, лишенный возможности управляться, с уничтоженной артиллерией и огромной потерей в людях, твердое и бесповоротное решение погибнуть, но не сдаться, заслуженно возводят экипаж этого славного корабля в степень героев Земли Русской", - писал Б.Л. Тагеев [11, с. 5].

Для большей достоверности Б.Л. Тагеев выпустил книгу как сборник рассказов участников "неравной борьбы славного "Рюрика", а не "не в виде целого компилятивного очерка". В книге подробно изложены все события боя. Многие читатели отмечали эмоциональность автора по отношению к героям книги. Он прославлял младшего артиллерийского офицера лейтенанта К.П. Иванова, который, будучи неоднократно раненым, командовал в последние минуты боя. Именно он отдает приказ открыть кингстоны и последним покидает корабль, после чего броненосный крейсер русского флота "Рюрик" с поднятым Андреевским флагом и сигналом "Погибаю, но не сдаюсь!" скрылся под водой. Отметил автор и героическое пове-

дение корабельного священника, иеромонаха о. Алексея, который во время боя оказывал медицинскую помощь военным морякам и исповедовал раненых, отпевал павших в бою. Также в книге приведены записи судового врача Н.П. Солухи, в которых также подробно отмечены ранения офицеров [11, с. 4].

Сам писатель высоко оценивал свою книгу: "Постепенное пополнение пробелов в рассказе того или другого, дебаты о правильности описания тем или другим из очевидцев моментов боя, выводы и замечания их, а также критическая оценка действий друг друга, все это лишь способствовало мне округлить собираемый материал, который таким образом из простого описательного мало-помалу начинал превращаться в исторический, и тем более ценный, что записывался в то время, когда у каждого перед глазами еще жива была страшная картина действительности, когда все мельчайшие подробности боя еще ясно хранились в памяти и не были задернуты туманом времени и новых впечатлений" [10, с. 6].

Во время пребывания в плену журналист был увлечен не только работой над книгой, но и идеологией революционного движения: Тагеев познакомился с Николаем Константиновичем Судзиловским, доктором медицинских наук, публицистом и революционером. Н.К. Судзиловский с 1874 г. проживал в эмиграции. В революционных кругах был известен как доктор Руссель. Он принимал участие в организации социалистических кружков в Болгарии, Румынии и США. В 1905 г., находясь в Японии, он со своими американскими соратниками организовал "Комитет помощи русским пленным" и стал издавать для них еженедельник "Япония и Россия". После революции в России в 1905 г. он был увлечен идеей отправить в Россию для помощи восставшим 60 тысяч русских вооруженных военнопленных. С разрешения японских властей он посещал со своими сторонниками лагерь военнопленных для ведения пропаганды революционных идей [4, с. 1002].

В лагере появился кружок из молодых офицеров, на собраниях которого выступал Н.К. Судзиловский. В дискуссиях и спорах принимали участие лейтенант К.П. Иванов, мичман К.Г. Шиллинг, фельдшер П.К. Крузман, а также Б.Л. Тагеев. Но дальше дело не пошло: создать революционную организацию среди офицеров Н.К. Судзиловскому не удалось [15, с. 500].

После подписания Портсмутского мира Б.Л. Тагеев покинул Японию. Так журналист оказался во Владивостоке, откуда 9(22) ноября 1905 г. он отправился в Санкт-Петербург. Путь его лежал через Харбин, но, поскольку вся страна была охвачена революцией, до места своего назначения он не доехал: началась всеобщая забастовка, и Тагееву пришлось волей-неволей остаться в Харбине. В городе он встретил старых и обрел новых друзей. Общественная жизнь кипела: активно велась работа партийных организаций, повсеместно проходили митинги и собрания. Б.Л. Тагеев как журналист приветствовал долгожданные перемены – свободу слова и печати, восторженно уйдя с головой в общественную жизнь города, став редактором местной газеты. Как он сам вспоминал: "Новый край" издавался в Харбине. Редактор-издатель его был в Петербурге, отрезанный забастовкой. Весь ноябрь и декабрь я давал направление газете, сделав из нее военно-радикальный орган" [10, с. 762].

О своей работе в "Новом крае" Борис Леонидович не часто, но все же рассказывал в своих книгах читателям: "Однажды начальник штаба 9-й дивизии Сытин рассказал случай, как прибывший из плена Фок [А.В. Фок – русский генерал, во время Русско-японской войны начальник 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, находившейся в Порт-Артуре. – Прим. авт.] вместе с Куропаткиным навестили Шитуачензы и, окружив себя на станции стрелками, начали беседу с ними, затронув причины падения Порт-Артура: "Вы знаете, братцы, что обвиняют теперь нас, генералов, в плохой обороне Артура. Но мы не виноваты, так как солдаты у нас были такая сволочь, что с ними нельзя было драться. Они бежали от японцев, грабили все кругом и убивали друг друга. Будь у нас они получше, до сих пор бы держали Артур". Проверив сообщение Сытина, я в номере 434 "Нового края" от 30 ноября напечатал статью "Фок себе верен", в которой резко корил героя за клевету истинных защитников павшей крепости. Но и Фок на момент вы-

хода статьи был назначен начальником тыла войск Маньчжурской армии и обрушился на редактора, я уехал в Лашагоу, где благодаря покровительству Линевича [Н.П. Линевич – русский военный деятель, генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905); руководитель подавления Боксерского восстания. – Прим. авт.] избежал крупной неприятности. Помогло последнему обстоятельству также время октябрьских свобод, которыми еще пользовалась Маньчжурия. На Рождество приехал Артемьев [П.А. Артемьев – генерал-лейтенант, председатель Владивостокского военно-морского суда, редактор газеты "Новый край". – Прим. авт.], и мое влияние окончилось" [10, с. 762].

В середине 1906 г. Б.Л. Тагеев был арестован. Из документов Владивостокского охранного отделения: "Борис Леонидович Тагеев (литературный псевдоним Рустам Бек), прапорщик запаса кавалерии подлежит преданию суду за преступное деяние среди находящихся в Японии пленных нижних чинов по статье 128, п. 1. ч. 120, 131 ст. уголовного уложения". Таким образом, власти припомнили журналисту кружок в японском плену, знакомство и переписку с Н.К. Судзиловским. (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 23).

С помощью друга А.П. Попова Б.П. Тагеев сбежал из-под стражи. Это событие автоматически причислило журналиста к революционерам. С фальшивым паспортом на имя техника Малицкого, переданным ему Н.Е. Гариним-Михайловским, Тагеев направился во Владивосток, чтобы уехать в Японию: Борис Леонидович рассчитывал на помощь Судзиловского, который в Нагасаки занимался революционной и издательской деятельностью [2, с. 79].

Обосновавшись в Японии, Б.Л. Тагеев встретился с Н.К. Судзиловским, завел новые знакомства из круга политических эмигрантов, о которых совсем недавно отзывался крайне негативно: "...лишь партия социалистов, эта ничтожная кучка преимущественно русских эмигрантов, ненавидит нас и здесь, как ненавидит она весь мир, все человечество" [12, с. 788].

Стремясь заработать, Тагеев даже занимался военной контрабандой – перепродажей русских трофейных винтовок. С помощью Н.К. Судзиловского Б.Л. Тагеев начал сотрудничество с издательством "Воля", занимался распространением одноименной газеты. По тиражам "Воля" превосходила все другие русские издательства Дальнего Востока. Газета являлась печатным органом русских революционных эмигрантов и издавалась на средства, собираемые тайной подпиской во Владивостоке и главным образом в Шанхае, призывала к вооруженной борьбе и террору для свержения в России самодержавия (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1589. Л. 50).

Закрытие газеты "Воля" поставило Н.К. Судзиловского перед фактом партийного размежевания русской революционной эмиграции в Японии. Он создает новую организацию – Нагасакскую группу "Союза помощи народному освобождению", имеющую цель оказывать материальное и духовное товарищеское содействие русским политическим эмигрантам. Председателем был назначен социалист-революционер П.И. Кларк, вице-председателями стали Н.К. Судзиловский и социалист-революционер Иосиф Чаки, владеющие совместно типографией "Дальний Восток" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 61).

Кроме того, Н.К. Судзиловский в мае 1907 г. начинает издавать "Промышленную российско-японскую газету", редактором которой стал Б.Л. Тагеев. Во вступительной статье редактор заявил, что газета "совершенно свободна от политической окраски и ставит себе задачей развитие торгового дела между Россией и Японией и систематизирование данных, важных русским коммерсантам, завязавшим торгово-промышленные сношения с Японией". Однако в действительности газета преследовала другие цели. Консул З.М. Поляновский в своем докладе писал военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу, что поскольку экспроприация в Японии не возможна, газетная реклама обеспечила стабильный доход Нагасакской группе "Союза помощи народному освобождению". Б.Л. Тагеев рекламировал в первую очередь предприятия, которыми владели революционеры, например, "Кефирное заведение братьев Кларков", еврейских предпринимателей,

которые жертвовали деньги на деятельность организации. В статье "К приходу русских офицеров" редактор рекламирует российским военным гостиницу Belle Upe в г. Нагасаки. Согласно донесениям агентов консула, рекламируемое заведение пользовалось сомнительной репутацией, поскольку являлось "облюбованным гнездом революционеров, не прекращавших попыток завербовать офицеров флота в революционную организацию" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 89).

Так Тагеев попал под наблюдение агентуры русского консула в Нагасаки. У З.М. Поляновского не было никаких сомнений, что Тагеев – шпион. В эмигрантских литературных кругах в Японии ходили слухи о том, что журналист мог быть завербован японской разведкой, о чем было известно консулу. Так, в письме к Н.К. Судзиловскому 1 января 1906 г. польский деятель революционного движения и этнограф Бронислав Пилсудский оповестил своего друга: "...Читали наверно известие о том, что казнили Тагеева, офицера из пленных за сношение будто бы изменническое с японцами. Он, кажется, был в числе Ваших знакомых..." [7, 21]

Кроме того, согласно агентурным данным, деловым партнером "Промышленной российско-японской газеты" оказалась фирма "Коей Шиокай", филиал которой во Владивостоке служил местом встреч лиц, ведущих шпионаж, в пользу Японии. Так же агентурой консула было установлено, что одним из газетных сотрудников Тагеева был переводчик японец Куба, резидент японской разведки. Консул сообщал о своих подозрениях военному губернатору Приморской области В.Е. Флугу (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 23).

В октябре 1907 г. консул поставил в известность начальника Владивостокского охранного отделения А.Д. Заварицкого, что согласно агентурным данным, некто А.А. Деливрон, отставной лейтенант русского флота, утверждал, что Б.Л. Тагеев занимался шпионажем и пытался продать российские военные секреты японскому генеральному штабу. Как отметил З.М. Поляновский: "Сведения от Делеврона о Тагееве заслуживают внимания, были получены от разных агентов, но информация оказалась идентичной. Тагеев подлежит суду за покушение на измену по статье III уголовного уложения" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 27).

Информатор консула заслуживает отдельного внимания. Андрей Андреевич Деливрон, бывший офицер русского флота, с весны 1903 г. проживал в Японии. Окончив юридический факультет Токийского университета, А.А. Деливрон в г. Нагасаки владел школой изучения русского языка. Это был единственный источник его дохода. Из записок З.М. Поляновского: "Тагеев случайно увидел Деливрона около русского консульства в г. Нагасаки поздно вечером, завязалось знакомство. По словам Деливрона, Тагеев предложил ему стать посредником в одной сделке с японцами, которая принесет им сказочное богатство. Он понял, что речь идет о документах военного свойства". Б.Л. Тагеев и А.А. Деливрон добились встречи с японскими дипломатами в Токио, но сделка не состоялась, поскольку компаньоны не вызвали доверия. Тагеева японцы приняли за мошенника, а А.А. Деливрона подвела "дурная репутация": за время проживания в Японии он успел "отсидеть в японской тюрьме за мошенничество" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д.1591. Л. 26).

Начальник Владивостокского охранного отделения А.Д. Заварицкий обратился к А.А. Деливрону с требованием прибыть во Владивосток и дать показания против Тагеева. Расходы на проезд – туда и обратно, как уверял он, – готов взять на себя департамент полиции. Военный губернатор В.Е. Флуг отнесся к действиям А.Д. Заварицкого скептически: рассчитывать на содействие А.А. Деливрона бесполезно. Офицер был уверен, что если окажется во Владивостоке, то будет арестован и передан суду за участие в беспорядках во Владивостоке зимой 1906 г. И никакие заверения Заварицкого о том, что революционные грехи не так уж велики по сравнению с делом Тагеева, не помогут (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп.1. Д.1591. Л. 571).

А.А. Деливрон, как и предполагал военный губернатор, отказался приезжать во Владивосток, ссылаясь, что "японцы заподозрят его в шпионаже в пользу России и тогда дальнейшее его проживание в Японии станет невозможным". Он был согласен встретиться в Японии с командированным офицером или чиновником, который и проведет допрос при условии, что данное мероприятие будет тайной для

японской стороны. Но такие условия не устроили военного губернатора, и встреча не состоялась (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп.1. Д.1591. Л. 571).

Сам Б.Л. Тагеев вряд ли догадывался о подозрениях консула, которого считал "агентом царской охранки", но в силу неприязни к нему часто критиковал деятельность З.М. Поляновского в редакторских статьях "Промышленной российско-японской газеты": "Консул своим самоуправством разрушает торговые контакты. Пусть власти обратят внимание на человека, который роняет престиж России в глазах японцев. В глазах консула господин Куба опасный тип, а он служил 15 лет в компании "Кунст и Альберс". Вот так он способствует развитию российско-японских отношений, дискредитируя японские фирмы. Мы из кожи лезем, чтобы укрепить отношения между русскими и японцами" [13, с. 4].

Консул З.М. Поляновский потребовал от военного губернатора Приморской области В.Е. Флуга содействовать запрету газеты Тагеева, в которой стали появляться "разоблачительные материалы о разных русских правительственных торговых агентах, скандальные новости о беззаконии в России". Газета также информировала своих читателей о деятельности "Союза помощи народному освобождению". Во многих дальневосточных газетах стали появляться статьи самого редактора Б.Л. Тагеева, порочащие Россию (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 27).

В июне 1907 г. происходит еще один скандал в среде российских эмигрантов, закончившийся уходом Н.К. Судзиловского из Нагасакской группы "Союза помощи народному освобождению". Желая сэкономить бюджет организации, Н.К. Судзиловский заменил русских рабочих японскими в типографии "Дальний Восток", труд которых был дешевле. П.И. Кларк и другие члены организации подобный поступок признали безнравственным, поскольку "Союз помощи народному освобождению" создавался для обеспечения "заработка русским политическим эмигрантам". Б.Л. Тагеев поддержал П.И. Кларка. Девятый номер "Промышленной российско-японской газеты" начинался статьей редактора: "Положение эмигрантов рабочих, безжалостно выброшенных за борт из предприятия "Дальний Восток" доктором Русселем, в высшей мере степени безотраднo. Просьба обывателей Нагасаки оказать помощь, пожертвования можно передать по адресу Русский клуб, Сагариматцу, 9. 23 июня будет проведен спектакль в Public Hall, собранные средства пойдут на помощь товарищам, выброшенным на улицу товарищами-капиталистами. Можем только от души пожалеть тех доверчивых людей, которые попадутся на новую удочку Гонолульского плантатора" [14, с. 3].

В результате конфликта между членами Нагасакской группы "Союза помощи народному освобождению" организация прекратила свое существование. 2 августа 1907 г. появилась новая беспартийная организация – "Клуб русских политических эмигрантов в г. Нагасаки". Б.Л. Тагеев в своей газете подробно освещал её культурно-просветительскую деятельность, доход от которой шёл в пользу нуждающихся политических эмигрантов (РГИА ДВ. Ф.87. Оп. 1. Д. 1580. Л. 94).

Финансовые трудности у газеты возникли после её запрета в России распоряжением Приамурского генерал-губернатора П.Ф. Унтербергера: газета издавалась на средства, собираемые тайной подпиской на российском Дальнем Востоке. Запрет газеты произошел благодаря деятельности консула З.М. Поляновского, который не собирался довольствоваться достигнутым результатом: "Тагеевское дело удалось немного обуздать. Если закрыть газету Тагеева в Японии, то революционеры окажутся без средств на революционную деятельность. Японские полицейские обещали содействие" (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 97).

Заверения консула оправдались: в 1908 г. японские власти запретили "Промышленную российско-японскую газету". В марте того же года был закрыт "Клуб русских политических эмигрантов". Закрытие газеты лишило Тагеева стабильного дохода, необходимого для проживания в Японии. Обратиться за помощью было не к кому. Отношения с Н.К. Судзиловским, единственным человеком, который мог бы оказать писателю финансовую поддержку, были испорчены участием Тагеева в политических партийных интригах. Растратив все свои сбережения, писатель от-

правился в Гонконг через Шанхай, избежав ареста (РГИА ДВ. Ф. 87. Оп. 1. Д. 1591. Л. 97).

Дело в том, что когда к консулу З.М. Поляновскому поступили агентурные данные о том, что Тагеев планирует покинуть Японию, он попытался содействовать аресту журналиста. Ему стало известно, что тот побывал у японского полицмейстера, которому заявил, что должен отъехать в г. Шанхай, и просит документ, подтверждающий, что он не является ни российским шпионом, ни японским шпионом. Большинство просителей получали отказ, но в случае с Тагеевым документы были немедленно выданы просителю. З.М. Поляновский распорядился отослать фотокарточку Тагеева российскому консулу в Шанхае, чтобы по прибытии за Тагеевым было установлено наружное наблюдение. Также консул поставил в известность военного губернатора В.Е. Флуга о том, что, если желателен арест Б.Л. Тагеева в г. Шанхае, у российского консула должен быть приказ или письмо, подробно раскрывающее причину его ареста: шпионаж в пользу Японии. Арестовать в г. Шанхае Тагеева не удалось: очевидно, не было принято никаких мер, на которых настаивал консул. Писатель прожил в Китае некоторое время и благополучно покинул страну (РГИА ДВ. Ф.87. Оп.1. Д.1591. Л. 572).

Таким образом, версия о шпионской деятельности Тагеева базируется на материалах Владивостокского охранного отделения. Арестовать и привлечь писателя к уголовной ответственности не удалось. Но то, что не удалось сотрудникам охраны, осуществили органы госбезопасности СССР.

Эмиграция закончилась для Тагеева 17 февраля 1921 г., когда он прибыл в Советскую Россию. Писатель работал в журнале "Огонёк", в "Рабочей газете", в "Гудке" и написал немало книг о путешествиях и войнах, людях и странах, которые представляют сегодня интерес не только для специалистов по истории России и Среднего Востока, но и для широкого круга читателей. Многие из них и сегодня могут восприниматься даже искушенными читателями как русофобские. Арест Б.Л. Тагеева 19 октября 1937 г. в Москве положил конец его писательской и журналистской деятельности. Это был не первый арест писателя в СССР: он был задержан сотрудниками госбезопасности в 1922 г. после возвращения из Китая по подозрению в шпионаже. Причиной стала зарубежная командировка, и следственные органы тщательно проверяли всех, кто работал за рубежом. Советские специалисты становились объектом пристального внимания иностранных разведок. СССР считался врагом, поэтому спецслужбы стремились завербовать советских граждан для нейтрализации советской угрозы. Журналисту удавалось до поры до времени доказывать свою лояльность к советской власти [2, с. 79].

Можно предположить, что арест писателя 19 октября 1937 г. не был случайностью: 20 сентября 1937 г., согласно оперативному приказу народного комиссара внутренних дел Союза ССР Н.И. Ежова за № 00593, НКВД СССР начало операцию по репрессированию "харбинцев". "Харбинцами" органы госбезопасности СССР называли служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов Маньчжоу-Го, репатриация которых из Маньчжурии началась после того, как была продана в 1935 г. КВЖД. Обстановка в регионе была сложной и напряженной. Маньчжурия была оккупирована Японией. Тысячи людей оказались в СССР, попав в агентурную сеть НКВД. Руководством госбезопасности был сделан вывод, что в большинстве "харбинцы являлись белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и принадлежали к агентуре японской разведки, которая на протяжении ряда лет направлялась в СССР для террористической, диверсионной и шпионской деятельности". Под подозрение в шпионаже попадали также люди, ранее проживавшие в Китае и Японии, служившие в иностранных фирмах. Среди них мог оказаться и Б.Л. Тагеев [1, с. 80].

4 января 1938 г. Борис Леонидович Тагеев, бывший политический эмигрант и подполковник Британского волонтерского корпуса, был осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР и приговорён к высшей мере наказания "за измену Родине, организацию контрреволюционных выступлений и соучастие в совершении террористических актов". Реабилитирован писатель был в марте 1976 г. [2, с. 80]

Б.Л. Тагеев вошел в историю как журналист и публицист, раскритиковавший российскую дальневосточную политику, которая привела к поражению Российской империи в Русско-японской войне. Но будучи по натуре авантюристом, Борис Леонидович своим авантюризмом разрушил писательскую карьеру и подставил под удар собственную жизнь. Способствовало этому и его критическое отношение к особенностям русского менталитета и образу жизни как в Российской империи, так и в Советской России. Книги Б.Л. Тагеева (Рустам-бека) о путешествиях и войнах, людях и странах представляют сегодня интерес не только для специалистов по истории России и Среднего Востока, но и для широкого круга читателей. Но поскольку многие из них воспринимаются даже искушенными читателями как русофобские, изучение его творчества не поощрялось в СССР. Мифологизация личности писателя привела к тому, что сегодня в биографии Тагеева остается немало "белых пятен", ее изучение требует новых исследований.

Литература

1. Аблажей Н.Н. "Харбинская операция" НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
2. Абрамов В.В., Фролов В.Н. Военный ученый-востоковед Тагеев объездил полмира, а расстрелян в Москве // Военно-исторический журнал. 2002. № 4. С. 77–80.
3. Военный альманах. СПб.: "Балашев и К", 1901. 648 с.
4. Кандричин Н.А. Судзиловский Н.К. // Новейший философский словарь. Минск: "Книжный Дом", 2003. С. 1002.
5. Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. СПб.: "Герольд", 1907. 964 с.
6. Памирские походы 1892–1895 гг. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. 152 с.
7. Пилсудский Б.О. Письма Н.К. Судзиловскому (Русселю). (1906–1908 гг.) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. № 3. Южно-Сахалинск, 1999. 240 с.
8. Русско-японская война. Взгляд побежденных. М.: "АСТ: Транзиткнига", 2005. 764 с.
9. Рустам Бек. Панама русского флота. До войны, на войне, после войны. Ницца. 1908. 85 с.
10. Рустам-Бек (Тагеев Б.) Корень зла. Царские опричники на Дальнем Востоке. М.: Пятый Рим, 2018. 784 с.
11. Тагеев Б.Л. Бой и гибель славного "Рюрика". СПб.: "ЛеКо", 2006. 64 с.
12. Тагеев Б.Л. Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 774–791.
13. Тагеев Б.Л. Приемы нагасакского консула // Промышленная российско-японская газета. 1907. № 7. 19 мая. С. 8.
14. Тагеев Б.Л. Плантатор из Гонолулу // Промышленная российско-японская газета. 1907. № 7. 19 мая. С. 8.
15. Шумский К. В плену у японцев // Исторический Вестник. 1907. № 5. С. 475–502.

References

1. Ablazhey N.N. Harbin operation of the NKVD in 1937–1938 // Humanities in Siberia. 2008. No. 2. P. 80–85.
2. Abramov V.V., Frolov V.N. Military scientist-orientalist Tageev traveled half the world, and was shot in Moscow // Military History Journal. 2002. No. 4. P. 77–80.
3. Military almanac. St. Petersburg: Balashev and K, 1901. 648 p.
4. Kandrichin N.A. Sudzilovsky N.K. // The latest philosophical dictionary. Minsk: Book House, 2003. P. 1002.
5. Nozhin E.K. The truth about Port Arthur. St. Petersburg: Gerold, 1907. 964 p.
6. Pamir campaigns 1892–1895. Decade of the accession of the Pamirs to Russia. Warsaw, 1902. 152 p.
7. Pilsudsky B.O. Letters to N.K. Sudzilovsky (Russet). (1906–1908) // Proceedings of the Bronislaw Pilsudski Heritage Institute. No. 3. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999. 240 p.
8. Russo-Japanese War. The view of the vanquished. M.: ACT: Transitbook, 2005. 764 p.
9. Rustam Beck. Panama of the Russian fleet. Before the war, in the war, after the war. Nice. 1908. 85 p.
10. Rustam-Bek (Tageev B.) The root of evil. Tsarist guardsmen in the Far East. M.: The Fifth Rome, 2018. 784 p.
11. Tageev B.L. The battle and death of the glorious Rurik. St. Petersburg: LeKo, 2006. 64 p.
12. Tageev B.L. From the Macedonian memoirs of a Russian volunteer // Russian Bulletin. 1903. No. 12. P. 774–791.
13. Tageev B.L. Receptions of the Nagasaki consul // Industrial Russian-Japanese newspaper. 1907. No. 7.

May 19, p. 8.

14. Tageev B.L. Planter from Honolulu // Industrial Russian-Japanese newspaper. 1907. No. 7. May 19. P. 8.
15. Shumsky K. Captured by the Japanese // Historical Bulletin. 1907. No. 5. P. 475–502.

Дмитрий Александрович БУТЫРИН, канд. культурологии, доцент департамента коммуникаций и медиа Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: www1979@mail.ru

Dmitriy A. BUTYRIN, Candidate of Culturology, Associate Professor, Department of Communications and Media, Far Eastern Federal University Vladivostok, Russia, e-mail: www1979@mail.ru

Поступила в редакцию

(Received) 23.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 01.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Традиционная китайская медицина в контексте пандемии Covid-19 в русскоязычных СМИ и научных публикациях

Галина Сергеевна ПОПОВКИНА

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, galina.popovkina@gmail.com

Аннотация. Целостность, практическая значимость и сохранение "этнического лица" традиционной китайской медицины (ТКМ) позволяют рассматривать ее как мигрирующую культурную форму. Это обуславливает специфику ее восприятия и осмысления как в академической науке, так и в массовом сознании. В связи с этим в данной обзорной статье рассмотрены два пути осмысления этой формы в российской культуре: в СМИ и в научных публикациях. СМИ в основном знакомят читателей с методами и средствами китайской медицины. В научных публикациях преобладают собственно медицинские труды, изучение роли ТКМ во внешней политике Китая и др.

Ключевые слова: здравоохранение, пандемия, коронавирус, Китай, традиционная китайская медицина, миграция культурных форм

Для цитирования: Поповкина Г.С. Традиционная китайская медицина в контексте пандемии Covid-19 в русскоязычных СМИ и научных публикациях // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 76–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/76-86>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/76-86>

Understanding traditional Chinese medicine in the context of the Covid-19 pandemic based on materials in Russian-language publications

Galina S. POPOVKINA

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, galina.popovkina@gmail.com

Abstract. The integrity, practical significance and preservation of the "ethnic face" of traditional Chinese medicine (TCM) allow us to consider it as a migratory cultural form. This determines the specifics of its perception and comprehension both in academic science and in the mass consciousness. In this regard, the article considers two ways of understanding this form in Russian culture: in the media and in scientific publications. The media introduce readers to the methods and means of Chinese medicine, show that TCM is one of the components of China's assistance to other countries during the pandemic, and also call for rationalizing the choice of traditional medicine as much as possible. In scientific publications, a significant place is occupied by the actual medical works, the study of the experience of health care in China, the role of TCM in China's foreign policy, the difficulties of translating texts on TCM, and the peculiarities of environmental management when using TCM tools.

Keywords: healthcare, pandemic, coronavirus, China, traditional Chinese medicine, migration of cultural forms

For citation: Popovkina G.S. Understanding traditional Chinese medicine in the context of the Covid-19 pandemic based on materials in Russian-language publications // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 76–86. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/76-86>

Актуальность и постановка проблемы

Проблема борьбы с пандемией Covid-19 затронула все страны мира и стала настоящим вызовом для медицины как науки, так и социального института. Новый вирус выступил как непонятная угроза. Известные средства и методы научной медицины оказались не очень эффективны в борьбе с ним, а большинство существующих систем здравоохранения плохо приспособлены к работе в условиях пандемии. В поисках способов лечения медики, наряду с передовыми научными исследованиями, стали обращаться и к традиционным системам врачевания, среди которых одно из виднейших мест занимает традиционная китайская медицина (ТКМ), имеющая многотысячелетнюю историю.

Представляется целесообразным рассмотреть этот процесс с точки зрения процесса межкультурной коммуникации и культурных заимствований. Ведь медицина является одной из областей, где происходит интенсивный культурный обмен. Причем этот обмен происходит как в бытовой, так и в специализированной сфере. Так, русские поселенцы на Дальнем Востоке заимствовали от китайских лекарей и местных народов знания о лечебных свойствах дикоросов и т.п. В сфере академической медицины также происходит заимствование различных форм и способов лечения из традиционных медицинских знаний различных народов. Ярким примером заимствования методов ТКМ академической медициной выступает игло-рефлексотерапия.

Однако мы полагаем, что ТКМ участвует в межкультурной коммуникации особым образом. Дело в том, что наряду с непосредственным заимствованием и усвоением существует и своеобразная миграция китайской медицины как целостной культурной формы. Эта миграция отличается от простого заимствования приемов восточной медицины. При заимствовании происходит переосмысление усвоенных практик, в случае же миграции культурной формы такое переосмысление не происходит или носит минимальный характер. Так, уже упомянутое иглоукалывание получило осмысление в русле западной медицины как рефлексогенное воздействие с помощью игл, в значительной мере утратив традиционную компоненту учения об энергетических каналах и т.п. Хотя полностью его связь с восточноазиатскими истоками не потеряна, и многие врачи-игло-рефлексотерапевты стараются повышать свою квалификацию у восточных мастеров иглоукалывания. Примером же миграции культурной формы выступают широко распространившиеся клиники китайской медицины, в которых подчас может не работать ни одного этнического китайца, но важно, что они используют традиционные практики лечения ТКМ. И эти практики не переосмысливаются, не ассимилируются академической или бытовой медициной, а сохраняют своё "этническое лицо": в названии, применении традиционных китайских методов, а порой и в обстановке самой клиники. Они бытуют как культурно-медицинская форма, которая не становится частью русской (или иной этнической) или академической медицины, а существует в нашем этнокультурном пространстве как включение другой этнической культуры, сохраняя свою "этническую идентичность". Таким образом, рассматривая существование ТКМ вне Китая, мы можем говорить об этом процессе именно как о миграции культурной формы.

Вполне возможно, наиболее релевантным осмыслением бытования ТКМ было бы его описание в логике "практического смысла" П. Бурдьё, поскольку ее основу составляет как раз усвоение и воспроизведение особых практик [4]. В свою очередь, в этих практиках имплицитно присутствуют мировоззренческие и антропологические представления (о гармонии инь и ян, потоках ци и пр.). Особое культурное положение ТКМ вызывает пристальное внимание исследователей различных направлений. Ученые медики, антропологи, историки, социологи, политологи изучают особенности проникновения и влияния китайской культуры, в том числе и посредством ТКМ, на культуру и политику других стран. Целостность, практическая значимость и сохранение "этнического лица" делают ТКМ заметной и требующей осмысления как для академической науки, так и для обыденного сознания.

В связи вышеизложенным представляется *актуальным* рассмотреть два пути осмысления ТКМ как мигрирующей культурной формы в российской культуре: в научных публикациях (которые отражают академическое сознание) и в СМИ, которые традиционно больше привязаны к массовому сознанию. *Целью* настоящего исследования является получение общей картины такого осмысления, а также проверка гипотезы существования ТКМ в России как мигрирующей культурной формы. Источниковой базой исследования будут являться публикации в русскоязычных академических журналах и русскоязычных СМИ.

Анализ и систематизация интереса русскоязычного научного сообщества к ТКМ представляет собой отдельную научную задачу в силу ряда причин. Прежде

всего, здесь нужно отметить уникальность ТКМ как предмета исследования, её глубокую связь с мировоззренческими основаниями традиционной китайской культуры. Немаловажным фактором в исследовании ТКМ выступает сложность освоения китайского языка. Это приводит к тому, что далеко не все русскоязычные исследователи могут работать с первоисточниками. В указанном смысле ТКМ изучается ими как вкрапление чего-то принципиально иного в принимающую культуру. С другой стороны, указанный недостаток в последние годы отчасти компенсируется тем, что благодаря интенсификации академического обмена России с КНР китайские исследователи достаточно охотно публикуются в русскоязычных журналах и участвуют в проводимых в России международных конференциях, в том числе по тематике по медицинской антропологии¹. Кроме того, во многих странах постсоветского пространства, сталкивающихся с культурным и политическим влиянием Китая гораздо сильнее, чем Россия, языком академического общения до сих пор выступает русский язык.

Другой аспект осмысления ТКМ в контексте пандемии, вызванной коронавирусом, представляют собой публикации в средствах массовой информации (СМИ). Во многом они не только формируют, но и отражают господствующие в массовом сознании представления о ТКМ, ее соотношении с научными методами лечения и т.п. Для достижения целей исследования проведены анализ, описание и систематизация публикаций в электронных СМИ и научных материалов за 2020 и 2021 гг., посвященных теме использования средств традиционной китайской медицины против коронавируса Covid-19 и связанным с этой темой вопросам.

ТКМ с точки зрения СМИ

К ТКМ как медицине, обладающей почти чудесными свойствами [22], было обращено внимание почти с самого начала пандемии коронавируса. По публикациям в СМИ можно проследить её продвижение в нашей стране именно как медицины, предлагающей исцеление от заболеваний, вызванных Covid-19, а также освещение тех ее сторон, которые наиболее интересуют журналистов и рядовых граждан.

Популярные статьи о ТКМ затрагивают в основном два аспекта: помощь Китая в области борьбы с Covid-19 методами ТКМ другим странам и описание конкретных способов лечения. В статьях первой группы рассказывается о том, в какие страны направлены традиционные китайские лекарственные средства и каким образом осуществляется распространение знаний ТКМ: "Китай предоставил продукцию традиционной китайской медицины (ТКМ) для борьбы с COVID-19 более чем десяти странам и регионам. Кроме того, управление организовало около 40 конференций и прямых трансляций с органами здравоохранения и экспертами из 82 стран и регионов, чтобы поделиться опытом Китая в лечении пациентов таким способом" [16]. Китайские специалисты выехали за рубеж для передачи знаний и опыта: "Около 50 специалистов по этому направлению командировали в 30 стран, включая Италию, Великобританию, Венесуэлу, Россию, Эфиопию и Камбоджу, где они консультируют медиков, помогая правительствам этих стран справиться с заболеванием" [16]. Описаны трудности работы рядовых сотрудников на китайских фармацевтических компаниях, например, связанных с необходимостью сверять названия лекарств на незнакомых языках: "Это сводит меня с ума... С тех пор, как разразилась пандемия коронавируса, у меня и моих коллег почти не было выходных... Когда язык меняется на другой, проверка информации на упаковках занимает гораздо больше времени" [16]. Рассказывается и о том, что Китай активно распространяет свои лекарства более чем в 30 странах (например, Таиланде, Японии, Кувейте), где они проходят регистрацию быстрее и легче, чем раньше [16].

Внимание журналистов привлекают и новости о российских клиниках ТКМ. Так, по сообщениям ТАСС, Дальневосточный центр образовательных и научных программ Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), существующий на базе

¹ Например, IX Международный междисциплинарный научно-практический симпозиум "Медицинская антропология перед новыми вызовами: мир, люди, знания и культуры в эпоху пандемии" 18-20 ноября 2021 г., г. Москва. URL: ПРОГРАММА-симпозиум-IX.pdf (medanthro.ru).

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 19 ноября 2020 г. должен был открыть центр по диагностике, лечению и реабилитации больных коронавирусом, привлекая по видеосвязи специалистов из Китая [6]. Китайские врачи не видят сложностей с постановкой диагноза, но считают, что могут возникнуть проблемы с переводом, избежать которых можно, привлекая переводчиков высокого класса. Отличительной особенностью лечения в этом центре было названо применение методов ТКМ (акупунктура, массаж и гирудотерапия), которые "дополнены квантовыми технологиями", что подразумевает, например, обработку лазером места постановки пиявок перед процедурой, что "повышает эффективность процедуры в 15 раз". Квантовая фитотерапия в этом случае "предусматривает обработку собранных лечебных трав лазером, что повышает терапевтический эффект и полностью дезинфицирует их от случайных инфекций". По словам китайских медиков, 96% пациентов, перенесших коронавирус, лечились методами традиционной китайской медицины. При лечении в этом центре также не исключается и применение российских лекарств и назначений врачей [6; 18].

Из СМИ массовому читателю становится известно о продвижении методов ТКМ в здравоохранение разных стран. Так, 24 апреля 2020 г. "Известия" со ссылкой на Synergy Online Forum сообщили о планировавшейся 30 апреля 2020 г. в рамках форума сессии "Опыт Китая", где, предположительно, китайские врачи должны были рассказать о способах борьбы с коронавирусом. Ожидалось, что зрителями онлайн-мероприятия станут 15 тысяч человек из России и СНГ [20].

Материалы новостных агентств популяризируют элементарные знания о китайской медицине, например, теорию пяти (перво)элементов, принципы баланса инь-янь и т.п., подчеркивая тысячелетнюю историю ТКМ как одно из её главных достоинств [12]. Особый акцент в таких публикациях делается на применении методов ТКМ при лечении от коронавирусной инфекции, стремлении китайских властей укрепить позиции ТКМ в современной китайской и западной медицине [12], предложениях Китая предоставить лекарственные средства на основе трав странам, испытывающим недостаток лекарств в период пандемии [5]. Немалое внимание уделяется фактам применения методов ТКМ для сокращения смертности населения от Covid-19 и предупреждении заболевания у медиков, работающих с инфицированными больными [5; 29].

Приведенные примеры демонстрируют заметное внимание к ТКМ и тенденцию видеть в ней особенную лечебную систему, способную защитить от опасных недугов. СМИ подстегивают интерес к ней как к медицине, обладающей уникальными средствами, стимулируют стремление узнать особенности китайских методов лечения. Гораздо меньше статей предлагают подойти к методам традиционных медий (в том числе и китайской) осторожно, тщательно продумывая возможные риски, проверяя безопасность и действенность тех или иных способов лечения, например, на сайтах Кокрейновского общества (международной некоммерческой организации, изучающей эффективность методов лечения при помощи доказательной медицины) или Минздрава РФ [30].

Итак, можно сказать, что в начале пандемии в СМИ часто встречались статьи с описанием методов и лекарственных веществ ТКМ. В 2021 г. их стало существенно меньше, но появились публикации о разумном подходе при использовании методов традиционных медий. В целом, освещая тему ТКМ, средства массовой информации выполняют просветительскую функцию, знакомя читателей не только с методами и средствами китайской медицины, но и с позицией Китая по отношению к другим странам в период пандемии, а также призывая максимально рационализировать выбор средств народной медицины.

Академический взгляд на ТКМ

Медицинские труды

В начале пандемии covid-19 внимание как рядовых граждан, так и научной медицины привлекли средства традиционных медий, в первую очередь китайской. Достаточно большое число научных публикаций, посвященных ТКМ в этот период, содержит упоминание о том, что методы ТКМ, примененные для профи-

лактики или лечения от коронавирусной инфекции, вносили существенный вклад в сдерживание заболевания медицинских работников и в выздоровление уже заболевших людей в Китае. Немало статей в отечественных научных изданиях посвящено конкретным способам лечения, травам и веществам, используемым в ТКМ. Так, микстура "Цинфей пайду"² (Qingfei Paidu), при изготовлении которой используется хвойник китайский и корень лакрицы, признана министерством науки и технологий китайской провинции Гуандун и официально одобрена региональными властями [24]. Казахские коллеги поделились выводами об исследовании влияния такого традиционного для китайской медицины метода как гирудотерапия, на неврологические нарушения, в частности бессонницу, в результате перенесенной коронавирусной инфекции. Выявлен положительный эффект действия этого способа лечения: в некоторых случаях более 40 % после 10-дневного курса [27]. Также выявлено, что применение рефлексотерапии способствует повышению эффективности реабилитации и качества жизни пациентов, перенесших заболевание новой инфекцией [2].

Использование препаратов ТКМ отмечено в качестве распространенных мер при изучении опыта Китая в противостоянии новому коронавирусу [13]. В обширных исследованиях сотрудников медицинского института Тульского государственного университета, связанных с изучением коронавируса SARS-CoV, профилактикой и лечением COVID-19, немалое внимание уделено исследованию химического состава различных экстрактов растений и препаратов ТКМ, имеющих значение при нормализации организма при вызванном инфекцией стрессе [9].

Учеными Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) описаны некоторые средства ТКМ, успешно применяемые в терапии новой коронавирусной инфекции. Согласно приведенным сведениям, доля использования лекарственных средств китайской традиционной медицины в подтвержденных случаях излечения составила 92 % [11].

В отечественной научной литературе, посвященной пандемии коронавируса, встречаются и статьи китайских авторов, в основном практикующих врачей, рассказывающих об особенностях традиционной китайской медицины, некоторых ее средствах, применяющихся в лечении новой инфекции. Например, продемонстрировано применение трех факторов теории лечения (время года, условия местности и индивидуальные особенности человека) и соответствующих им растительных средств в исцелении от заболеваний, вызванных коронавирусом [31]. Исследован эффект дифференцированного подхода к применению методик иглоукалывания и прижигания (в сочетании с китайской традиционной фармакопеей) у пациентов с COVID-19 на каждой стадии заболевания. Определено, что эффект этих процедур максимальный, что может значительно сдерживать распространение инфекции [1].

Некоторые издания освещают опыт взаимодействия российских и китайских ученых в период пандемии, использования методов ТКМ в сочетании с современными научными разработками. Так при Владивостокском государственном университете экономики и сервиса (ВГУЭС) создана платформа искусственного интеллекта для диагностики и лечения коронавируса методами восточной медицины. Российские ученые, используя рекомендации Министерства здравоохранения Китая, научили искусственный интеллект диагностировать вирусные заболевания и рекомендовать методику лечения средствами ТКМ. Эта разработка стала применяться и во многих районах Китая для ликвидации очагов заражения [32].

Как видно из представленных публикаций, традиционные средства китайской медицины, использующие разнообразное лекарственное сырье и необычные для научной медицины методы, вызвали большой интерес прежде всего у медицинских специалистов, заинтересованных в поиске действенного лечения от последствий заражения коронавирусом Covid-19.

² Транскрипция названия микстуры приведена по [24].

ТКМ и изучение опыта здравоохранения в Китае

При изучении пропаганды здравоохранения в СМИ Китая выяснилось, что в условиях пандемии коронавируса Китай активно популяризирует здоровый образ жизни и достижения своей медицины. Причем в качестве важного положительного качества китайской медицины подчеркивается её более чем четырех-тысячелетняя история, уникальность и в сочетании с современными средствами особая действенность на коронавирус [19].

Российскими исследователями проведен сравнительный анализ моделей борьбы с Covid-19 Китая и Швеции, в результате чего определено, что среди прочих факторов успех этой борьбы в Китае обусловлен широким распространением традиционной медицины, когда "различные виды гимнастик, фиточаи, массажи, иглокальвание используются не только для лечения болезней, но и для поддержания здоровья на каждодневной основе", а в сочетании с западной медициной дают более заметный эффект в лечении от коронавирусного заражения [26].

Прослежена история взаимодействия западной и традиционной китайской медицины, которая рассмотрена как столкновение двух типов рациональности с XIX в. по настоящее время. Отмечено их постепенное сближение, особенно в период пандемии коронавируса: например, фарм-компании, выпускающие препараты традиционной китайской медицины, передавали лекарства для борьбы с коронавирусом в Италию, Францию, Ирак, Сингапур, Торонто и др. [23].

ТКМ как перспективное направление медицинской традиции рассмотрено на заседании секции медицинской антропологии XIV Конгресса антропологов и этнологов России. Подчеркнуто, что успех восточных традиционных медий "с их холистическим подходом и натуральными лекарственными средствами в лечении COVID-19 вызвал в России и на Западе новый интерес к традиционным медицинским системам Востока как к уникальному ресурсу знаний и стимулу интеграционного развития медицины" [3]. Также отмечено, что важным средством укрепления иммунитета (истинного ци), особенно важным в период пандемии коронавируса, у населения Китая стало массовое распространение средств традиционной медицины, цигуна и тайцзицюаня [14].

Культурологические, социологические, исторические, антропологические и др. исследования ТКМ, ее роли в китайской системе здравоохранения, особенностей воззрений на человека, болезнь и здоровье, подходов к лечению и профилактике заболеваний видят в ТКМ перспективные ресурсы для внедрения в отечественную медицину, учета опыта Китая при организации здравоохранительных мероприятий.

ТКМ во внешней политике Китая

Российские ученые обратили внимание на факты помощи Китая странам Африки в области медицины. Так, рассматриваются вопросы медицинского сотрудничества Китая со странами Африки на протяжении 57 лет. В практике китайских врачей применяются достижения современной и традиционной китайской медицины, также Китай помогает Африке в борьбе с пандемией коронавируса. По мнению исследователей, решение проблем здравоохранения в странах Африки выгодно для Китая, заинтересованного в расширении своего бизнеса на этом континенте [8]. Более того, медицина в данном случае выступает в роли инструмента пекинской политики "мягкой силы" [7].

По наблюдениям специалистов, ТКМ рассматривается в Китае как "сокровище нации", обладающее значительным экспортным потенциалом, и как способ влияния на систему мирохозяйственных связей в период пандемии COVID-19 в культурной дипломатии Китая [21]. Некоторые ученые отмечают, что ТКМ активно применяется в борьбе Китая с таким понятием в мировом сообществе, как "китайский вирус" в отношении к новому коронавирусу. Также ТКМ используется для формирования положительного имиджа КНР и в качестве помощи ряду стран во время пандемии, и представляет собой необходимый инструмент "медицинской дипломатии" [10].

Примечательно, что китайские исследователи, представляющие свои публикации в российских научных изданиях, считают ТКМ частью "дипломатии здраво-

охранения" [28], важным направлением и в российско-китайском сотрудничестве, особенно в связи с ситуацией пандемии коронавируса [33].

ТКМ рассматривается отечественными политологами как один из многих факторов, позволяющих Китаю постепенно расширять свое влияние на мировой политической арене, в том числе и с помощью Всемирной Организации здравоохранения (ВОЗ), которой он оказывает растущее содействие, особенно во время пандемии Covid-19. ВОЗ также заинтересована в укреплении связей с КНР. В 2019 г. ВОЗ признала ТКМ в качестве эффективного направления, хоть такое решение и получило критику некоторых экспертов. Кроме того, ТКМ была включена в Международную статистическую классификацию болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ) [15]. Китай активно использует ТКМ для укрепления своих позиций во взаимодействии с рядом европейских стран [23].

Итак, можно сказать, что традиционная китайская медицина способна быть инструментом влияния на политику и экономику стран, нуждающихся в поддержке собственной системы здравоохранения, средством укрепления международных отношений и межкультурных связей, воздействия на международные организации медицинского профиля, что вкупе с иными средствами должно способствовать упрочению позиций Китая на мировой политической арене в целом.

ТКМ и особенности перевода

Продвижение ТКМ в российское здравоохранение сопровождается трудностями, прежде всего, перевода с китайского на русский язык [34]. Как отмечают лингвисты, "значимый пласт терминологии из китайской традиционной медицины также вносит свою специфику в силу принципиально иного подхода к человеческому телу в сравнении с распространенной в нашей стране европейской системой научных знаний в медицинской сфере. Его своеобразие заключается как в принципиально отличном от западных языков языковом оформлении, так и в корне иными методами и средствами диагностики и лечения", а ситуация пандемии коронавируса осложнила работу переводчиков еще и тем, что появились новые термины и терминологические сочетания, не всегда имеющие отражение в соответствующих словарях и справочниках [25]. То есть, в условиях пандемии усугубились трудности перевода текстов по традиционной китайской медицине, связанные не только с лингвистическими особенностями китайского языка, но и культурными и антропологическими воззрениями, характерными для ТКМ.

ТКМ и природопользование

Своеобразие ТКМ, использующей различное сырье растительного и животного происхождения при лечении коронавирусной инфекции Covid-19, привело к неожиданным последствиям природопользования на территории России. Так, по мнению исследователей, на Дальнем Востоке ТКМ оказала влияние на рост в 2020 г. браконьерства и незаконных заготовок растительного лекарственного сырья с целью их дальнейшей контрабанды в Китай и другие страны АТР [17]. Повидимому, стремление найти лечебное сырье в условиях пандемии создало повышенный спрос на лекарственные средства ТКМ, который спровоцировал увеличение противозаконных действий в области природного ресурсопотребления.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что пандемия Covid-19 усилила внимание исследователей к ТКМ. Так же тема ТКМ вызвала заметный интерес со стороны русскоязычных СМИ. В начальный период пандемии в них активно публиковались материалы о различных "чудодейственных" веществах и рецептах восточной медицины, которые могли бы защитить или помочь в излечении от коронавируса. Позднее тон публикаций стал более сдержанным и аналитичным.

Научно-исследовательский интерес к теме ТКМ представлен существенно более широкой палитрой. В частности, в дополнение к таким традиционным исследованиям, как изучение мировоззренческих оснований ТКМ и описание её лечебных практик, ученые обратили внимание на рост браконьерства, связанный с добычей ингредиентов для рецептов восточной медицины, использование Китаем ТКМ в качестве одного из компонентов "мягкой силы". Последний аспект, на

наш взгляд, в немалой степени связан с особенностью функционирования ТКМ в контексте других культур, а именно с тем, что имеет место своеобразная миграция китайской медицины как целостной культурной формы, сохраняющей свою этническую "идентичность". Однако данная гипотеза требует дальнейших исследований и уточнений.

Литература

1. Беляев А.Ф., Ли И.Л., Гук Че Вон. Традиционная китайская медицина о лечении COVID-19 // Традиционная медицина. 2020. № 3. С. 46–51.
2. Бодрова Р.А., Каримова Г.М., Полунина В.В. Применение методов рефлексотерапии в реабилитации пациентов, перенесших новую коронавирусную инфекцию COVID-19 // Вестник восстановительной медицины. 2021. № 20(1). С. 4–12. <https://doi.org/10.38025/2078-1962-2021-20-1-4-12>
3. Булдакова Ю. Р. COVID-19: биомедицинские реалии и опыт восточной медицины // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 610.
4. Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
5. В Китае рассказали о препаратах традиционной медицины против COVID-19 // РИА Новости. 23.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200423/1570452544.html> (дата обращения: 10.03.2022)
6. Дальневосточный центр ВОЗ откроет центр, где коронавирус лечат методами китайской медицины. Врачи из Китая по видеосвязи будут оценивать состояние больного и назначать терапию // ТАСС. 13.11.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9992355> (дата обращения: 10.03.2022)
7. Дейч Т.Л. Китай и Африка в борьбе с covid-19 // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 5. С. 57–72.
8. Дейч Т.Л. Китай как донор медицинской помощи странам Африки // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 36–41.
9. Дронова Е.В., Светлова С.Ю., Наумова Э.М., Валентинов Б.Г. Региональные особенности медико-биологических исследований (краткий литературный обзор материалов публикаций сотрудников медицинского института ТулГУ) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. № 6. <https://doi.org/10.24411/2075-4094-2020-16785>.
10. Журавлева Е.В. Медицинская дипломатия как инструмент политики "мягкой силы" КНР // Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Москва. 2021. С. 224–239.
11. Ишутина Ю.А., Стефаненкова В.Н. К вопросу об использовании лекарственных средств китайской традиционной медицины в комплексной терапии пациентов с covid-19 // Polish journal of science. 2021. № 39. С. 20–24.
12. Как традиционная медицина помогает китайцам бороться с коронавирусом // РИА Новости. 31.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210831/koronavirus-1747948665.html> (дата обращения: 10.03.2022)
13. Кирилова Д. Н. Опыт борьбы с новой коронавирусной инфекцией в Китае // Неделя молодежной науки – 2021. Материалы Всероссийского научного форума с международным участием, посвященного медицинским работникам, оказывающим помощь в борьбе с коронавирусной инфекцией. Тюмень, 2021. Издательство: Рекламно-издательский центр "Айвекс". С. 54.
14. Комиссаров С. А. Традиционная китайская медицина против коронавируса // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Томск, 6–9 июля 2021 г. / отв. ред. И.В. Нам. Москва; Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2021. С. 615.
15. Комиссина И.Н. Китай как потенциальный претендент на глобальное лидерство // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1. С. 130–163. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_130
16. Лекарство от природы. Традиционная китайская медицина помогает в исцелении // Российская газета. 28.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/28/tradicionnaia-kitajskaia-medicina-sposobna-spravitsia-s-koronavirusom.html> (дата обращения: 10.03.2022)
17. Ляпустин С.Н., Барей Н.С. О влиянии пандемии covid-19 на рост браконьерства и контрабанды объектов фауны и флоры в Дальневосточном регионе Российской Федерации // Геостратегические приоритеты в реализации национальных проектов России: дальневосточный контекст. Сборник научных трудов. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии. 2020. С. 68–75.
18. Методами китайской медицины начнут лечить коронавирус в Приморье // Информационно-аналитическое агентство "Восток России". 13.11.2020. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/metodami-kitayskoj-medsiny-nachnut-lechit-koronavirus-v-primore/> (дата обращения: 10.03.2022)
19. Муравьев А.В. Пропаганда Здравоохранения в СМИ Китая // Региональные СМИ: пути взаимодействия с аудиторией. Материалы региональной научно-практической конференции / Отв. редактор О.В. Сафронова. Чита: Забайкальский государственный университет. 2020. С. 36–43.
20. На Synergy Online Forum китайские врачи делятся опытом борьбы с коронавирусом // Изве-

стия. 24.04.2020. URL: <https://iz.ru/1004034/2020-04-24/na-synergy-online-forum-kitaiskie-vrachi-podeliatsia-opytom-borby-s-koronavirusom> (дата обращения: 10.03.2022)

21. Погорлецкий А.И., Дай Сяофэн. Культурная дипломатия Китая как инструмент "мягкой силы" влияния на систему мирохозяйственных связей в период пандемии COVID-19 // Экономические отношения. 2021. № 2. С. 281–302. <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112184>

22. Поповкина Г.С. Традиционная восточная медицина на российском Дальнем Востоке: от лекаря к клинике // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 247–255.

23. Рубец М.В. Столкновение двух типов рациональности на примере контакта западной и китайской медицины (XIX–XXI вв.) // Философская мысль. 2020. № 9. С. 45–58. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.9.33862>

24. Руднев В.В. Пандемия covid-19: хлорохин, корень лакрицы и дым адраспана (традиции в фокусе современных проблем) // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. Электронный журнал. URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=4647 (дата обращения: 10.03.2022)

25. Рукавишников О.И., Чэнь Хэчжоу. Словообразовательные процессы в медицинской терминологии китайского языка (в аспекте перевода на русский язык) // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 451–453. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-451-453>

26. Серегина Т.Н., Евлах А.А., Кузьмин С.Н. Компаративистский анализ моделей борьбы с covid-19 (на примере Швеции и Китая) // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 5. С. 933–939. <https://doi.org/10.30853/mns210191>

27. Серикбаева С.Ж., Кайшибаева Г.С., Абасова Г.Б. Влияние гирудотерапии на инсомнические нарушения после перенесенной коронавирусной инфекции // Фармация Казахстана. 2021. № 1. С. 48–51.

28. Се Чжоу, Ван Фан. Китайско-российские дипломатические отношения в области здравоохранения в период новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 3 (9). С. 5–33. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-3-9-5-33>

29. Советы китайской медицины: два эффективных способа лечения коронавируса // Вести. 09.04.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/2397381> (дата обращения: 10.03.2022)

30. Солдатов А. Травы против пандемии. Что нужно знать о традиционной медицине и COVID-19? // ТАСС. Наука. 16.08.2021. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/12124645> (дата обращения: 10.03.2022)

31. Сян Син, Чжун Чжэнь, Ли Сянмэй. О преимуществах ТКМ в лечении новой коронавирусной инфекции // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. 1 (19). С. 309–319. <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/15>

32. Фершт В.М., Латкин А.П., Иванова В.Н., Чин Манхо. Инициативные проекты комиссии РФ по делам ЮНЕСКО и её дальневосточного комитета в условиях пандемии // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2020. Т.12. № 2. С. 193–206. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/193-206>

33. Чжэн Вэньдун, Ван Луяо. О механизме китайско-российского гуманитарного обмена в новую эпоху // Мир русскоговорящих стран. 2021. № 1. С. 33–43. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-33-43>

34. Шабельская Н.К., Соктоева О.Ц. Перевод к инструкциям по применению китайских лекарственных препаратов // Международный студенческий научный вестник. 2020. № 4. С.10–15.

References

1. Belyayev, A.F., Li, I.L., Guk, Che Von. Traditional Chinese Medicine on the Treatment of COVID-19 // Traditsionnaya meditsina. № 3. 2020. P. 46–51 (In Russ.).

2. Bodrova, R.A., Karimova, G.M., Polunina, V.V. The use of reflexology methods in the rehabilitation of patients who have undergone a new coronavirus infection COVID-19] // Vestnik vosstanovitel'noy meditsiny. № 20(1) 2021. P. 4-12 (In Russ.).

3. Buldakova, Yu.R. [COVID–19: biomedical realities and the experience of oriental medicine] // XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials. Tomsk, July 6–9, 2021, edited by I.V. Nam. Moscow; Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. P. 610 (In Russ.).

4. Bourdieu, P. Practical meaning. St. Petersburg: Aleteya, M.: Institute of Experimental Sociology, 2001. 562 p. (In Russ.).

5. In China, they talked about traditional medicine against COVID-19] // RIA Novosti. 23.04.2020. URL: <https://ria.ru/20200423/1570452544.html> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).

6. The WHO Far East Center will open a center where coronavirus is treated using Chinese medicine. Doctors from China will assess the patient's condition and prescribe therapy via video link // TASS. 13.11.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9992355> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).

7. Deych, T.L. China and Africa in the fight against covid-19 // Kontury global'nykh transformatsiy: politika, ekonomika, parvo. № 5. 2020. P. 57–72. (In Russ.).

8. Deych, T.L. China as a donor of medical aid to African countries. Aziya i Afrika segodnya. 2020. № 9. P. 36–41. (In Russ.).

9. Dronova, Ye.V., Svetlova, S.YU., Naumova, E.M., Valentinov, B.G. Regional features of biomedical research (a short literary review of the materials of publications of the staff of the medical institute of TulGu) // Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy. Elektronnoye izdaniye. 2020. № 6. [84](https://doi.org/10.24411/2075-</p></div><div data-bbox=)

4094-2020-16785. (In Russ.).

10. Zhuravleva, Ye.V. Medical diplomacy as an instrument of China's "soft power" policy // *Communist China. Goals and Objectives for the Centenary of the communist party of China. Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Research and Forecasts, IFES RAS. Moscow. 2021. P. 224–239. (In Russ.).*

11. Ishutina, YU.A., Stefanenkova, V.N. On the use of traditional Chinese medicine in the complex therapy of patients with covid-19 // *Polish journal of science. 2021. № 39. P. 20–24. (In Russ.).*

12. How traditional medicine helps the Chinese fight coronavirus // *RIA Novosti. 31.08.2021. URL: <https://ria.ru/20210831/koronavirus-1747948665.html> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

13. Kirilova, D. N. Experience in combating a new coronavirus infection in China // *Youth Science Week - 2021. Materials of the All-Russian Scientific Forum with international participation dedicated to medical workers providing assistance in the fight against coronavirus infection]. Tyumen': Reklamno-izdatel'skiy tsentr "Ayveks". 2021. P.54 (In Russ.).*

14. Komissarov, S. A. Traditional Chinese medicine against coronavirus // *XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials. Tomsk, July 6-9, 2021, edited by I.V. Nam. Moscow; Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. P. 615 (In Russ.).*

15. Komissina, I.N. China as a Potential Contender for Global Leadership // *Problemy natsional'noy strategii. № 1. 2021. P. 130–163. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2021_1_130 (In Russ.).*

16. Medicine from nature. Traditional Chinese medicine helps in healing // *Rossiyskaya gazeta. 28.12.2020. URL: <https://rg.ru/2020/12/28/tradicionnaia-kitajskaja-medicina-sposobna-spravitsia-s-koronavirusom.html> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

17. Lyapustin, S.N., Barey, N.S. On the impact of the covid-19 pandemic on the growth of poaching and smuggling of fauna and flora in the Far Eastern region of the Russian Federation] // *Geostrategic priorities in the implementation of national projects in Russia: the Far Eastern context. Collection of scientific papers. 68–75. Vladivostok: RIO Vladivostokskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. 2020. P. 68–75 (In Russ.).*

18. Methods of Chinese medicine will begin to treat coronavirus in Primorye // *Informatsionno-analiticheskoye agentstvo "Vostok Rossii". 13.11.2020. URL: <https://www.eastrussia.ru/news/metodami-kitayskoy-meditsiny-nachnut-lechit-koronavirus-v-primore/> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

19. Murav'yov, A.V. Health promotion in the Chinese media // *Regional media: ways of interacting with the audience. Materials of the regional scientific-practical conference, edited by O.V. Safronova. Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet. 2020. P. 36-43 (In Russ.).*

20. At the Synergy Online Forum, Chinese doctors will share their experience in combating coronavirus // *Izvestiya. 24.04.2020. URL: <https://iz.ru/1004034/2020-04-24/na-synergy-online-forum-kitaiskie-vrachi-podeliatsia-opytom-borby-s-koronavirusom> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

21. Pogorletskiy, A.I., Day, Syaofen Cultural diplomacy of China as an instrument of "soft power" of influence on the system of world economic relations during the COVID-19 pandemic // *Ekonomicheskiye otnosheniya. № 2. 2021. P. 281–302. <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.112184> (In Russ.).*

22. Popovkina, G.S. Traditional oriental medicine in the Russian Far East: from healer to clinic // *Rossiya i ATR. 2014. № 3. P. 247–255. (In Russ.).*

23. Rubets, M.V. The clash of two types of rationality on the example of the contact between Western and Chinese medicine (XIX–XXI centuries) // *Filosofskaya mysl'. 2020. № 9. P. 45–58. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.9.33862> (In Russ.).*

24. Rudnev, V.V. Pandemic covid-19: chloroquine, licorice root and adraspan smoke (traditions in the focus of modern problems) // *Meditsinskaya antropologiya i bioetika. 2020. http://www.medanthro.ru/?page_id=4647 (In Russ.).*

25. Rukavishnikova, O.I., Chen', Khechzhou Word-formation processes in the medical terminology of the Chinese language (in the aspect of translation into Russian) // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. № 1. 2021. P. 451–453. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-186-451-453> (In Russ.).*

26. Seregina, T.N., Yevlakh, A.A., Kuz'min, S.N. Comparative analysis of models of combating covid-19 (on the example of Sweden and China) // *Manuskript. № 5. 2021. P. 933–939. <https://doi.org/10.30853/mns210191> (In Russ.).*

27. Serikbayeva, S.ZH., Kayshibayeva, G.S., Abasova, G.B. Influence of hirudotherapy on insomnia disorders after coronavirus infection // *Farmatsiya Kazakhstana. 1. 2021. P. 48–51. (In Russ.).*

28. Se, Chzhou; Van, Fan. Sino-Russian diplomatic relations in the field of health care during the new coronavirus infection (COVID-2019) // *Mir russkogovoryashchikh stran. № 3. 2021. P. 5–33. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-3-9-5-33> (In Russ.).*

29. Chinese medicine tips: two effective ways to treat coronavirus // *Vesti. 09.04.2020. URL: <https://www.vesti.ru/article/2397381> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

30. Soldatov A. Herbs against the pandemic. What you need to know about traditional medicine and COVID-19? // *TASS. Nauka. 16.08.2021. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/12124645> (accessed 10.03.2022) (In Russ.).*

31. Syan Sin, Chzhun Chzhen', Li Syanmey. On the benefits of TCM in the treatment of new coronavirus

infection // Meditsinskaya antropologiya i bioetika 1 (19). 2020. P. 309–319. <https://doi.org/10.33876/2224-9680/2020-1-19/15> (In Russ.).

32. Fersht, V.M., Latkin, A.P., Ivanova, V.N., Chin Mankho. Initiative projects of the Commission of the Russian Federation for UNESCO and its Far Eastern Committee in the context of a pandemic // Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa. 2. 2020. P. 193–206. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/193-206> (In Russ.).

33. Chzhen Ven'dun, Van Luyao. On the mechanism of the Chinese-Russian humanitarian exchange in a new era // Mir russkogovoryashchikh stran. № 1. 2021. P. 33–43. <https://doi.org/10.20323/2658-7866-2021-1-7-33-43> (In Russ.).

34. Shabel'skaya, N.K., Soktoyeva, O.Ts. Translation to instructions for the use of Chinese medicines // Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik. №4. 2020. P. 10–15. (In Russ.).

Галина Сергеевна ПОПОВКИНА, канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: galina.popovkina@gmail.com

Galina S. POPOVKINA, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: galina.popovkina@gmail.com

Поступила в редакцию

(Received) 23.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 04.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Научная статья
УДК 82-1/-9
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/87-92>

Жанрообразующие элементы в мемуарах Сэндз Холл "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology"

Анна Петровна ГУБЧЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, gubchenko.ap@students.dvfu.ru

Аннотация. Данная статья является попыткой обобщить выделяемые исследователями жанрообразующие элементы мемуаров и рассмотреть их реализацию в произведении на примере мемуаров Сэндз Холл "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology", с применением методов лингвистического и стилистического анализов текста.

Ключевые слова: мемуары, литературный жанр, мемуаристика, жанрообразующие элементы

Для цитирования: Губченко А.П. Жанрообразующие элементы в мемуарах Сэндз Холл "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology" // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 87–92. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/87-92>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/87-92>

Genre-forming features in memoirs by Sands Hall "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology"

Anna P. GUBCHENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, gubchenko.ap@students.dvfu.ru

Abstract. This article is an attempt to summarize the genre-forming features of memoirs identified by researchers and to consider their implementation on the example of memoirs by Sands Hall "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology", with using of the methods of linguistic and stylistic analysis of the text.

Keywords: memoirs, literary genre, memoiristics, genre-forming features

For citation: Gubchenko A.P. Genre-forming features in memoirs by Sands Hall "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology" // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 87–92. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/87-92>

Память является важной составляющей культуры любого общества. В воспоминаниях людей скрывается полученный опыт, мудрость, история. Человек всегда старался поделиться своим опытом с современниками или с потомками. Постепенно в культуре начало формироваться понятие "мемуаристика", которое подразумевает под собой пропущенную через призму восприятия отдельного человека историческую память. Однако, как отмечают Д. Л. Кирби и Д. Кирби (Kirby, D. L., Kirby, D.), ранние мемуары состояли из описания событий жизни известных людей и писались ближе к концу жизни автора. Более того, считалось, что мемуары – это маргинальная форма литературы, не предполагающая никакой рефлексии и похожая скорее на бессвязный текст [6, с. 23].

Мемуары, написанные до второй половины XVIII века, рассматривались в качестве исторического источника информации и относились к жанрам нехудожественной литературы, так как традиции тех времен и рамки мировоззрения не позволяли автору раскрыться. Но позднее, уже во второй половине XVIII века, переосмысление человеком своего места во времени и истории стало причиной возникновения большого количества мемуаров нового типа, что положило начало оформлению мемуаристики в отдельный жанр [4, с. 1]. Так, в одной из своих статей В. Г. Белинский отмечал, что качественно написанные мемуары можно считать одним из вариантов романа, его последней "гранью" [1].

В настоящее время среди исследователей нет разногласий относительно выделения мемуаров в отдельный жанр и двойственной природы этого жанра, нахо-

дящегося на грани соприкосновения документальной и художественной литературы. Тем не менее в работах, посвященных мемуарам и их наиболее характерным свойствам, зарубежные и отечественные исследователи, такие как Т. Ларсон, А. Г. Татарковский, Д. Л. Кирби и Д. Кирби, Л. Я. Гинзбург, выделяют лишь отдельные элементы, характерные для мемуаров как жанра, и в основном концентрируются на их описании [8; 5; 7; 2]. Мы же в данной работе предпринимаем попытку обобщить все выделенные исследователями жанрообразующие элементы и на примере одного произведения продемонстрировать, как они могут реализовываться.

Первая отличительная черта мемуаров – это наличие темы и фокус на определенном отрезке жизни или событии. Как отмечает Т. Ларсон (Larson, T.), в отличие от автобиографии, мемуары не охватывают всю жизнь повествователя, не равны сухо зафиксированному на бумаге прошлому. Мемуарист использует свой собственный опыт и пережитые им события, чтобы раскрыть определенную тему [8, с. 19].

А. Г. Татарковский отмечает, что ещё одной важной отличительной чертой мемуаров является ретроспективность. Между событиями и созданием мемуаров может быть разный временной промежуток, и от его величины будет зависеть характер повествования о событиях и точка зрения автора. Это формирует два вида отношения автора к описываемым событиям – из прошлого и из настоящего [5, с. 37].

В качестве особенности современных мемуарных произведений выделяют рефлексию, когда мемуарист прямо присутствует в повествовании, включая читателя в этот процесс [7, с. 24]. В своей статье, посвященной мемуаристике, Л. В. Кипнес и Е. О. Сервие описывают это свойство мемуаров через метафору, говоря о них как о "зеркале души, пропустившей через себя историю" [3, с. 140].

Несмотря на существующее в данный момент разнообразие тем и форм мемуаров, как замечают Д. Л. Кирби и Д. Кирби (Kirby, D. L., Kirby, D), ещё одной характерной чертой мемуаров является их фрагментарность или эпизодичность, то есть прерывистое повествование, состоящее из мини-историй об определенных событиях или местах, при этом в некоторых мемуарах могут также использоваться паузы и пробелы [7, с. 24]

Ещё одной из жанрообразующих особенностей мемуаров, по мнению Л. Я. Гинзбург, является установка на подлинность, которая реализуется через то, что автор повествует о реальных событиях, обращаясь к различным источникам – личным дневникам, запискам. При этом, как отмечает исследователь, необходимо понимать, что установка на подлинность не равна фактической точности, а наличие недостоверностей, неточностей и спорных моментов в мемуарах объясняется особенностью устройства человеческой памяти [2, с. 3-4]. Так, она пишет: "Фактические отклонения притом вовсе не отменяют ни установку на подлинность как структурный принцип произведения, ни вытекающие из него особые познавательные и эмоциональные возможности" [2, с. 4].

Также Л. Я. Гинзбург говорит о том, что эстетическая организованность и используемые художественные средства делают мемуары явлением искусства, роднят их с художественной литературой. В то же время она отмечает важность имеющих различий, разнонаправленности в построении художественной символики в художественной и документальной литературе, когда художник начинает с создания знаков, воплощающих мысли, а мемуарист использует имеющийся опыт и события, превращая их в знаки [2, с. 4].

Таким образом, обобщая все вышесказанное, мы можем предположить, что жанрообразующими элементами для мемуаров будут: фокус на определенном событии (отрезке времени), наличие темы, рефлексия, ретроспективность, фрагментарность, установка на подлинность и художественность.

На следующем этапе нашего исследования мы проанализируем, как данные жанрообразующие элементы реализуются в мемуарах Сэндз Холл (Sands Hall) "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology". Мемуары Сэндз Холл "Flunk.

"Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology" (416 страниц) были изданы в 2018 г., а уже в 2019 г. переизданы с немного измененным названием – "Reclaiming My Decade Lost in Scientology". Они отмечены следующими премиями и номинациями: Best Book in Religion and Spirituality by Publishers Weekly, NCIBA's Golden Poppy Award in Nonfiction, a Finalist for the 2019 Northern California Book Award in Creative Nonfiction.

Фокус на определенном событии, отрезке времени, наличие темы: Мемуары Сэндз Холл посвящены её отношениям с саентологией и с семьёй. Автор рассказывает о своем опыте последователя саентологии с 1982 по 1989 и о событиях, которые происходили с ней с 1979 по 1990 г. Так, фокус на саентологии как одной из важных тем подтверждается использованием большого числа саентологических терминов, которые автор активно вводит в текст мемуаров (и объясняет их по ходу повествования), например:

"Scientologists, to "learn a particular skill, practice or "drill" that skill with a partner. If one does the drill incorrectly, the partner says, "Flunk." And immediately, "Start"" [6, с. xv].

"Her face had reddened as she told me this transgression—in Scientology, called an "overt"—and the vast relief that flowed through her once she'd gotten it off her chest. "It was such a terrible overt! I was too embarrassed to even *say* it!" [6, с. 20].

"Many Scientologists memorized, word for word, chunks of what was known as the "Tech"" [6, с. 5].

Исходя из этого, мы можем говорить о наличии фокуса на определённые время и тематику, за пределы которых автор не выходит.

Рефлексия и ретроспективность: Можно отметить, что автор неизменно присутствует в процессе повествования, что в первую очередь реализуется через большое количество ремарок как в скобках, так и без них, как в следующих примерах: "It's part of the Cycle of Communication (and, as I had come to see, an essential part of an auditor's training) because a person needs to be present to receive a communication, just as a person needs to be present to begin one" [6, с. 32]. / "We've all had to take careful, sometimes very difficult inventory to determine how those years and those experiences led to where we are now, and that for better or worse (and it takes time and tinkering and perspective to find that "better"), we wouldn't be who we are without having had those years and learned those lessons in our particular underworlds" [6, с. 355]. Эти примеры иллюстрируют тезис о том, что в мемуарах присутствует двойной взгляд автора на события – восприятие из прошлого и восприятие из настоящего – то есть рефлексию, переосмысление прошлого опыта, столкновение двух точек зрения. Такого рода амбивалентность подтверждает наличие у рассматриваемых нами мемуаров двух важных жанрообразующих черт – рефлексии и ретроспективности.

Фрагментарность: Характерной чертой анализируемого нами произведения является эпизодичность – всё повествование состоит из мини-историй, которые не всегда следуют в хронологическом порядке. Некоторые из них представляют собой вкрапления воспоминаний из детства, некоторые – внезапные вспышки воспоминаний о схожих эпизодах и ситуациях. Так, например, Сэндз Холл описывает ситуацию в аудитории миссии, а затем внезапно переключается на эпизод из детства [6, с. 3–15]. Все эти фрагменты жизни важны для целостности картины, которую рисует автор, и в то же время они как бы воспроизводят функционирование человеческой памяти, когда определенные воспоминания "оживляют" в сознании цепочку ассоциаций, основанных на личном опыте. При этом необходимо отметить, что фрагментарность не означает хаотичность, у повествования совершенно определенно есть структура, в рамках которой можно наблюдать развитие сюжета.

Установка на подлинность: В заметках для читателя Сэндз Холл пишет, что она излагала все максимально подлинно, опираясь на свои воспоминания, дневники и журналы, умышленно изменив лишь некоторые имена и характеристики, а в конце книги, в примечаниях, она дает ссылки на все используемые ей цитаты

из саентологических материалов [6, с. xvii-xix]. Из этого можно сделать вывод о ответственности принципу подлинности, являющемуся жанрообразующим элементом.

Художественность: В своих мемуарах Сэндз Холл использует различные художественные средства, что придаёт её произведению эмотивность, экспрессивность и образность. Этому способствуют многочисленные стилистические средства фонографического, лексического и синтаксического уровня.

Основная функция фонографических стилистических средств, среди которых чаще всего встречаются курсив и капитализация, заключается прежде всего в придании речи аутентичности и в смещении логического ударения, как в следующих примерах:

""You are looking at memories stored in your Analytical Mind" – he tapped the plate – "the ones that you're clear about. But you can't be quite so clear about ones you react to"" [6, с. 140].

""So what they have, you see, is understanding! They *understand* that they like each other. They also share an understanding there might be a future there. For understanding, there must be all three things: affinity, *and* reality, *and* communication. It's an equation: A + R + C = U!"" [6, с. 159].

""My parents are not *not* NOT Suppressive People!"" [6, с. 192].

В данных примерах курсив воспроизводит аутентичное интонационное ударение, мы как будто слышим звучащую речь и те акценты, которые расставляет говорящий. В последнем из вышеуказанных примеров курсив используется вместе с капитализацией в повторе частицы "not" для передачи пика эмоционального напряжения, подчёркивая высшую степень несогласия говорящего с тем, что родители могли подавлять её.

Синтаксические стилистические средства – различные виды повторов, риторические вопросы и инверсии, обособления, полисиндетоны – задают тексту определенный ритм, с одной стороны, а с другой – способствуют установлению более близкой дистанции между автором и аудиторией, создают между ними доверительные отношения, позволяют авторскому голосу звучать более точно, более выпукло. Как, например, в этих предложениях: "Frank actually liked my first manuscript, an excerpt from the novel. But he flayed the second one" [6, с. 304]. – когда с помощью обособления предложение намеренно "режется" на две части, и меняется его смысловое ударение.

"His lecture regarding all that was wrong with it went on and on and on and on" [6, с. 304]. – пример полисиндетона, усиленного намеренным пропуском знаков препинания. Это помогает автору передать её ощущения в момент долгой монотонной критики преподавателя по поводу её работы, её отношение к этому.

В тексте часто встречаются риторические вопросы, которые не только сокращают дистанцию между автором и читателем, но и показывают постоянное присутствие автора: "Wasn't I going to find the way out, through Scientology? How could I turn my back on all this certainty?" [6, с. 21]. Кроме того, в некоторых случаях вопросы и комментарии автора полны иронии, как в этом примере: "We'd been auditing in the Advanced Org, and as we walked down the dilapidated hall (oops, there went another critical thought, but really, why not just a coat of paint? Where did all the money go?), she carried my auditing folder and the case that held her e-meter" [6, с. 278], что позволяет автору показать своё скрытое от других отношение к происходящему вокруг. Подобные ироничные комментарии встречаются достаточно часто в тех случаях, когда произносить вслух то, что думаешь – недопустимо, запрещено.

Огромный вклад в художественность исследуемых мемуаров вносят различные стилистические средства лексического уровня. Образность здесь создаётся прежде всего метафорой. Всего в тексте произведения нами было выявлено 173 случая употребления оригинальной метафоры. Такое значительное количество, на наш взгляд, свидетельствует о явном личностном присутствии автора, о стремлении наиболее открыто и честно поделиться с читателем осмыслением своего опыта. Например, как в этом предложении: "His friends, talented and astonishing bees, sipped at the honeycomb of his light; he was the wax that held us all together" [6,

с. 100], где друзья брата сравниваются с пчёлами, а он сам – с пчелиным воском, где автор подчёркивает значимость роли брата в своей жизни и в жизни их общего круга друзей. Или в следующем примере: "An anguished wail began to twine around my heart" [6, с. 137], когда автор с помощью метафоры, сравнивающей вопль с веревкой, обвивающей сердце, подчёркивает силу своих внутренних переживаний.

Использование сравнений также помогает автору изобразить и передать нам то, с чем она сталкивалась, через что прошла. Так, например, она описала ситуацию, когда два человека выполняли саентологическое упражнение: "Skip's body tilted, straightened, tilted, as if he were on a rollercoaster ride. A few moments later, Jen's did the same. They looked like dogs chasing rabbits in their sleep, little aborted movements that were strangely terrifying" [6, с. 31] – автор описала движение тела одного из участников, как будто он был на американских горках, а после сравнила обоих с собаками, гонящимися за кроликами во сне. С помощью этих сравнений автор показывает нам напряжение, с которым столкнулись эти люди.

Автор также использует эпитеты, что помогает ей не только более точно и красочно охарактеризовать предмет или явление, но и обратить внимание читателя на определенные детали: "It didn't occur to me to wonder what my parents' friends, Republican or otherwise, might think of those crosses draped around my mother's unreligious neck" [6, с. 51]. В данном примере эпитет к слову neck акцентирует внимание на определенном противоречии между религиозной атрибутикой (крестами) и их нерелигиозным владельцем (матери автора).

Таким образом, проанализировав примеры использования разнообразных стилистических средств, мы можем сделать вывод об несомненной художественности данного произведения. Кроме того, стилистические средства способствуют выдвиганию на первый план личных переживаний автора, осмысления произошедшего с ней, максимальную эмоциональную честность и открытость. Это подтверждается и в нашей личной беседе с автором, когда, отвечая на вопрос, почему для осмысления своего опыта она выбрала именно этот жанр, жанр мемуаров, Сэндз Холл ответила: "I felt what I wanted to say about the time in Scientology would be lessened if it were fiction, as in fiction, you can make things up (that's what fiction is). And none of what I wrote about would have the same power, I think, as fiction".

Говоря о мемуарах как жанре, мы можем сделать вывод о том, что в результате своего развития они обрели свои уникальные характерные черты, отделяющие их от других жанров: фокус на определенном событии (отрезке времени) и наличие определенной темы, рефлексия, ретроспективность, фрагментарность, установка на подлинность и художественность. С таким видением жанра соглашаются и сами авторы мемуаров. Так, американский писатель Уильям Зинсер говорит о специфике мемуаров, сравнивая их с художественной фотографией: "Memoir isn't the summary of a life; it's a window into a life, very much like a photograph in its selective composition. It may look like a casual and even random calling up of bygone events. It's not; it's a deliberate construction" [9, с. 136]. Сэндз Холл, говоря об отличиях мемуаров от автобиографического романа в личной беседе с авторами данной работы, подчёркивает разницу между двумя этими жанрами, которая выражается прежде всего в фокусе автора и его цели, а также в рефлексии и ретроспективности: "Memoir comes of course from the root "remember". In this way it is, I think, very different from an autobiography. If you take apart that word, it's "auto," self + "bio," life + "graphy," draw or write: it's self-life writing if you will. – "the story of my life." Whereas a memoir generally takes on an incident, or a time period, with the author/narrator looking back on that time with an effort, perhaps, to understand it; or put it in context for herself and for her readers; and, often, in writing a memoir, the author wants to communicate some lessons learned, perhaps to help others through something similar, or to warn readers off a particular path or to give them a way to think about that path if they find themselves on it".

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обильное использование автором стилистических средств, эмотивность и экспрессивность текста делают мемуары явлением литературного искусства, с одной стороны, а с другой стороны,

фрагментарность, ретроспективность, рефлексия, установка на подлинность, наличие темы и фокус на определенные события и временной промежуток сближают их с документальной прозой, что подтверждает пограничный статус мемуаров на пересечении документальной и художественной литературы. При этом важно отметить, что, как доказывает проведенный нами анализ произведения Сэндз Холл "Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology", все выделяемые жанрообразующие элементы могут одновременно реализовываться в мемуарах.

Литература

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Сочинения в 3 т. / общ. ред. Ф. М. Голоченко. М.: ОГИЗ ГИХЛ, 1948. Т. 3.
2. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. / Л. Я. Гинзбург; Изд. 2-е. Оформл. худож. Л. Яценко. Л.: Худож. лит., 1976. 448 с.
3. Кипнес Л. В. Мемуарная литература и ее коммуникативная особенность / Л. В. Кипнес, Е. О. Сервие // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. №2. С. 137–140.
4. Руднева И. С. Черты личности автора-мемуариста, отраженные в портретах и автопортретах (на материале русской мемуарно-автобиографической литературы второй половины XVIII – первой трети XIX вв.) // Вестник БГУ. 2011. № 2. С. 1–8.
5. Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы. 1999 №1. С. 35–55.
6. Hall S. Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology. Berkeley: Counterpoint, 2018. 416 p.
7. Kirby D. L. & Kirby D. Contemporary Memoir: A 21st-Century Genre Ideal for Teens // The English Journal. 2010. vol. 99, no. 4. P. 22–29. URL: www.jstor.org/stable/27807161 (дата обращения: 25.12.2021)
8. Larson T. The Memoir and the Memoirist: Reading and Writing Personal Narrative. Swallow Press / Ohio University Press, 2007. 211 p.
9. Zinsser W. K., Zinsser W. On Writing Well: The Classic Guide to Writing Nonfiction. United States: HarperCollins, 1998. 308 p.

References

1. Belinskii V.G. A look at Russian literature of 1847 // Belinskii V.G. Works in 3 volumes / general ed. F.M. Golovenchenko. M.: OGIz GIKHL, 1948. Vol. 3. (In Russ.)
2. Ginzburg L. Ya. About psychological prose. / L. Ya. Ginzburg; 2nd. ed. Designed L. Yatsenko. L.: Artist. lit., 1976. 448 p. (In Russ.)
3. Kipnes L. V. Memoir literature and its communicative feature / L. V. Kipnes, E. O. Servie // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2007. No. 2. P. 137–140. (In Russ.)
4. Rudneva I. S. Personality traits of the author-memoirist, reflected in portraits and self-portraits (based on Russian memoirs and autobiographical literature of the second half of the 18th – first third of the 19th centuries) // Bulletin of BSU. 2011. № 2. P. 1–8. (In Russ.)
5. Tartakovskii A. G. Memoirs as a phenomenon of culture // Questions of Literature. 1999. No. 1. P. 35–55. (In Russ.)
6. Hall S. Flunk. Start: Reclaiming My Decade Lost in Scientology. Berkeley: Counterpoint, 2018. 416 p.
7. Kirby D. L. & Kirby D. Contemporary Memoir: A 21st-Century Genre Ideal for Teens // The English Journal. 2010. vol. 99, no. 4. P. 22–29. URL: www.jstor.org/stable/27807161 (accessed 25.12.2021)
8. Larson T. The Memoir and the Memoirist: Reading and Writing Personal Narrative. Swallow Press / Ohio University Press, 2007. 211 p.
9. Zinsser W. K., Zinsser W. On Writing Well: The Classic Guide to Writing Nonfiction. United States: HarperCollins, 1998. 308 p.

Анна Петровна ГУБЧЕНКО, магистрант Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: gubchenko.ap@students.dvfu.ru

Anna P. GUBCHENKO, Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: gubchenko.ap@students.dvfu.ru

Поступила в редакцию
(Received) 24.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 02.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Научная статья
УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/93-103>

Дискурсивное переключение как лингвокреативный приём (на материале комических жанров масс-медиа)

Наталья Васильевна Орлова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия, nvorl@rambler.ru

Аннотация. В статье описан приём дискурсивного переключения (необычного соединения разных дискурсов) в комических жанрах масс-медиа. Предмет исследования – синтактика, семантика и прагматика контекстов, попавших в сферу действия приёма. Использован метод дискурс-анализа и структурно-семиотический метод. Приём допускает как следование дискурсов друг за другом (стендап, мем), так и одновременное предъявление (пародия). Переключение дискурсов актуализирует семантику противоречия, парадокса, абсурда, создает юмористический или сатирический эффект. Востребованность приёма коррелирует с полидискурсивностью, диалогичностью, фрагментарностью современных медийных текстов.

Ключевые слова: дискурсивное переключение, лингвокреативный приём, комические жанры, синтактика, семантика, прагматика

Для цитирования: Орлова Н.В. Дискурсивное переключение как лингвокреативный приём (на материале комических жанров масс-медиа) // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 93–103. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/93-103>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/93-103>

Discursive switching as a linguocreative technique (based on the material of comic genres of mass media)

Natalia V. ORLOVA

F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, nvorl@rambler.ru

Abstract. The article considers the method of discursive switching, which assumes linguistic creativity of the subject of speech. The reception consists in an unexpected combination for the addressee in oral speech or in the text of two discourses. The analysis is based on the material of stand-up, parody, meme. The subject of the study is the features of genre implementations of the reception, as well as syntactics, semantics and pragmatics of the connected contexts. The method of discourse analysis and the structural-semiotic method are used. In parody, discourses overlap, in memes, partially identical information is dispersed over time and repeated many times, in stand-up, there is a rapid switching within the boundaries of the text. In the context of the reception, there is always a discrepancy between the content of speech and the ontological norm, a paradox, an absurdity. Switching discourses creates a comic effect in the range between satire and humor of different quality. The demand for discursive switching reflects the phenomena associated with the production and consumption of information in modern mass media: polydiscursivity, hypertrophied dialogicity, fragmentary texts, the dominance of contrast over other stylistic techniques.

Keywords: discursive switching, linguocreative technique, comic genres, syntactics, semantics, pragmatics

For citation: Orlova N.V. Discursive switching as a linguocreative technique (based on the material of comic genres of mass media) // Oriental Institute Journal. 2022. No. 4. P. 93–103. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/93-103>

Введение

Объектом исследования является приём дискурсивного переключения (далее – ДП), который состоит в необычном, неожиданном для адресата соединении двух дискурсов в устной речи либо в тексте. В результате приёма устанавливаются неаддитивные отношения целого и частей, то есть порождается смысл, который не является суммой смыслов контекстов. ДП рассматривается с точки зрения жанровой реализации (для выяснения возможностей функционирования в разных типах текстов), а также в плане синтактики, семантики и прагматики контекстов, вступающих в отношения со- и противопоставления.

© Орлова Н.В., 2022

Активное использование ДП симптоматично для продуктов массовых коммуникаций. В лингвистике, теории дискурса, стилистике отмечаются такие особенности современных текстов, которые, с нашей точки зрения, способствуют востребованности приёма. Во-первых, ДП является частным проявлением полидискурсивности, под которой понимается наличие нескольких дискурсов в одном тексте [11]. В ряде работ обсуждается смежное понятие "гибридов", затрагивающее, как правило, тип текста, а именно: жанр или дискурс [12; 9; 5]. Представитель критического дискурс-анализа Н. Фэркло полагает, что наличие нескольких дискурсов в одном тексте является симптомом того, что он "прокладывает путь" новым социальным практикам. С точки зрения Н. Фэркло, любая дискурсивная практика либо поддерживает социальный порядок, либо способствует социальным изменениям [30]. В быстро меняющемся социально-коммуникативном пространстве рост полидискурсивности является вполне объяснимым фактом [14]. Во-вторых, во всех своих разновидностях ДП подразумевает наличие более одной речевой позиции, по меньшей мере двух голосов. Это согласуется с гипертрафированной, иногда искусственной диалогичностью современных коммуникаций, которая проявляется в явлениях разного порядка и масштаба: в гипертекстуальной организации практически всех типов интернет-коммуникации, в речевой структуре актуальных масс-медийных жанров (ток-шоу, спортивный репортаж с двумя комментаторами), в манере трансляции теленовостей, в экспансии цитирования. "Отсутствием "своего" слова или его боязнью у создателей новостных текстов" Э.Р. Лассан объясняет размывание границ между авторской и чужой речью в новостных материалах [19, с. 405]. Существенно, что диалог оформляется как раздроблённая информация и воспринимается легче, чем монолог, который, чтобы быть воспринятым, должен опираться на дополнительные средства инфографики. В-третьих, ДП относится к приемам контраста – стилистической доминанте медиасферы, что подтверждается исследованиями стратегических, риторических, тематических аспектов медиатекстов [4; 27; 28].

При этом полидискурсивность, диалогичность современного текста, эксплуатация в нем контраста – явления разного масштаба, они связаны между собой и являются благодатной почвой для использования приёма ДП. Одновременно эти факторы усиливают интерес к его изучению.

Основной материал исследования составили монологи в жанре стендапа. В стендапе комик (стендап-комик, актёр стендапа, стендапер) выступает перед публикой вживую, при этом выступления транслируются по телевидению и в Интернете. Анализировались видеозаписи монологов И. Абрамова, Ю. Ахмедовой, К. Байматова, Б. Зелигера, Е. Константинова, М. Марковой, И. Мягковой, Д. Романова, Е. Свирского, Е. Чебаткова, А. Щербакова, В. Щербаковой общей продолжительностью около 6-ти часов. Яркой формой ДП в данном жанре является так называемый "сконструированный диалог" [31], образцы которого многократно встречаются в выступлениях всех без исключения стендап-комиков. В поиске других возможных форм реализации приёма были проанализированы пародии и мемы. В данных жанрах материал составили "Большой сольный концерт" М. Галкина (видеозапись 2 часа 15 мин), а также отдельные примеры пародий и мемов в интернет-коммуникации (TikTok, Telegram, ВКонтакте).

Исследование осуществлено на основе дискурс-анализа текстов или фрагментов текстов, задействованных приёмом ДП, а также на основе структурно-семиотического подхода к материалу. Дискурс-анализ позволил диагностировать применение приёма (факт переключения с одного дискурса на другой), структурно-семиотический подход – механизмы реализации, ценностные и целевые установки субъектов речи. Описание синтактики, семантики, прагматики контекстов реализации ДП обусловлено вовлечённостью приёма в современные социокультурные процессы, связанные с производством и потреблением информации.

Уже первичное знакомство с приёмом ДП высвечивает в нём черты лингвистической креативности субъекта речи. Психолог Дж. Гилфорд определил лингвистическую креативность как дивергентное языковое мышление, то есть такое,

которое подразумевает поиск множества решений одной проблемы. Он указал свойства дивергентного мышления: способность устанавливать отдаленные ассоциации, способность определить главное свойство объекта и предположить новый вариант его использования; способность видоизменить стимул с целью выявить в нем новые свойства и возможности для использования, способность генерировать разнообразные идеи в ситуации нерегламентированности [7]. Близкие идеи развивают современные отечественные авторы, которые видят в лингвокреативности способность к созданию новых идеальных продуктов, умение действовать в "фантастическом" контексте, манипулировать знаниями о языке и т.д. [3; 6; 24].

Обсуждение результатов

Механизм действия приёма

Дискурсивное переключение осуществляется как мена признаков по одному из значимых параметров дискурса. В известной работе 2004 г. "Язык и знание" Е.С. Кубрякова писала, что понятие дискурса отражает "в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связанную с самими коммуникативными условиями этого порождения" [15, с. 525]. Исследователи солидарны в том, что "особые условия" речи структурируются, иначе говоря, дискурсы функционируют как сложные структуры. Соответственно, они поддаются моделированию на основе перечня параметров. Наборы элементов и параметров терминологически различаются у разных авторов, но при различии формулировок и смысловых акцентов имманентными "особыми условиями", формирующими дискурс, являются:

-речевые субъекты (участники дискурса, акторы, социальные акторы, агенты и т.д.);

-функции (интенции, цели, целенаправленные социальные действия, мотивы, замысел, стратегии и т.д.);

-ситуации (излагаемые события, сопровождающие их обстоятельства; событийный аспект, коммуникативные события, хронотоп и т.д.);

-эпистемологические образы мира (концепты, ценности, оценки, социальный опыт, культурные традиции, психологические факторы, программа интерпретации событий и т.д.);

-специфика репрезентаций (язык, перформанс замысла, информационные каналы, форматы, жанры, дискурсивные формулы и т.д.).

В вышеприведенные ряды, которые можно продолжать, включены понятия, используемые Т. ван Дейком [8], В.И. Карасиком [16], а также авторами двух аналитических обзоров, затрагивающих вопрос о структуре дискурса [10; 13]. Из сказанного следует, что приём "срабатывает", когда автор (стендап-комик, пародист, творец мема) заменяет речевого субъекта, или интенцию, или какой-то иной из приведенных параметров.

Иллюстрации

В разных жанрах комического приём ДП задействует специфические способности дивергентного мышления и характерные для жанра проявления лингвокреативности.

В стендапе в полной мере реализуется способность устанавливать отдаленные ассоциации и действовать в ситуации нерегламентированности. Типичной реализацией приёма, как уже говорилось, является сконструированный диалог. Переключение дискурсов реализуется как мена говорящего. Чужой голос маркируется лексико-синтаксически, а также как изменение просодических характеристик речи. В следующем примере и далее приём обозначен символом {ДП}, чужой голос везде выделен курсивом:

Оказывается, / лебеди / на воде они могут быть опасны // Они могут утонуть // И значит / там было написано {ДП, "чтение" инструкции} *как успешно атаковать лебедя // Значит / чтобы успешно атаковать лебедя / постарайтесь перенести схватку на сушу // {ДП} Я думаю: это как? Сказать ему: пойдём выйдем?* (М. Маркова).

Звонит бабушка {ДП} *Я тут прочитала в газете / если увидишь своих правнуков, то сто процентов попадешь в рай //* (Е. Константинов).

В пародии проявляется такой признак лингвокреативности, как способность видоизменить стимул с целью выявить в нем новые свойства и возможности для использования. Так, в эстрадной пародии могут утрироваться особенности звучания чужой речи:

Лещенко там / свистит что-то / ну всю жизнь с легким присвистом / наше чудо / просто подарок / да {ДП} *Ленточка моя, фини-сис-ная // Всё пройдет, и ты приме-сис меня //* (М. Галкин).

Здесь уместно заметить, что Ю.Н. Тынянов, говоря о применении "старых форм в новой функции" как одном из механизмов эволюции литературы, включал в этот процесс пародирование [23, с. 293]. С точки зрения дискурс-анализа формулировка "применение старых форм в новой функции" в точности соответствует понятию дискурсивного переключения. Поскольку функция является важнейшим параметром дискурса, мена функции – это смена дискурса, переключение на другой дискурс. В пародии новой функцией является снижающее переосмысление [20], ирония или намерение рассмешить и посмеяться. "Старой формой" может быть стиль / манера речи, как в примере (3), или жанр, или узнаваемые особенности конкретного текста.

Интернет-мем определяется М.А. Кронгаузом как "любая, но короткая информация (слово или фраза, изображение, мелодия и т. п.), мгновенно и неожиданно ставшая модной и воспроизводящаяся в Интернете, как правило, в новых контекстах или ситуациях" [18, с. 88]. В мемах, как и в пародиях, дивергентное мышление изыскивает новые возможности для использования старой информации. Особенность мемов в том, что видоизменение стимула и переключение дискурсов обеспечивается в них новой ситуацией, новыми сопровождающими обстоятельствами, в которые помещается исходная информация.

Москва. Метро "Люблино". Работаем.

В ноябре 2021 г. тренер школы смешанных боевых искусств, расположенной около станции метро "Люблино", опубликовал в TikTok видео, на котором спортивной делают движение "проход в ноги" под американско-кавказский музыкальный микс. Позже он говорил в интервью, что целью ролика было привлечь молодежь к спорту. В считанные дни ролик посмотрели миллионы пользователей, появились вариации, текст стал вирусным. Создатели вторичных роликов сохраняли музыку, частично текст, но изображали свои события: тренировки разных футбольных команд (свою версию мема создал даже мадридский "Реал"), танец солдат Советской армии и т.д. Фон каждый раз оказывался неожиданным.

В вирусном режиме спортивный, как в примере (4), или любой другой дискурс перестает быть таковым. Мем так же, как пародия, меняет функцию исходного узнаваемого текста. Он перестает информировать, призывать – он развлекает, пока не надоеет.

Синтактика контекстов использования приёма

Приём переключения дискурсов, как было сказано выше, манифестирует значимые коммуникативные тенденции, которые, в свою очередь, являются частью социокультурных процессов. В связи с этим ДП, вместе с контекстами его реализации, логично рассмотреть как семиотический феномен: в аспекте синтактики, семантики и прагматики.

В плане синтактики приём допускает как одновременное, так и последовательное предъявление двух дискурсов. В пародии дискурсы накладываются друг на друга, их восприятие и узнавание происходит одновременно. Мемы организованы как многократное, рассредоточенное во времени повторение частично тождественной информации.

Остановимся подробнее на стендапах, где приём работает в режиме быстрого переключения в границах текста. В жанре стендапа выделяется ряд устойчивых вербальных переключателей, свидетельствующих о том, что в данном типе текстов приём превратился в отработанную технику. Наиболее активно используется частица "типа", которая совмещает значения подобия и ирреальности и тем самым идеально настраивает адресата на сконструированный диалог:

Типа – см. вроде [1, с. 498]. Вроде – наподобие, в виде, так сказать, как бы, нечто (или что-то) вроде; типа (разг.); на манер (устар.) [1, с. 68].

[рассказывает о бестактности журналистки в свой адрес]: ...типа {ДП} *Аркадий / сегодня день борьбы со СПИДом / а вы эту борьбу уже проиграли // Что вы чувствуете сегодня? //* (Ю. Ахмедова).

Аналогичные функции "переключателя голосов" выполняют "когда" и "знаете":

Но это нормально, когда {ДП, имитация истерики} – *Ничего не случилось! // Все хорошо! // А глаза у меня слезятся из-за аллергии на собак! //* (В. Щербакова)

Я буду постоянно ходить в школу и разбираться, кто их там обидел. Видели этих скандальных мамашек? Это же реально угроза, когда {ДП} – *Я на вас натравлю Министерство образования // У меня такие связи!* (В. Щербакова);

(8) Это, знаете {ДП} – *Тамара / отставить истерику!* (В. Щербакова).

Зритель должен представить ситуацию, "когда так говорят"; откликнуться на "знаете", обратившись к своему опыту.

Некоторые переключатели в эксплицитной форме отождествляют различное, сближают далекое, что усиливает характерный для приема контраст позиций либо ситуаций:

(9) [возмущается, что приходится делать вместе с сыном школьные уроки]: ... Это то же самое.../ приедешь в автосервис/ надо менять рычаги/ менять пружины/ {ДП} *Езжай // Меняй // С отцом поменяешь / приедешь – покажешь //* (А. Щербаков).

(10) [обсуждает способ избежать нежеланного секса]: ...как в "Поле чудес" сказать {ДП} *Геннадий / я даю вам 5000 рублей / и мы не открываем шкатулку //* (И. Мягкова).

(11) [рассказывает о чиновнике, который захотел, чтобы его ребенок начал изучать английский в утробе матери]: ...Звучит как из резюме: {ДП} *Уровень английского – внутриутробный* (Е. Чебатков).

Дискурсивное переключение использует и традиционные конструкции с прямой речью, где слова автора предъясняются в виде полной или элиминированной конструкции:

(12) Нет же ни одного мужика, которому ты скажешь: "Нам надо поговорить". А он {ДП} *Класс! // Хоть бы о наших отношениях! //* (Ю. Ахмедова).

При отсутствии вербальных знаков переключение маркируется только мимикой, тембром, интонацией:

(13) Думаешь / почему ты так разговариваешь / женщина// {ДП} *Потому что я всегда работала в регистратуре / и всегда буду работать в регистратуре //* (И. Абрамов).

(14) Я знаю такие парочки / которые {ДП} *счастливы всегда* (Е. Свирский).

Как видим, жанр стендапа располагает средствами разных семиотических систем, обеспечивающих передачу и восприятие переключения дискурсов. Яркость приема тем больше, чем лаконичнее вербальный переключатель. В случае словесного "нуля" переключение наиболее неожиданно, а его экспрессивный заряд наиболее значителен.

Семантика контекстов использования приёма

Применение приёма ДП конструирует специфические связи текста и действительности. При различии жанров в них транслируется несоответствие содержания речи естественному положению дел, противоречие в таких его разновидностях, как парадокс и абсурд. Следует согласиться с Т.С. Узбековым, который разграничил последние на основании возможности либо невозможности осмысленной интерпретации сказанного: "...В парадоксе, при всей неожиданности, нестандартности, кажущейся алогичности высказывания, всегда присутствует смысл, завуалированная логичность... в абсурде, при всей его неожиданности, нестандартности, кажущейся смысловой содержательности и логичности, отсутствует смысл (т.е. налицо бессмыслица) [25, с. 743].

Для рассматриваемых жанров общая особенность семантики контекстов использования приёма вполне ожидаема, так как противоречие, нарушение нормы лежат в основе комического [21; 22; 25; 29]. В русле проблематики статьи интерес-

но проследить вклад приема дискурсивного переключения в создание семантики противоречия.

В жанре стендапа повествователь, как правило, является частью нормального мира, а носители "чужих голосов", соответственно, абсурдного (15), но встречаются и такие дискурсивные переключения, в которых оба контекста (и правый, и левый) моделируют мир не-нормы (16):

(15) У всех, наверное, есть такая знакомая семья / у которых {ДП} была фотосессия. {ДП} Вот где они скупили всё розовое в "Заре" / и поехали фотографироваться к камину // Типа {ДП} мы счастливая семья // {ДП} Вы не семья // Вы команда КВН // Триоды вы [далее описывает злключения, сопровождающие фотосессию, звенящую тишину в машине по дороге назад] ... В какой-то момент жена не выдерживает и говорит: {ДП} Да потому что это память / Костя // (И. Мягкова).

(16) По мне идеальная свадьба / это когда вы не ждете видео от операторов, а уже всё посмотрели в выпуске "Дежурной части" // Типа {ДП} Во время свадьбы в Хабаровске сгорело пять гектаров леса (В. Щербакова).

Отступление от онтологической нормы, деформация реальности проявляется в разной степени и имеет разные грани. Это может быть парадоксальная ситуация в реальном мире (17) или абсурдная ситуация в вымышленном (18), или доведенная до абсурда псевдореальная ситуация (19):

(17) Сейчас очень модно стало быть приличным // Сейчас все делают вид, что они какие-то идеальные люди // В выходные заходишь в инстаграм / у всех сториз типа: {ДП} Мы на выставке // Мы в музее // Мы на джаз-концерте // {ДП} Я думаю / с*ка! // А чё в Красно-Белом такая очередь? // (И. Мягкова).

(18) [С. "воспроизводит" речь пилота, который принимает меры к дебоширу в самолете]: Уважаемые дамы и господа! // Только что наш пассажир Андрей Демьянов вошел в зону белки // Мы временно погасили основное освещение / чтобы он хуже ориентировался в пространстве // (И. Абрамов).

(19) [сообщает о существовании Храма Министерства обороны как реальном факте]: Храм Министерства Обороны / Лучше чем храм Министерства здравоохранения // {ДП} Господи / сделай так / чтобы арбидол реально помогал! // Пожалуйста! // Хотя бы не мешал! // {ДП} Мне кажется у нас... / Храм Центризбиркома: {ДП} Как у вас проголосовали эти граждане / если они давно умерли?! // Душа бессмертна / сын мой! // Пример показателен в том смысле, что повествователь обращается к медийной реальности, несколько искажая факты в своих целях. На самом деле Храма Министерства обороны не существует, но действительно есть "Музейно-Храмовый Комплекс Вооруженных Сил Российской Федерации". Доведя ситуацию до абсурда, стендап-комик дает себе возможность переключиться на фантастические диалоги.

Аналогичная семантика абсурда, несоответствия нормам онтологии имеет место и в мемах, и в пародиях – в специфических вариантах. Надо сказать, что в текстах этих жанрах иной семантики может и не быть. Таков, например, мем "Москва. Метро Люблино. Работаем", о котором уже шла речь; таковы многие эстрадные пародии. Не имеют иного смысла, кроме искажения текста оригинала и, соответственно, искажения его смысла, пародии-переделки, которым Т.А. Мирвода дает следующую характеристику: "Переделка – минимальное, но осязаемое искажение текста оригинала с целью посмеяться" [20, с. 207]. Образцом данного вида пародии является пример (20):

(20) Или Алла спела "Жизнь невозможно повернуть назад" // Тут же кавээнщици смешно переделали / {ДП} Фарш невозможно повернуть назад // И мясо из котлет не восстановишь // (М. Галкин).

В то же время лингвокреативная техника, о которой идет речь, не просто переключает режимы "норма" – "не-норма". Абстрактные идеи несоответствия, противоречия, абсурда конкретизируются в той картине мира, которую воссоздают авторы, отсылают к узнаваемым событиям или явлениям ментального мира.

Для стендапа бессмыслица особенно нехарактерна. Как уже говорилось, стендап-комики высмеивают неестественность в поведении, стремление создать ис-

кусственный образ собственной идеальной жизни. Даже самые фантастические ситуации интерпретируются. В примере (21) ситуация абсурдная, но из нее следует, что ценность рекламируемого продукта выше, чем ценность человеческой жизни в том дискурсе, на который "переключился" повествователь.

(21) Я слышала / что мужчины не могут делать два дела // Но не до такой же степени // Типа ты подходишь к нему знакомиться / а он подавился супом и умер // И все такие вокруг: {ДП} *Не-е-е-т!* // *Что ты наделала!* // *Это же был суп дня!* (М. Маркова).

Специально выделим идею, которую отразил небольшой по объему текст, размещенный в Telegram, оформленный как сообщение в мессенджере, одновременно пародийный и ставший частью мема "Оправдание для заказчика". Начало этого текста приведено в (22).

(22) Олег, проект пока не начинал. Не могу войти в состояние потока, сейчас не в ресурсе, и всё тут. Вы поймите, много незакрытых гештальтов, и я, конечно, Вселенной посылаю запросы, жду инсайта, но пока глухо...

Текст избилует парапсихологической лексикой: *состояние потока, быть в ресурсе, незакрытые гештальты, запросы Вселенной, инсайт, марафон продуктивности, карта желаний, психологические расстановки, зона комфорта, визуализировать цели, концентрация, выгореть, токсичные, вайбы, личные границы, экологично поданные запросы*. Деловой дискурс, на который указывает адресация "для заказчика" и обсуждаемое событие "проект пока не начинал", использует стиль так называемого "дискурса новой чувствительности" (термин "новая чувствительность" ввел культуролог Ю. Сапрыкин). Это не просто традиционная пародия на стиль, известная носителю русского языка как высмеивание казённого языка советского времени, манеры говорения новых русских, американизированной речи начала XXI в. и др. Пародирование дискурса "новой чувствительности" сатирически отражает один из заметных ментальных процессов, происходящих в обществе. Как пишут Н.Н. Кошкарова, Е. М. Яковлева, "феномен эмоциональной культуры перестал быть предметом профессионального общения, сформировался дискурс, где "задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида" [17, с. 148]. Эта модель захватывает сферу политики, права и т.д. Актуализируется уязвимость, про которую исследователи говорят, что она "раньше была связана с состраданием, а теперь с чувством несправедливо нанесенного оскорбления лично тебе или (чаще всего) какой-то социальной группе" [2]. Показательно, что на дискурс новой чувствительности переключаются и стендап-комики, как в примере (23):

(23) Я ехала в автобусе // Со мной флиртовал дяденька // Он сказал: {ДП} *У вас очень красивые ресницы* {ДП} Но потом он вероятно подумал {ДП} *Двадцать первый век!* // *Вдруг это оскорбит мои чувства* // {ДП} И добавил / {ДП} *Но и без ресниц вам тоже очень хорошо!* // (М. Маркова).

Мемы семантически наиболее опустошены. Смысл повторений исходного текста состоит в неожиданности и в эффекте контраста с первоисточником, текст которого адресат мема должен знать. Однако и мемы могут отражать текущую жизнь. Известный мем про Наташу и котиков, который зародился весной 2019 г., к настоящему времени продержался более двух лет и продолжает просматриваться в Интернете. Первоисточник, в котором котики будят Наташу словами "мы всё уронили", и дальнейшее развитие событий частично отражено в примере (24). "Уронили" связывается с низкими ценами на нефть, падением рубля относительно доллара и евро; с наступлением пандемии котики говорят, что они "всех изолировали" и "там всё закрыли". Котики не забыли про угрозу падения метеорита, выпустили призыв копировать картины великих мастеров во время самоизоляции и т.д. Иначе говоря, мем стал неким свидетелем времени, своеобразным его летописцем:

(24) "Наташ, ты спишь? Вставай. Уже 6 часов. Мы всё уронили"; "Нефть по 32 \$"; "\$ по 72 р."; "Мы 29-го, кстати, метеорит уроним"; "Наташ, вставай картину делать"; "С утра ты больше на Мунка похожа" и т.д.

Прагматика контекстов использования приёма

С прагматической точки зрения дискурсивное переключение является приемом комического, выполняет гедонистическую функцию. Комическое в текстах, эксплуатирующих прием, распределяется между сатирой и юмором разного качества.

В пародии доминирует снижающее переосмысление серьезного. Жанр допускает восприятие текста как сатирического или "просто" смешного, при этом в эстрадных пародиях преобладает последнее. Интересно, что и специалисты, и пародисты отмечают тот факт, что порождение и восприятие пародии (и соответственно, приёма ДП переключения в этом жанре – Н.О.) сегодня затруднено по причине дефицита яркого, узнаваемого текста. Е.Н. Шапинская замечает: "Я не уверена, можно ли говорить о пародии сегодня, когда сама концепция авторства ставится под вопрос, когда ирония и серьезность трудно различимы в бесконечной интертекстуальной ризоме" [26, с. 9]. Подобный вывод делает Т.А. Мирвода, рассуждая о пародиях на страшилки в Рунете: "Из-за такого тесного соседства пародий с пародируемыми объектами отличить одни от других с первого взгляда оказывается не всегда возможным" [20, с. 206]. Пародист М. Галкин заявляет об этом как о профессиональной проблеме (25):

(25) Сейчас же пародистов много / а тех, кого изображать... {ДП} *Остановите. Остановите / Вите / Вите надо выйти // Остановите / Остановите / Вите / Вите надо выйти // {ДП} Куда ему надо выйти? Кто он? Что с этим делать? Это уже пародия. Всё. Это уже пародия (М. Галкин).*

Мемы главным образом развлекают, хотя в некоторых присутствует сатира. В стендапах, как правило, основу для дискурсивного переключения создает антагонизм точек зрения. Неудивительно, что здесь доминирует сатирическое начало: издёвка, насмешка, разоблачение антиценного явления. Другой функцией ДП является установка на создание эстетического продукта, поскольку использование приёма подразумевает элементы артистизма.

Выводы

Дискурсивное переключение – целенаправленный лингвокреативный приём, который имеет наджанровый характер, активно эксплуатируется в медийном сегменте комического в устной и письменной форме, рассчитан на потребителя массовой культуры.

Переключение происходит за счет одного или нескольких существенных для дискурса параметров (смена говорящего или отображаемого события, или элементов репрезентации замысла в дискурсе). Для стендапа типичен сконструированный диалог и, соответственно, смена говорящего; пародия трансформирует формальные свойства текста; мем предусматривает смену экстралингвистического фона, условия предъявления высказывания. Таким образом, стендап, пародия, мем используют приём дискурсивного переключения специфическим образом, но в любом случае механизм его использования предусматривает изменение функциональной нагрузки дискурсов, соединяемых на основе со- и противопоставления. С точки зрения синтагматики дискурсы, задействованные приёмом переключения, следуют друг за другом или накладываются друг на друга.

Дискурсивное переключение порождает комический смысл, не выводимый из смыслов правого и левого (исходного и вторичного) контекстов. Инвариант смысла составляют противоречие, нарушение онтологических норм, парадокс, абсурд. Конкретные реализации общей семантики отражают (в разной степени у разных жанров) актуальные явления повседневной жизни, в том числе межличностных отношений, а также изменения в массовом сознании, и в частности "новую чувствительность". Субъект, использующий приём, достигает гедонистических целей. Приём допускает широкий спектр конкретных прагматических интенций – от доброго юмора до насмешки, издёвки, политической сатиры.

Востребованность дискурсивного переключения не случайна. Данный приём коррелирует с такими особенностями современного медиатекста, как выражен-

ная полидискурсивность, гипертрофированная диалогичность, фрагментарность, доминирование контраста в его стилистической палитре.

Литература

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.
2. Аронсон П., Земенков В., Зорин А. Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными // Colta. 2019. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (дата обращения: 11.01.2022).
3. Базилевич В. Б. Языковая игра как форма проявления лингвистической креативности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 20 – 22.
4. Болотнова Н.С. Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 156 с.
5. Владимирова С.Б. Судебно-медицинская экспертиза в дискурсивном аспекте. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2021. 24 с.
6. Гермашева Т.М. Лингвокреативный дискурс: к постановке проблемы // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 166 – 172.
7. Гилфорд Дж. Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. 525 с.
8. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. Е. А. Кожемякина, Е. В. Переверзева, А. М. Амадова. М.: Либриком, 2013. 337 с.
9. Дубровская Т. В. Интервью с судьями как гибридный тип дискурса // Юрислингвистика. 2010. № 10. С. 25–35.
10. Заложных В.В. Структура, организация и содержание понятия "дискурс" в лингвистике // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Том 1. № 2. С. 1 – 11.
11. Иерусалимская А. О. О соотношении терминов "полидискурсивность" и "интердискурсивность" // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 1. С. 54 – 58.
12. Ирисханова О.К. Гибриды – экзотика или универсальные ингредиенты семиотических систем? // Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации: теория и практика. Тезисы докладов междунар. науч. конф. М.: Рема, 2011. С. 62 – 63.
13. Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128 – 143.
14. Йоргенсен Марианне В., Филиппс Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
15. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
17. Кошкарлова Н.Н., Яковлева Е. М. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 147–152.
18. Кронгауз М. А. Мемы в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии. Москва: Новое литературное обозрение. 2014. С. 87 – 95.
19. Лассан Э. Р. О некоторых тенденциях в грамматике текста на электронных новостных порталах: "растворение" субъекта // Медиалингвистика. 2020. № 7 (4). С. 396 – 408.
20. Мирвода Т.А. Детские страшные истории как объект и форма пародирования в фольклоре Рунета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 4. С. 206–214.
21. Орлова Н. В., Богомолова О. Е. Что смешного? Сопоставительный взгляд на юмористические интенции учебника и ученика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 3. С. 63 – 69.
22. Столович Л.Н. Философия. Эстетика. Смех. С.-Петербург–Тарту, 1999. 384 с.
23. Тынянов Ю.Н. О пародии // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 284 – 309.
24. Тюленева Т. В. Формирование лингвистической креативности студентов неязыковых специальностей. Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2012. 24 с.
25. Узбеков Т.С. Языковая игра: парадокс и абсурд // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 3. С. 735 – 745.
26. Шапинская Е.Н., Денисов А.В. Пародия как культурный феномен: два взгляда на один предмет // Культура культуры. 2015. № 4 (8). С. 9.
27. Щербаков А.В. Приемы контраста в текстах современных российских СМИ // Речевое общение и вопросы экологии русского языка: сборник научных работ, посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора А.П. Сковородникова. Красноярск, 2009. С. 371 – 381.
28. Ястремская Ю.А., Щуплецова Ю.А. Контраст как основной прием освещения чрезвычайных происшествий в медиа // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 412 – 414.

29. Bardon A. *The Philosophy of Humor // A Geographic and Historical Guide*, ed. by Maurice Charney. Connecticut: Greenwood Press, 2005. URL: https://www.academia.edu/9819670/The_Philosophy_of_Humor (дата обращения: 31.01.2022)

30. Fairclough N. *The Dialectics of Discourse*. URL: <https://www.sfu.ca/cmns/courses/2012/801/1-Readings/Fairclough%20Dialectics%20of%20Discourse%20Analysis.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

31. Tannen D. *Introducing constructed dialogue in Greek and American conversational and literary narrative // Direct and Indirect Speech*. New York, Berlin, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. Vol 31. P. 311–332.

References

1. Aleksandrova Z.E. *Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical guide*. 11th ed., revised and add. M.: Russian language, 2001. 568 p. (In Russ.)

2. Aronson P., Zemenkov V., Zorin A. *We are persistently looking for an opportunity to be offended // Colta*. 2019. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi> (accessed 11.01.2022). (In Russ.)

3. Bazilevich V. B. *Language game as a form of manifestation of linguistic creativity // Philological Sciences. Questions of theory and practice*. Tambov: Diploma, 2015. No. 8 (50): in 3 parts. Part III. P. 20–22. (In Russ.)

4. Bolotnova N.S. *Methods of semantic and linguo-pragmatic analysis of media text*. Tomsk: Publishing house of Tomsk CNTI, 2015. 156 p. (In Russ.)

5. Vladimirova S.B. *Forensic medical examination in a discursive aspect*. Abstract dis. ... cand. ped. sciences. Novosibirsk, 2021. 24 p. (In Russ.)

6. Germasheva T.M. *Linguistic and creative discourse: to the formulation of the problem // Discourse-Pi*. 2016. No. 3-4 (24-25). P. 166–172. (In Russ.)

7. Gilford J. *Psychology of thinking / ed. A. M. Matyushkina*. M.: Progress, 1965. 525 p. (In Russ.)

8. Dyck T. A. van. *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication; per. from English*. E. A. Kozhemyakina, E. V. Pereverzeva, A. M. Amatova. M.: Librikom, 2013. 337 p. (In Russ.)

9. Dubrovskaya T. V. *Interviews with judges as a hybrid type of discourse // Jurislinguistics*. 2010. No. 10. P. 25–35. (In Russ.)

10. Zalozhnykh V.V. *Structure, organization and content of the concept of "discourse" in linguistics // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2017. Vol. 1. No. 2. P. 1–11. (In Russ.)

11. Ierusalimskaya A. O. *On the relationship between the terms "polydiscursivity" and "interdiscursivity" // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2016. No. 1. P. 54–58. (In Russ.)

12. Iriskhanova O.K. *Are hybrids exotic or universal ingredients of semiotic systems? // Semiotic heterogeneity of language communication: theory and practice. Abstracts of reports int. scientific conf. M.: Rema, 2011. P. 62–63. (In Russ.)*

13. Irkhin Yu.V. *Discourse analysis: essence, approaches, methodology, design // Social and humanitarian knowledge*. 2014. No. 4. P. 128–143. (In Russ.)

14. Jorgensen Marianne V., Philips Louise J. *Discourse analysis. Theory and method*. Kharkov: Humanitarian Center, 2008. 352 p. (In Russ.)

15. Kubryakova E.S. *Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. M.: Languages of Slavic culture, 2004. 555 p. (In Russ.)

16. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Change, 2002. 477 p. (In Russ.)

17. Koshkarova N.N., Yakovleva E.M. *Discourse of new emotionality: communicative practices of digital reality // Political Linguistics*. 2019. No. 5 (77). P. 147–152. (In Russ.)

18. Krongauz M. A. *Memes in the Russian-speaking Internet: experience of deconstruction // Russian language and new technologies*. Moscow: New Literary Review, 2014. P. 87–95. (In Russ.)

19. Lissan E.R. *On some trends in the grammar of the text on electronic news portals: the "dissolution" of the subject // Medialinguistics*. 2020. No. 7 (4). P. 396–408. (In Russ.)

20. Mirvoda T.A. *Children's scary stories as an object and form of parody in the folklore of the Runet // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskii*. 2018. No. 4. P. 206–214. (In Russ.)

21. Orlova N. V., Bogomolova O. E. *What's funny? A comparative look at the humorous intentions of a textbook and a student // Bulletin of the Kemerovo State University*. 2016. No. 3. P. 63–69. (In Russ.)

22. Stolovich L.N. *Philosophy. Aesthetics. Laugh*. St. Petersburg–Tartu, 1999. 384 p.

23. Tynyanov Yu.N. *About parody // Tynyanov Yu.N. Poetics. History of literature*. Movie. M., 1977. P. 284–309. (In Russ.)

24. Tyuleneva T. V. *Formation of linguistic creativity of students of non-linguistic specialties*. Abstract dis. ... cand. ped. sciences. Volgograd, 2012. 24 p. (In Russ.)

25. Uzbekov T.S. *Language game: paradox and absurdity // Bulletin of RUDN University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 735–745. (In Russ.)

26. Shapinskaya E.N., Denisov A.V. *Parody as a cultural phenomenon: two views on one subject // Culture*

of Culture. 2015. No. 4 (8). P. 9. (In Russ.)

27. Shcherbakov A.V. Methods of contrast in the texts of modern Russian media // Speech communication and questions of the ecology of the Russian language: a collection of scientific papers dedicated to the 80th anniversary of the Doctor of Philology, Professor A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, 2009. P. 371–381. (In Russ.)

28. Yastremskaya Yu.A., Shchupletsova Yu.A. Contrast as the main method of coverage of emergencies in the media // World of science, culture, education. 2019. No. 6 (79). P. 412–414. (In Russ.)

29. Bardon A. The Philosophy of Humor // A Geographic and Historical Guide, ed. by Maurice Charney. Connecticut: Greenwood Press, 2005. URL: https://www.academia.edu/9819670/The_Philosophy_of_Humor (accessed 31.01.2022)

30. Fairclough N. The Dialectics of Discourse. URL: <https://www.sfu.ca/cmns/courses/2012/801/1-Readings/Fairclough%20Dialectics%20of%20Discourse%20Analysis.pdf> (accessed 15.04.2020).

31. Tannen D. Introducing constructed dialogue in Greek and American conversational and literary narrative // Direct and Indirect Speech. New York, Berlin, Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1986. Vol 31. P. 311–332.

Наталья Васильевна ОРЛОВА, д-р. филол. наук, профессор кафедры русского языка Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия, e-mail: nvorl@rambler.ru

Natalia V. ORLOVA, Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian, Slavic and Classical Linguistics Department, F.M. Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, e-mail: nvorl@rambler.ru

Поступила в редакцию

(Received) 25.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 10.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Стереотипное и творческое в заголовках Rossica: корпусное исследование

Елена Владимировна БЕЛОГЛАЗОВА

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, [evbeloglazova@herzen.spb.ru](mailto:evbeloglazova@ Herzen.spb.ru)

Наталья Кирилловна ГЕНИДЗЕ

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия, genidze.n@unicon.ru

Аннотация. В данной работе приводится анализ Rossica-T – корпуса заголовков аутентичных англоязычных описаний России. Данные автоматической обработки корпусным менеджером AntConc, а также результаты ручной разметки и анализа ключевых слов позволили выявить своеобразие рассматриваемого дискурса в терминах стереотипности / креативности. Было установлено что англоязычную Rossica отличает три составляющие или уровня текстопорождения: помимо (1) воспроизводства стереотипных жанровых / текстотипологических черт и (2) привносимого автором творческого начала была выявлена промежуточная составляющая – (3) стереотипность второго уровня, черты собственно дискурса Rossica.

Ключевые слова: россика, корпус, стереотипность, креативность, вторичная культурная ориентация, заголовки, интерлингвокультурология

Для цитирования: Белоглазова Е.В., Генидзе Н.К. Стереотипное и творческое в заголовках Rossica: корпусное исследование // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 104–113. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/104-113>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/104-113>

Convention and creativity in the Rossica titles: a corpus-based study

Elena V. BELOGLAZOVA

Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, evbeloglazova@herzen.spb.ru

Natalya K. GENIDZE

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russia, genidze.n@unicon.ru

Abstract. The paper presents the analysis of the Rossica-T corpus compiled by the authors, which features the headings of authentic English-language books describing Russia. The automatic processing as well as manual tagging of the corpus allowed to identify the specific properties of the discourse under study in terms of conventionality / creativity. In particular, the study revealed three levels of text production in Rossica: (1) 1st level convention, i.e. reproduction of stereotypical genre (text type) feature, (2) author's creativity and (3) the medial component – 2nd level convention, consisting in reproduction of the typical features of the Rossica discourse.

Keywords: Rossica, corpus, convention, creativity, secondary cultural orientation, heading, interlinguoculturology

For citation: Beloglazova E.V., Genidze N.K. Convention and creativity in the Rossica titles: a corpus-based study // Oriental Institute Journal. 2022. No. 4. P. 104–113. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/104-113>

Введение

Всякий русский знает, что "как вы яхту назовете – так она и поплывет"; если же обратиться к фразеологии английского языка, то становится очевидным аналогичное значение, придаваемое имени и в англофонном мире. Так, идиома "He that hath a ill name is half hanged" датируется XIV в., и различные ее варианты регистрируют и современные словари [13; 14; 15].

Применимость наблюдения фикционального капитана Врунгеля выходит далеко за рамки исходного фикционального мира и исходного класса объектов (т.е. яхт). В частности, она применима к книгам, коммерческий (и не только) успех которых зависит в значительной мере от того, насколько привлекательным, интригующим и запоминающимся для читателей окажется их название. Заголовок является "сильной позицией" любого текста, "обеспечивающей выдвигание на первый план важнейших смыслов текста <...> установление иерархии смыслов, фокусирование внимания на самом важном, усиление эмоциональности и эстети-

ческого эффекта, установление значащих связей между элементами смежными и дистанционными, принадлежащими одному и разным уровням обеспечения связности текста и его запоминаемости" [1].

В фокусе нашего внимания находится *Rossica* (Россика) – совокупность аутентичных иноязычных (в нашем случае, более узко – англоязычных) описаний России, корпус которых начал формироваться еще в XVI в. Из исторического обзора, приводимого авторами [2, с. 43], явствует, что прошедшие пять с лишним столетий ознаменовались всплесками и спадами интереса к России, и хотя "русская культура не может конкурировать по степени освоенности английским языком с такими западноевропейскими культурами, как французская, немецкая, итальянская и испанская, однако можно с уверенностью полагать, что она входит в первую десятку культур, наиболее знакомых англоязычному миру" [2, 44]. В результате англоязычная *Rossica* представляет собой весьма обширный текстовый массив, точные размеры которого оценить затруднительно, но, как отмечает В.В. Кабакчи, "о количестве этих текстов говорит следующий факт: лишь в библиотеке лондонской School of Slavonic and East European Studies (SSEES), одном из крупнейших центров англоязычной русистики, хранится около 100 тысяч книг и свыше 200 современных периодических изданий, посвященных изучению восточной славистики и, в первую очередь, русистики" [2, с. 19].

Приведенное выше мнение И.В. Арнольд позволяет выдвинуть предположение о том, что при проблематичности обзора массива *Rossica* в целом, заголовки являются тем самым компонентом, который позволит выявить тот особый ракурс описания России, который на протяжении пяти с лишним веков вызывает интерес мировой общественности.

Иными словами, цель нашего исследования – дать ответ на вопрос, что интересует мирового массового читателя применительно к России. Настоящая статья ставит еще дополнительную исследовательскую задачу – ответ на вопрос, как (чем) автор привлекает внимание именно к своей книге.

Теоретические основания исследования

Кратко охарактеризуем теоретический фундамент исследования. Его составили следующие концептуальные направления и положения.

Во-первых, мы опираемся на положения лингвистической вариантологии, постулирующей диверсификацию английского языка, который в ходе контактов с иными языками и культурами распадается на самобытные варианты. Это позволяет нам вслед за З.Г. Прошиной [11] постулировать существование *Russian English* как особой разновидности английского языка, формирующейся при его контакте с русским языком.

Во-вторых, объектом нашего рассмотрения является английский язык, обращенный к внешней для него – русской – культуре. Сложное балансирование на грани языков и культур изучает интерлингвокультурология – научное направление, созданное и активно развиваемое уже более полувека научной школой В.В. Кабакчи.

Два названных направления исследований, при всей их самостоятельности и автономности, объединяет фокус на взаимодействие английского и локальных языков, а также на связь языка с культурой и менталитетом его пользователей [3, с. 87].

В-третьих, в основе концепции исследования лежат следующие положения теории текста:

Rossica – особое текстовое пространство, которое, с одной стороны, основывается на общих нормах текстопорождения, с другой стороны, несет в себе отличительные черты языка вторичной культурной ориентации (английского языка, обращенного в область русской культуры);

Текстопорождение основано на сочетании стереотипного и креативного, причем "критерием креативности как творческой способности является <...> величина отклонения от стереотипа" [4, с. 250];

Заголовок – часть текста, но в то же время и текст сам по себе, реализующий сложный функционал, призванный не только информировать о содержании стоящего за ним текста, но и выделять его среди других текстов, привлекать к нему внимание и служить средством его продвижения на читательском рынке;

Заголовки текстов Rossica – особые тексты, апеллирующие к наиболее востребованным у массового читателя элементам "российской темы". Анализ заголовков Rossica как корпуса текстов позволит выявить области читательского интереса и в перспективе смоделировать конструируемый Rossica концепт RUSSIA.

Методология исследования

Для целей исследования был создан корпус из порядка 370 заголовков Rossica, в который на начальном этапе были отобраны названия научно-популярных и публицистических книг, посвященных России (заголовки художественных произведений, сюжетно связанных с Россией, составили отдельный субкорпус, оставшийся за рамками данного исследования в силу специфичности художественного творчества как объекта лингвистического изучения).

Исследуемый корпус охватывает период, начиная с рубежа XVII–XVIII вв. до настоящего времени. Примечательно, что на долю XXI в., точнее прошедшей пятой части этого столетия, приходится почти 28% общего состава корпуса (102 заголовка из 370), что свидетельствует о как минимум неугасающем интересе к России в постсоветский период, причем в крупноформатном жанре.

Собранный корпус был подвергнут обработке с помощью стандартных корпусных инструментов и ручной разметке по категориям. Номенклатура категорий была предварительно намечена, исходя из общего представления о специфике английского языка, обращенного в область русской культуры [2], и уточнена по результатам анализа ключевых слов корпуса.

Таким образом, методология исследования сочетает методы корпусного анализа с традиционным лингвистическим анализом и с методом опосредованного наблюдения и экстраполяции (МОНЭ) [2, с. 18], направленным на анализ ксенонимов описываемой культуры как универсальной черты языка вторичной культурной ориентации.

Разметка корпуса и категоризация ключевых слов проводилась в формате файла excel, позволяющем статистическую обработку данных, их фильтрацию и корреляцию.

Результаты исследования

Наблюдение 1

Прежде всего обращает на себя внимание относительно высокая стандартизированность структуры заголовков.

Дж. Диллон привлек внимание научной общественности к структуре заголовков научных публикаций заявлением о том, что доминирование заголовков с двоеточием среди опубликованных статей (66%) и превалирование заголовков без двоеточия среди материалов, которым было отказано в публикации (84%), свидетельствует о том, что соблюдение в заголовках двухчастной структуры с двоеточием является важным условием ее публикации, элементом современного научного стиля [5]. И хотя статистика, приводимая Дж. Лупо и Р. Копелманом [9], не подтверждает категорического вывода Дж. Диллона, авторы не оспаривают тезис о распространенности данной модели заголовка.

А. Кинчин, пусть и без излишней категоричности, указывает на то, что подобные двухчастные заголовки, помимо того, что являются своего рода стандартом в некоторых научных областях (прежде всего, в гуманитарных науках), могут способствовать повышению читаемости и цитируемости публикации, поскольку позволяют сочетать информативность с экспрессивностью [7].

Дж. Люисон и Дж. Хартли указывают на то, что подобная структура позволяет удлинить заголовок, включить в него больше смысловых опор и повысить шансы нахождения статьи в ответ на автоматизированные запросы в базы данных, электронные библиотеки и каталоги [8].

В описываемом корпусе Rossica-T отмеченную двухчастную структуру имеет порядка 45% заголовков, причем в большинстве случаев две составляющие заголовка объединяются именно двоеточием.

e.g. #1 *Russia: A Journey to the Heart of a Land and its People*

Второй по распространенности является модель N and N, представленная в 22% заголовках корпуса. В подобных заголовках можно было бы усмотреть аллюзию на такие прецедентные названия русских литературных произведений, как "Война и мир", "Преступление и наказание", "Отцы и дети", если бы конструкция не была столь же прецедентной в англофонной литературе (ср. "Pride and Prejudice", "Dombie and Son").

e.g. #2 *Cossack and czar*

Менее частотна, но также продуктивна модель с союзом OR:

e.g. #3 *Men and things Russian or holiday travels in the lands of the Czar*

Хотя, как можно видеть, более половины заголовков следуют стереотипной структуре, это вовсе не означает, что эти заголовки банальны, а оставшиеся оригинальны.

Так, вряд ли можно счесть очень оригинальным и интригующим заголовок "Travels in Siberia" или "A History of Russia".

Скорее, креативность можно усмотреть в тех заголовках, которые творчески комбинируют описанные выше модели.

Так, приведенный ниже пример включает в себя комбинацию двух конструкций с AND, объединенных OR-конструкцией и отделенное двоеточием пояснение, также обрамленное в AND-конструкцию:

e.g. #4 *The Czar and the Sultan; or Nicholas and Abdul Medjid: their private lives and public actions*

При этом составляющие первой части названия имеют корреляты во второй части: конструкция *The Czar and the Sultan*, называющая официальные титулы главных персонажей, соотносится с *public actions* в пояснении, а *Nicholas and Abdul Medjid*, называющая тех же персонажей по их личным именам, соотносится с *private lives*.

Наблюдение 2

К стереотипному мы также относим эксплицитное указание на жанр произведения, актуализирующее в сознании реципиента жанровый канон и задающее определенный горизонт ожиданий у читателей. Эта черта реализуется в почти 17% заголовков корпуса. Жанровый репертуар относительно богат и включает травелог, биографию, библиографию, мемуар, дневник, путеводитель, впечатления, зарисовки, и некоторые другие.

Но авторы относительно редко ограничиваются указанием на жанр в чистом виде, стремясь выделить свой труд среди прочих, задать некий особый, может быть даже уникальный ракурс или призму рассмотрения.

Так, не довольствуясь указанием на то, что читателю предлагается "история", авторы дополняют эту жанровую квалификацию индивидуализирующими уточнениями, касающимися охватываемого региона, периода, времени написания, способа подачи, рассматриваемого аспекта. Так, читателю предлагаются краткие, интерпретирующие, беспристрастные истории, новые, социальные истории, истории культуры России:

e.g. #5 *The Cold War: a world history*

e.g. #6 *A Short History of Russia: How the World's Largest Country Invented Itself, from the Pagans to Putin*

e.g. #7 *An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy: Written by a British Officer in the Service of the Czar*

e.g. #8 *A new history of the life and reign of the Czar Peter the Great*

e.g. #9 *The Icon and the Axe: an interpretative history of Russian culture*

e.g. #10 *Russia. A Social History*

e.g. #10 *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia*

Наиболее типичными индивидуализирующими уточнениями являются "new" (новый), "true" (истинный), "real" (настоящий), "secret" (тайный), "lost" (утраченный).

Ранг	Абсолютная частотность	Относительная частотность (Keyness)	Эффект (Effect)	Слово
1	128	1225,19	0,0835	russia
2	50	579,82	0,0344	czar
3	36	280,39	0,0242	russian
4	25	275,56	0,0174	tsar
5	33	221,56	0,0218	soviet
6	22	193,17	0,0152	terror
8	13	153,14	0,0091	putin
9	14	149,1	0,0098	muscovy
11	17	127,7	0,0117	peter
12	14	118,97	0,0097	stalin
13	11	112,2	0,0077	ivan

Табл. 1. Десять самых ключевых слов корпуса Rossica-T (AntConc).

Источник: составлено авторами.

Table 1. The ten most keywords of the Rossica-T corpus (AntConc).

Source: compiled by the authors.

Иной способ индивидуализировать свой труд – обозначить особую призму, сквозь которую подана история.

Например, она может быть рассказана глазами иностранца:

e.g. #12 *Muscovy Russia Through Foreign Eyes*

Или британского офицера:

e.g. #13 *An Impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy : Written by a British Officer in the Service of the Czar*

Или ребенка:

e.g. #14 *Fred Markham in Russia, or, the boy travellers in the land of the Czar*

Наблюдение 3

В заголовках авторы часто апеллируют к лингвокультурным стереотипам и укоренившимся образам.

Любовь авторов заголовков к стереотипам можно оценить по удивительной предсказуемости первой десятки ключевых слов корпуса, сформированного с помощью корпусного менеджера AntConc (см. табл. 1). Оговоримся, что под "ключевыми словами" в корпусной лингвистике понимаются слова, которые отличает в данном корпусе нетипичная частотность по сравнению с частотностью в фоновом корпусе ("word with unusual frequency in a given text <...> by comparison with a reference corpus of some kind") [12, с. 236]. Понятие было введено М. Скоттом для выявления слов, "ведущих" себя в корпусе культурно-специфическим образом ("culturally significant ways"), анализ которых позволяет проникнуть в сущность социально значимых концептов ("provide a representation of socially important concepts") [12, с. 233]. Таким образом, фокус на ключевые слова дает нам возможность выявить тот самый особый ракурс, отличающий дискурс Rossica, как он представлен в заголовках. Помимо ключевого характера слова ("keyness") (см. табл. 1, столбец 3) корпусный менеджер указывает дополнительный параметр "effect" (см. табл. 1, столбец 4), указывающий на силу различия между двумя сравниваемыми корпусами в конкретном элементе и выражающим не столько само количественное различие, сколько уверенность в его неслучайном характере [10, с. 70].

В десятке лидеров обращают на себя внимание две в высшей степени предсказуемые группы слов:

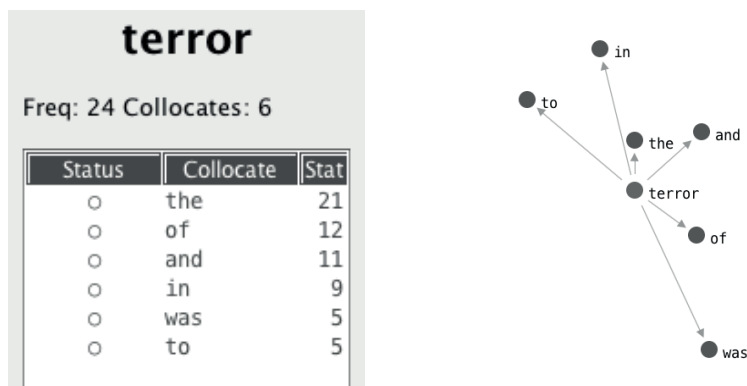

Рис. 1. Визуализация коллокаций для токена "terror" в корпусе Rossica-T, 2 784 слов.

Источник: составлено авторами

Fig 1. Visualization of collocations for the "terror" token in the Rossica-T corpus, 2,784 words.

Source: compiled by the authors

- полный набор названий страны, являющихся главным параметром выделения Rossica: "Russia", "Russian", "Soviet", "Muscovy";

- имена персоналий, так или иначе определявших / определяющих место страны в мировом пространстве и отношение к ней: "Putin", "Peter", "Stalin", "Ivan". Трудно не заметить, что все эти фигуры объединяет стремление к централизации и усилению власти, оцениваемому на западе как тирания или деспотия. И эти персоналии действительно интерпретируются в западной историографии сходным образом. В частности, образ основателя Санкт-Петербурга, фигуры ярко-положительной для нас, оказывается явно негативизированным в англоязычных описаниях.

Оставшиеся ключевые слова также носят неслучайный характер, как будет показано ниже.

Однако при всей предсказуемости ключевых слов, более пристальный анализ позволяет отметить их существенное переосмысление или неожиданное функционирование в дискурсе Rossica.

Одним из таких серьезно переосмысленных столпов-стереотипов является русизм "tsar"/ "czar", являющийся ключевым словом №1 в корпусе Rossica-T (если сложить частотности двух его вариантов) и который лежит в основе расхожего перифрастического наименования "Russia – Land of the Tsar".

Дело в том, что царем может быть назван не только собственно царь или император России, но также и Сталин, и Путин:

e.g. #15 *Stalin: The Court of the Red Tsar*

Анализ Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, COCA) и Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC) позволяет сделать категорический вывод о том, что исконное историко-культурное значение у русизма "tsar"/ "czar" постепенно отходит на задний план, а в семантическое ядро выдвигается значение "носитель неограниченной власти". Дополнительными смысловыми элементами являются деспотический характер власти и часто нелегальная область применения власти.

Эксплуатация данного стереотипа обусловлена не столько стремлением к исторической и культурологической точности, сколько тем, что описанная ресемантизация позволяет с его помощью программировать читательскую интерпретацию, направлять ее в запланированное автором идеологическое русло.

Проиллюстрируем тезис о переосмыслении еще одним примером.

Сравним визуализации коллокатов ключевого слова "terror" в анализируемом корпусе (рис. 1) и классическом Brown corpus (рис. 2).

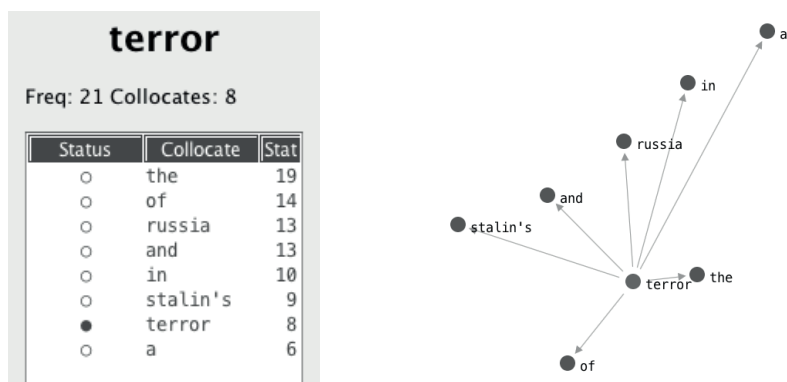

Рис. 2. Визуализация коллокаций для токена "terror" в Brown corpus, 1 005 446 слов.

Источник: составлено авторами

Fig 2. Visualization of collocations for the "terror" token in Brown corpus, 1,005,446 words.

Source: compiled by the authors

Помимо очевидных качественных и количественных различий в наборе коллокатов, следует также обратить внимание на то, что абсолютная частотность токена в сравниваемых корпусах практически совпадает, при том что наш корпус в 50 раз меньше по объему фонового Brown corpus. А если мы добавим к автоматически выдаваемой статистике данные ручной разметки, мы получим увеличение до показателя 33. Это говорит о том, что "terror" занимает гораздо более обширную нишу в дискурсе Rossica по сравнению с общим английским языком, а иной набор коллокатов указывает на то, что занимаемая им ниша попросту не совпадает с нишей "по умолчанию".

Показательно также обращение к стереотипу "Siberia", пусть даже этот русизм не вошел в десятку лидеров, но все равно относится к ключевым словам корпуса.

А. Фрейзер, автор *Travels in Siberia*, описывая этот русизм, отмечает, что Сибирь – это не столько название местности, сколько фигура речи ("Siberia is not the place itself but a figure of speech"), метафора, за которой встает образ холодной земли изгнанников на конце света ("a metaphor for cold, remoteness and exile") [6, с. 3].

Сходным образом рассуждает и А. Вуд, который описывает "Siberia" как "леденящее клише" ("chilling cliché"), слово, рефлексивно вызывающее стереотипные картины заснеженных просторов, сбивающих с ног буранов, морозов, разрушающих даже сталь, и легионы заключенных ("readily stimulates knee jerk responses, stereotyped visions and hackneyed images <...> of great frozen wildernesses, blinding blizzards, steel-shattering frosts, and, of course, legions of fur-wrapped, fettered convicts and political prisoners") [16].

Задействуя подобные стереотипы, автор добивается не просто реакции узнавания по типу "О! Я это знаю", но яркого эмоционального отклика, программирующего дальнейшее восприятие читаемого.

Наблюдение 4

Авторы прибегают к стандартному арсеналу средств выдвижения:

метафоры (e.g. #16 *Black Earth. Russia After the Fall*);

аллюзии (e.g. #17 *Crime and Punishment in the Russian Revolution: Mob Justice and Police in Petrograd*);

синтаксические повторы (e.g. #18 *The land of the Viking and the empire of the tsar*);

лексические повторы (e.g. #19 *Putin's People: How the KGB Took Back Russia and Then Took On the West*);

фонетические повторы (аллитерация) (e.g. #20 *The Degaev affair: Terror and treason in tsarist Russia*);

оксюморон (e.g. #21 *Weak Strongman: The Limits of Power in Putin's Russia*).

Сама частотность этих приемов, большое количество повторений, расхожий набор метафор и прецедентных текстов (точнее обыгрываемых прецедентных за-

головков) не позволяют интерпретировать эту черту как проявление креативности. Скорее, использование этих приемов можно охарактеризовать как стереотипность второго уровня. На это указывает:

- стертый характер метафор, среди которых наиболее частотны RED, WHITE, COLD.

Остальные метафоры также не относятся к авторским:

e.g. #22 *Midnight in Siberia. A Train Journey Into the Heart of Russia*

- стандартный набор прецедентных текстов, одним из наиболее "ключевых" является *Ten Days that Shook the World* (by J. Reed), характерная метафора из которого продолжает "кочевать" из заголовка в заголовок в дискурсе Rossica:

e.g. #23 *The "Russian" Civil Wars, 1916-1926: Ten Years That Shook the World* (2016)

e.g. #24 *Five Years That Shook The World: Gorbachev's Unfinished Revolution* (1991)

e.g. #25 *A Little War That Shook the World: Georgia, Russia, and the Future of the West* (2010)

Не менее востребованным является это прецедентное название и в малоформатном жанре статьи (хотя, подчеркнем, что заголовки статей находятся пока за рамками нашего исследования):

e.g. #26 *One day that shook the Russian banking world* (название статьи в *Financial Times*, October 31, 2017)

e.g. #27 *The Speech that Shook the World* (название статьи в *Los Angeles Times*, February 19, 2006)

Собственно же творческое начало проявляется в комбинировании этих приемов, которые нередко соприкасаются в одном заголовке. Рассмотрим некоторые действительно выделяющиеся примеры.

e.g. #28 *From Russia with Blood: The Kremlin's Ruthless Assassination Program and Vladimir Putin's Secret War on the West*

Приведенный пример отличает развернутость, эмоциональная насыщенность и обилие стилистических приемов, призванных привлечь внимание массового читателя.

Открывает заголовок отсылка к широко известному роману и фильму об Агенте 007 *From Russia with Love*, в котором последний элемент заменен на "Blood". Эта игра "порадует" двояко: узнаванием предтекста и узнаванием стереотипа BLOODY RUSSIA ("кровавой России"). Концепт RUSSIA получает дальнейшее развитие во вводимых ономастических ксенонимах ("Russia", "Kremlin", "Vladimir Putin"), а концепт BLOODY вербализуют элементы "blood", "ruthless", "assassination", "war". Сильное интертекстуальное начало уравновешивает сильный же конец, маркированный аллитерацией "w".

Еще один яркий пример:

e.g. #29 *Koba the Dread: Laughter and the Twenty Million*

Визуально и семантически приведенный выше текст членится на две части, каждая из которых также в свою очередь строится на соотношении, казалось бы, несоотносимого. В отличие от примера #28, где все было предельно ясно и доступно, этот заголовок призван заинтриговать и заставить задуматься. Вероятнее всего, мы имеем один из тех заголовков, которые читатель должен понять ретроспективно:

- Кто такой Koba?

- Какова связь между Koba/ Сталиным и the Dread, прозвищем царя Ивана Грозного?

- Как должны соотноситься Laughter и the Twenty Million, семантически никак не пересекающиеся?

Заголовок призван заставить читателя поставить перед собой эти вопросы и прочитать книгу в поиске ответов на них.

Заключение

Обобщим наши наблюдения на настоящем этапе исследования.

Оценка заголовков Rossica в терминах стереотипности / креативности позволяет выделить три составляющие или уровня текстообразования:

Стереотипность первого (базового) уровня: стандартные общезыковые продуктивные модели, по которым генерируются заголовки;

Стереотипность второго уровня: черты собственно языка Rossica: ксенонимы-русизмы, типовые метафоры, типовой набор прецедентных феноменов;

Креативное начало, позволяющее авторам так манипулировать этими стандартными наборами, чтобы результирующие тексты могли выполнять свое предназначение – аттрактивную и маркетинговую функции.

Возвращаясь к вопросам, обозначенным в начале статьи, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, массового читателя привлекает именно стереотип России, который, нельзя не признать, акцентирует негативные черты, эпизоды, персоналии. Проанализированный корпус Россика-Т убедительно показывает, что на протяжении веков публикации о России как раз способствовали формированию этого стереотипа, вновь и вновь возвращаясь к рекуррентным, прецедентным темам и фигурам, отмеченным в нашем обзоре, в результате чего сложился своего рода дискурсивный канон, регламентирующий как и что можно писать о России.

Во-вторых, мы отметили существенную роль креативного начала, вербализуемого в исследуемом материале на синтаксическом и лексическом уровнях. Однако, привносимая в исследуемые тексты креативность несет в себе ярко выраженные черты ориентации на массового, неэлитарного и неискушенного адресата, о чем свидетельствует повторяемость и предсказуемость стилистических приемов, их небогатый арсенал, при довольно высокой концентрации. Т.е., если рассматривать заголовки как опоры для читательской интерпретации заложенных смыслов и установок, очевидна забота авторов о предельно прозрачной системе маркеров, гарантирующей однозначное прочтение.

В заключение отметим, что, хотя представляемое исследование находится на начальной фазе, уже на текущем этапе работы полученные результаты позволяют отметить, во-первых, особую системность языка Rossica, в котором складываются свои каноны и нормы, а во-вторых, ярко выраженную негативизацию образа России в ее иноязычных описаниях.

Литература

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–24.
2. Кабакчи В. В. Введение в интерлингвокультурологию : Учебное пособие / В. В. Кабакчи, Е. В. Белоглазова. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 250 с.
3. Прошина З. Г. Интерлингвокультурология и контактная вариантология английского языка / З. Г. Прошина // Лингвистика в эпоху глобализации: сборник статей к юбилею Виктора Владимировича Кабакчи / под редакцией Е.В. Белоглазовой. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 86–93.
4. Сергаева Ю. В. Homo creans: творчество в большом и малом / Ю. В. Сергаева // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2012. Т. 13. № 4. С. 247–257.
5. Dillon J. The Emergence of the Colon: An Empirical Correlate of Scholarship // *American Psychologist*. 1981. Vol. 36. P. 879–884. doi: 10.1037/0003-066X.36.8.879
6. Frazier I. *Travels in Siberia*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
7. Kinchin I.M. The importance of an engaging title. or Titular colonicity: is it a factor that influences citation rates? // *Journal of Biological Education*. 2017. Vol. 51, No. 1. P.1–2. doi:10.1080/00219266.2016.1265822
8. Lewison G., Hartley J. What's in a title? Numbers of words and the presence of colons // *Scientometrics*. 2005. No. 63. P. 341–356. doi:10.1007/s11192-005-0216-0
9. Lupo J., Kopelman R. Punctuation and Publishability: A Reexamination of the Colon // *American Psychologist*. 1987. Vol. 42. P. 513. doi: 10.1037/0003-066X.42.5.513.a
10. Mujis D. *Doing quantitative research in education with SPSS (2nd ed.)*. London: Sage, 2010.
11. Russian English: History, Functions, and Features / Z. G. Proshina, E. V. Beloglazova, V. V. Kabakchi [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 328 p.
12. Scott M. PC analysis of key words – and key key words // *System*. 1997. 25(2). P. 233–245.
13. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". Farlex Dictionary of Idioms, Farlex, Inc, 2015. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/he+has+given+a+bad+name+to> (дата обращения: 26.02.2022)
14. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". The American Heritage Dictionary of Idioms by Christine Ammer, The Christine Ammer 1992 Trust, 2003, 1997. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/>

he+has+given+a+bad+name+to(дата обращения: 26.02.2022)

15. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". The Dictionary of Clichés, Christine Ammer, 2013. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/he+has+given+a+bad+name+to> (дата обращения: 26.02.2022)

16. Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991*. London: Bloomsbury Publishing, 2011.

References

1. Arnold I.V. The value of a strong position for the interpretation of a literary text // *Foreign languages at school*. 1978. No. 4. P. 23–24. (In Russ.)
2. Kabakchi V. V. *Introduction to interlinguoculturology: Textbook* / V. V. Kabakchi, E. V. Beloglazova. 2nd ed., rev. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2020. 250 p. (In Russ.)
3. Proshina Z. G. *Interlinguoculturology and contact variantology of the English language* / Z. G. Proshina // *Linguistics in the era of globalization: a collection of articles for the anniversary of Viktor Vladimirovich Kabakchi* / edited by E.V. Beloglazova. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Economics, 2018. P. 86–93. (In Russ.)
4. Sergaeva Yu. V. Homo creans: creativity in big and small / Yu. V. Sergaeva // *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2012. Vol. 13. No. 4. P. 247–257. (In Russ.)
5. Dillon J. The Emergence of the Colon: An Empirical Correlate of Scholarship // *American Psychologist*. 1981. Vol. 36. P. 879–884. doi: 10.1037/0003-066X.36.8.879
6. Frazier I. *Travels in Siberia*. NY: Farrar, Straus and Giroux, 2010.
7. Kinchin I.M. The importance of an engaging title. or Titular coloniality: is it a factor that influences citation rates? // *Journal of Biological Education*. 2017. Vol. 51. No. 1. P.1–2. doi:10.1080/00219266.2016.1265822
8. Lewison G., Hartley J. What's in a title? Numbers of words and the presence of colons // *Scientometrics*. 2005. No. 63. P. 341–356. doi:10.1007/s11192-005-0216-0
9. Lupo J., Kopelman R. Punctuation and Publishability: A Reexamination of the Colon // *American Psychologist*. 1987. Vol. 42. P. 513. doi: 10.1037/0003-066X.42.5.513.a
10. Mujis D. *Doing quantitative research in education with SPSS* (2nd ed.). London: Sage, 2010.
11. *Russian English: History, Functions, and Features* / Z. G. Proshina, E. V. Beloglazova, V. V. Kabakchi [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 328 p.
12. Scott M. PC analysis of key words – and key key words // *System*. 1997. 25(2). P. 233–245.
13. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". Farlex Dictionary of Idioms, Farlex, Inc, 2015. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/he+has+given+a+bad+name+to> (accessed 26.02.2022)
14. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". The American Heritage Dictionary of Idioms by Christine Ammer, The Christine Ammer 1992 Trust, 2003, 1997. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/he+has+given+a+bad+name+to> (accessed 26.02.2022)
15. The Free Dictionary [Internet]. "he has given a bad name to". The Dictionary of Clichés, Christine Ammer, 2013. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/he+has+given+a+bad+name+to> (accessed 26.02.2022)
16. Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581 – 1991*. London: Bloomsbury Publishing, 2011.

Елена Владимировна БЕЛОГЛАЗОВА, д-р. филол. наук, заведующая кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

Наталья Кирилловна ГЕНИДЗЕ, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: genidze.n@unicon.ru

Elena V. BELOGLAZOVA, Doctor of Philological Sciences, Head of the Department of English for Professional Communication, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia, e-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

Natalya K. GENIDZE, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, English Philology and Translation Studies Department, Saint-Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia, e-mail: genidze.n@unicon.ru

Поступила в редакцию

(Received) 27.02.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 20.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Синтаксическое выражение и основные конструкционные модели пояснительных отношений в тюркских языках

Лениза Газинуровна ХАБИБУЛЛИНА

Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия, valievalg@mail.ru

Аннотация. Пояснительные отношения обеспечивают необходимую степень коммуникативности текста, способствуют пониманию информации. В статье проводится исследование смыслового содержания и способов репрезентации пояснительных отношений на материале тюркских языков. Изучение смысловых отношений с параллелями из других родственных языков способствует более глубокому осмыслению пояснительных связей, выявлению общих средств выражения семантики. В ходе научной работы были применены методы лингвистического описания, моделирования и трансформационного анализа, структурно-семантический, сравнительно-сопоставительный методы. В результате проведённого исследования было установлено, что семантико-синтаксическая категория пояснения представляет реализацию пояснительного значения посредством расширения либо сужения объёма информации в синтаксических единицах. Пояснительные отношения связаны с отношениями между внеязыковыми сущностями, которые сопоставляются на какой-либо основе и представляют в репрезентируемой ситуации иерархическую зависимость.

Ключевые слова: тюркские языки, семантико-синтаксическая конструкция, пояснительная семантика, пояснительные отношения, компоненты пояснительной конструкции

Для цитирования: Хабибуллина Л.Г. Синтаксическое выражение и основные конструкционные модели пояснительных отношений в тюркских языках // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 114–119. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/114-119>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/114-119>

Syntactic expression and basic structural models of explanatory relations in Turkic languages

Leniza G. HABIBULLINA

Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, valievalg@mail.ru

Abstract. Explanatory relations provide the necessary degree of communication of the text, contribute to the understanding of information. The article investigates the semantic content and ways of representing explanatory relations on the material of the Turkic languages. The study of semantic relations with parallels from other related languages contributes to a deeper understanding of explanatory connections, the identification of common means of expressing semantics. In the course of scientific work, structural-semantic, comparative methods, methods of linguistic description, modeling and transformational analysis were applied. As a result of the conducted research, it was found that the semantic-syntactic category of explanation represents the implementation of the explanatory meaning by expanding or narrowing the amount of information in syntactic units. Explanatory relations are related to relations between non-linguistic entities that are compared on some basis and represent a hierarchical dependence in the represented situation.

Keywords: Turkic languages, semantic-syntactic construction, explanatory semantics, explanatory relations, components of explanatory construction

For citation: Habibullina L.G. Syntactic expression and basic structural models of explanatory relations in Turkic languages // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 114–119. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/114-119>

В основе пояснительной семантико-синтаксической конструкции лежат логико-мыслительные процессы. Позиция компонентов при этом имеет грамматический смысл: в первой части содержится нуждающееся в пояснении слово, во второй – конкретизируется, дополняется, уточняется содержание первой. Может поясняться как общее содержание первого компонента, так и отдельных его членов.

Компоненты пояснительной конструкции указывают на один и тот же объект, но, по справедливому мнению В. И. Чуглова, в диктумном плане, с сигнификативной точки зрения, названия объектов отличаются. Первое наименование, как считает говорящий, неизвестно адресату, поэтому оно отождествляется с понятным ему другим понятием. "Это позволяет уточнить общее грамматическое значение пояснительных конструкций как значение отождествления первого обозначения со вторым с указанной выше целью" [3, с. 30].

Возникновение пояснительной семантики связано с передачей информации в недостаточном объёме. В свою очередь, неабсолютное совпадение значений компонентов пояснительной конструкции приводит к раскрытию новых свойств и качеств описываемых объектов. "Пояснение – это повторная номинация одного и того же денотата с целью разъяснения. Поясняемый и поясняющий элементы соотносятся с одним референтом" [2, с. 9].

Поясняющие компоненты могут входить в состав простого предложения или выступать в качестве отдельных самостоятельных предложений в составе сложного предложения. Например: тат. *Мәетнең сул ягы буйлап, ишектән түргәчә ике рәт булып, дин әһле – дәверчеләр, фидиячеләр сафланганнар* (Г. Ибраһимов). 'По левую сторону покойника с порога до конца комнаты в два ряда выстроились богословы – исполнители религиозного обычая "дәвер", получатели посмертного пожертвования'; *Атилла хан башын күтәрде һәм һәммәсенә дә күз йөртеп чыкты, бигрәк тә илчеләргә игътибар итте* (М. Хәбибуллин). 'Хан Атилла поднял голову и осмотрел всех, особенно обратил внимание на послов' (простые предложения); *Миңа бирелгән җәза да шуңа тартым, ягъни миң дә коточкыч рухи газәпләр кичерергә хәкел ителде* (А. Тимергалин). 'Данное мне наказание тоже было немного похожим на это, то есть я тоже был приговорён к ужасным душевным страданиям'; *Бу мәлдә Афанасий бөтенләй бүтән нәрсә турында уйлы башлаган иде, дөрөсрәге, ул моны бик тә ачык итеп уйлап өлгергән иде инде* (Н. Акмал). 'К тому времени Афанасий уже начал думать совсем о другом, точнее, он уже успел тщательно всё продумать' (сложные предложения).

В тюркских языках второй компонент пояснительной конструкции может содержать результаты субъективного восприятия действия первого компонента: тат. *Тамагы кипкән Искәндәр автомат янына үтә алмады, дөрөсрәге, чыр-чу килгән бала-чаганы аралап узуну яхшысынмады* (Ф. Латыйфи). 'Искандер, испытывавший жажду, не смог пройти к автомату, точнее, посчитал, что будет нехорошо пройти сквозь толпу шумных ребятишек'. В сложных предложениях с пояснительной семантикой вторая часть может указывать на целевую установку действия первой части: тур. *Makinesi biraktığı yok; daha kotraya girerken resim çekmeye başlamıştı*. 'Не расстаётся с фотоаппаратом, как только поднялся на борт яхты, так стал фотографировать'. Во втором компоненте могут содержаться данные, которые дополняют подлежащее первого компонента или поясняющие семантику явления, выраженного в первом компоненте: тат. *Без – руслар белән татарлар – һәрвакыттагы кеби, тату гына алыш-биреш итеп тора алабыз* (Г. Тукай). 'Мы – русские и татары – можем как всегда дружно вести торговые отношения'; тур. *Nesiller büyür, iş gücü sahibi olur; bunlar içinden yalnız çokça para kazanmağa başlayanlar bizim sokaktan ayrılırlar*. 'Покорения растут, находят себе занятия, только некоторые из них, которые начинают зарабатывать много денег, покидают нашу улицу'.

Компоненты пояснительной конструкции выражают следующие логические отношения тождества:

- равенства (эквивалентности), которое устанавливается между тождественными понятиями, которые являются синонимами: тат. *Ә хакыйкать барыбер өскә чыгарга тиеш, чөнки аннан башка җир йөзөндә хаклык, ягъни дә гаделлек урнаша алмый!..* (Ф. Яхин). 'А истина всё равно должна всплыть, потому что без неё не может установиться правда, то есть справедливость на земле'. В подобных примерах логическое отношение тождества допускает формальную обратимость пояснительной конструкции: *Ә хакыйкать барыбер өскә чыгарга тиеш, чөнки аннан башка җир йөзөндә гаделлек, ягъни хаклык урнаша алмый!..* 'А истина всё равно должна всплыть,

потому что без неё не может установиться справедливость, то есть правда на земле’;

- включения (подчинения), когда объём одного понятия шире объёма другого: тат. *Әхәт кабат Минжән батырны, аңа канат куйган, данлы киләчәгенә ышанган батырны, исенә төшерде* (Р. Галиуллин). ‘Ахат снова вспомнил Минжан батыра, батыра, окрылившего его, верившего в его славное будущее’; башк. *Ана Рауза, миңең һөйөклөм Рауза, мин күңелен тәрән қайғыға һалған Рауза, буш аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, яй ғына атлай*. ‘Вон Рауза, моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову’.

В подобных примерах изменение порядка компонентов может привести к алогизму, необратимости синтаксической конструкции: башк. *Ана миңең һөйөклөм Рауза, мин күңелен тәрән қайғыға һалған Рауза, Рауза, буш аллея буйлап, башын түбән эйгән хәлдә, яй ғына атлай*. ‘Вон моя любимая Рауза, ввергшая мою душу в глубокую скорбь Рауза, Рауза, идет по пустой аллее медленно, низко наклонив свою голову’.

- переkreщивания. Когда объём одного понятия входит в объём другого лишь частично, они являются неабсолютными синонимами, не тождественны по содержанию: гаг. *Илкйазын, майын биткисиндй, гүннәр хептан сыжак башлээрлар олмаа*. ‘Весной, в конце мая, дни начинают становиться совсем жаркими’; карач.-балк. *Ол күн сагъат бешледе, ингирде, ала бизге түбедиле*. ‘В тот день часов в пять, вечером, они встретились с нами’; кум. *Бирдагы кордон буса ярны ягъасында, Ақташны онг янында, ерлешиген болгъан*. ‘Ещё один кордон был расположен на краю обрыва, на правом берегу Акташа’. В этом случае конструкция формально обратима: гаг. *Майын биткисиндй, илкйазын, гүннәр хептан сыжак башлээрлар олмаа*. ‘В конце мая, весной, дни начинают становиться совсем жаркими’ и т. д. Таким образом, изменение порядка следования компонентов пояснительной конструкции не нарушает общего смыслового содержания предложения.

Пояснительные отношения возникают при синтаксической реализации пояснительной семантики посредством расширения либо сужения объёма информации. В семантическом плане поясняющему компоненту характерно более подробное изложение, расширение (от общего к частному) или же обобщение, сужение (от частного к общему) информации в зависимости от коммуникативного фактора. Расширение, как правило, содержит дополнительные сведения: тат. *Кәрван-кәрван булып, Зәңгәр Чишмәнең уртасыннан – байлар мәчете яныннан басу капкасына чаклы тезелгән арбалар безне алып китәргә эзер торалар* (Г. Ибраһимов). ‘Повозки, выстроившиеся караваном с середины деревни – от мечети баев до полевых ворот, готовы забрать нас’.

Сужение служит для концентрации внимания слушающего на актуальном факте, который не выходит за рамки информационного пространства предыдущей синтаксической единицы. Например: тат. *Әмма күңелем кара көздән – язны, бигрәк тә аның чәчәкләрен сагына башлый* (Ф. Яхин). ‘Но в тёмную осень моя душа тоскует по весне, особенно по весенним цветам’; карач.-балк. *Инал, туугъан элинден айырылып, тауда, дорбунда жашайды*. ‘Инал, уехав из родной деревни, живёт в горах, в пещере’.

Компоненты пояснительной конструкции в тюркских языках соединяются при помощи:

- союзных слов, которые обогащают семантику пояснения разными модально-оценочными оттенками: узб. *Унинг бир қизиқ одати бор эди, яъни бизнинг уйларимизга кўп қатнар эди*. ‘У него была одна интересная привычка – он часто бывал у нас’;

- своеобразной, близкой к интонации ожидания, интонации. В подобных бессоюзных сложносочинённых предложениях вторая часть уточняет, раскрывает, конкретизирует или обобщает содержание первой: тат. *Керсәләр, исләре китте, акыллары таралды: камыр сыны, малай булып, кәжә бәтиләре белән уйнап йөри* (Камыр батыр). ‘Они вошли в дом и замерли от удивления: мальчик из теста играет с козлятами’; башк. *Уның донъяһы теуәл: байлық яқшы, тамақ туқ, өҫ бөтөн, ауырлық күрмәй*. ‘У него всё в порядке: состояние хорошее, сыт, обут, трудностей не видит’;

кирг. *Дагы алга карай жылууга эч кандай мүмкүнчүлүк болбоду: ай караңгы, айлана тунт токой; жол қайсы экендигин билип болбойт.* 'Продвигаться вперёд было невозможно: тёмная ночь; кругом густой лес; невозможно различить, где дорога.'

Среди союзных пояснительных конструкций наиболее частотными являются построения с союзным словом *ягни* 'то есть', с помощью которого обеспечивается самое полное выражение тождества: тат. ...*Сөү идеалдыр ул, ягни гарәпчә: максады әкьса* (Г. Тукай). 'Любовь – это, наверное, идеал, то есть по-арабски: наивысшая цель'.

Союзное слово *дөрсрәге* 'точнее' выражает полное тождество объектов: тат. *Картлар үзләреннән үзләре генә картаймый, аларны яшьләр, дөрсрәге, аларның сиңа булган мөнәсәбәте картайта* (М. Маликова). 'Старики не стареют сами по себе, их старит молодёжь, точнее, их отношение к ним'.

В пояснительных конструкциях с союзным словом *аеруча* 'особенно' присутствует семантика включения, поясняемое представляется не в полном объёме, а играет роль частного в содержании всего предложения: кум. *Сиз, онунчу классны охувчулары, айрокьда яхиы охумагьа тарыкьсыз.* 'Вы, учащиеся десятого класса, должны особенно хорошо учиться'.

Словом *масәлән* 'например' в предложение вводится приведённый в пояснение чего-нибудь пример: тат. *Мондый изге эшнәң үз вакыты да булгандыр бит, масәлән, яшьлек чагы...* (Г. Минский). 'У такого святого дела, должно быть, было своё время, например, время молодости...'

Союзное слово *шул исәптән* 'в том числе' имеет семантику присоединения: тат. *Барлык жыелган халык, шул исәптән яшьләр дә, әлеге тәкьдимне шатланып кабул итте.* 'Собравшиеся люди, в том числе и молодые, с радостью приняли это предложение'.

В этом же значении используется конструкция *ул санда / шул санда* 'в том числе'. Например: карач.-балк. *Былайдагыылагьа, ол санда сизге да, ашыкъмазгьа керекди.* 'Всем здешним, в том числе и вам, не нужно торопиться'.

Союзное слово *бигрәк тә* 'особенно' употребляется, когда поясняющий компонент представляет особый, наиболее важный пример: тат. *Алар, бигрәк тә әнкәй, көндәлек тормышта һәрдаим очрап торган һәртөрле мәсьәләләрдә әткәйне үзенең алыштыргысыз киңәшчесе итә белде* (Ф. Яхин). 'Они, особенно мама, сумела сделать отца своим незаменимым советчиком в различных вопросах, постоянно возникающих в повседневной жизни'.

Союзное слово *хәтта* 'даже' выделяет частный признак как неожиданное обстоятельство. Например: тат. *Зарифны тагын үртәде, хәтта чәнчеп тә алды бу сүзләр* (Г. Минский). 'Зарифа снова задела, даже укололи эти слова'.

С помощью поясняющего компонента может поясняться как какое-либо слово в предложении, так и предложение полностью:

- Пояснение отдельного слова: тат. *Маңгаенда аның уч төбедәй генә ак табы – йолдызы бар* (Н. Фәттах). 'У него на лбу есть маленькое белое пятно – звёздочка'; гаг. *Чожук ертеси гүнү гидий гене ораи, о аажа.* 'Парень на следующий день идёт снова туда, к тому дереву'; к.-калп. *Биз, от оратугын машина айдап атырган балалар, Дәниярды биришии рет көрдик* (Ч. Айтматов). 'Мы, работавшие на сенокосилках парни, впервые увидели Данияра'; кум. *Фольклор – халкьны авуз яратывчулугьу – гертилей де, чебер адабиятны анасы йимик зат.* 'Фольклор – устное народное творчество, – действительно, как мать художественной литературы'.

- Пояснение предложения полностью: тат. *Бая гына янгын ураган агачның уты хәзер бөтенләй күренми иде диярлек, дөрсрәге, һәммә тараф күе яңгыр пыяласы артында калды* (Ф. Яхин). 'Сейчас уже почти не было видно пламени ещё совсем недавно горевшего дерева, точнее всё вокруг осталось за стеклом сильного дождя'; *Әмма бу гаиләгә дә бәхет иңде, ачыграк итеп әйткәндә, бәхетсезлек бәхет китерде* (М. Маликова). 'Но и в эту семью пришло счастье, точнее сказать, несчастье принесло счастье'.

Пояснение содержит имплицитную информацию, которая характеризуется различной семантической наполненностью:

1. Пояснение пространственных либо временных координат событий: тат. *Әле күптән түгел генә, моннан ике ел элек, Әминнәрнең өенә ярты чакрымлап ераклыкта иде ул* (К. Әмири). 'Ещё совсем недавно, два года тому назад, это находилось на расстоянии примерно полкилометра от дома Амина'; гаг. *Бурда, стеновозлук одасында, генчләр йазылэрлар, оннары кутлээрлар*. 'Здесь, в зале бракосочетания, молодые расписываются, их поздравляют'; карач.-балк. *Былайда, Асандырланы межгитни аллында, бираз кьарт олтурунду*. 'Здесь, во дворе медресе Асандыровых, сидят несколько стариков'.

2. Добавление к исходной новой информации, которая не дублирует предыдущую: тат. *Кайсы көннәрдә, бигрәк тә кояшлы, тын иртәләрдә, ниндидер кошларның матур гына сайраган авазлары яңгырый* (Э. Касыймов). 'В некоторые дни, особенно в солнечные, тихие утра, слышатся звуки пения каких-то птиц'; гаг. *Гелер о. Атлы гелер, ики киши да – ики салдат та – йаннарында*. 'Приезжает он. Приезжает верхом, а два человека – два солдата – у него с двух сторон'.

3. Пояснение может указывать на конкретное лицо: тат. *Фатыйма апаныз көннәр буе, атналар буе, зарыгып, сөөкле кешедән – очучыдан аваз көтте* (Ә. Баянов). 'Наша тётя Фатима целыми днями, неделями с нетерпением ждала вестей от своего любимого человека – лётчика'; гаг. *Бен ону йүредежәм, дәрмиш, бу чоьжуу, аужилаа*. 'Я его обучу, говорит, этого мальчика, охотничьему делу'.

4. Поясняющий компонент может содержать индивидуализацию, которая выражается через имя собственное: тат. *Фатыйма апаны, күпләрнең сөөкле артисткасын, һәр жирдә һәркайчан таныш булмаган кешеләр дә танып, исәнләшергә, елмаеп сәлам бирергә ашыгалар* (Ә. Баянов). 'Тётю Фатиму, многими любимую актрису, всегда везде узнают, даже незнакомцы спешат поздороваться с ней, улынуться'; гаг. *Бир да баарэр комиуикасына – бабу Катинкайа*. 'И сразу кричит своей соседке, бабке Катинке'; кум. *Полкнү командири – полковник Сулимов – мени обьзюню ягына чакьырды*. 'Командир полка – полковник Сулимов – пригласил меня к себе'.

5. В качестве пояснения может выступать более употребительное название, синоним слова: тат. *Ул башы белән гарепкә (көнбатышка) таба ята* (С. Шакир). 'Он лежит головой в сторону запада (к западу)'.

6. Поясняющий компонент может вводиться для выражения максимальной точности, с целью корректировки: тат. *Картлар мал-мөлкәтне бүләргә керештеләр, доресрәге, үзенә кирәкмәгән айберләрне генә биргән Вафаны жөпләп кенә тордылар* (М. Галәү). 'Старики начали делить имущество, точнее они лишь поддерживали Вафу, который давал только ненужные ему самому вещи'; *Кичен, кояш баеганчы ук, Гөлнәра Рәшитовнаны клубка ияртеп алып барырга дип, күрше кызы Заринә керде* (Ф. Яхин). 'Вечером, еще до захода солнца, для того, чтобы вместе пойти в клуб с Гульнаррой Рашитовой, зашла соседка Зарина'.

7. Пояснение через сопоставление: тат. *Аннары кеше кулыннан килгәнчә хезмәт, ижәт итә, балалар үстәрә, мал-мөлкәт туплый – ягни чирек гасыр буе дөнъяның дилбегәсен ул үз кулында тота* (М. Маликова). 'Потом человек по мере своих сил и возможностей трудится, созидает, растит детей, накапливает имущество – то есть на протяжении четверти века он держит в своих руках вожжи мира'.

Синтаксическая позиция поясняющего компонента в предложении эксплицитно представляется поясняемым компонентом, поэтому его появление не прогнозируется грамматически, определяется различными коммуникативно-прагматическими установками.

Позиция компонентов пояснительной конструкции обладает грамматическим значением. Порядок частей в подобных конструкциях является строго фиксированным и характеризуется обязательной постпозицией зависимого компонента.

Литература

1. Бекмагамбетов Ш. Структурно-семантическая характеристика основных типов пояснительных конструкций в казахском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Алматы, 1993. 25 с.
2. Захарова Л. В. Обособленные второстепенные члены предложения со значением уточнения в современном русском литературном языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 21 с.
3. Чуглов В. И. Осложнённое предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Ярославль, 2012. 45 с.
4. Галләмов Ф. Г. Аныклагычларның белдерелүе, бәйләүче чаралары һәм мәгънә күләме = Выражение, средства связи и семантика поясняющих членов // Тюркологический сборник. Вып. 2. Языки и литература тюркских народов: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции. Елабуга, 2004. С. 14–20.
5. Татар грамматикасы: өч томда / проект җит. һәм автор М. З. Зәкиев. Т. III. Тулыландырылган 2 нче басма. Казан: ТӘҺСИ, 2017. 536 б. = Татарская грамматика: в трёх томах / рук. проекта и автор М. З. Зәкиев. Т. III. Издание 2-е, дополненное. Казань: ИЯЛИ, 2017. 536 с.

References

1. Bekmagambetov Sh. Structural and semantic characteristics of the main types of explanatory constructions in Kazakh language: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Almaty, 1993. 25 p. (In Russ.).
2. Zakharova L. V. Isolated secondary members of a sentence with the meaning of clarification in the modern Russian literary language: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Stavropol, 2008. 21 p. (In Russ.).
3. Chuglov V. I. Complicated sentence: semi-predicative and explanatory constructions in the modern Russian literary language (structural and semantic aspect): abstract of the dissertation of the Doctor of Philology. Yaroslavl, 2012. 45 p. (In Russ.).
4. Gallyamov F. G. Expression, means of communication and semantics of explanatory terms // Turkological collection. Vol. 2. Languages and literature of the Turkic peoples: history and modernity. Materials of the international scientific and practical conference. Elabuga, 2004. P. 14–20. (In Tatar).
5. Tatar grammar: in three volumes / project leader and author M. Z. Zakiev. Vol. III. 2nd edition, expanded. Kazan: IYALI, 2017. 536 p. (In Tatar).

Лениза Газинуровна ХАБИБУЛЛИНА, д-р. филол. наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова АН Республики Татарстан, г. Казань, Россия, e-mail: valievalg@mail.ru

Leniza G. HABIBULLINA, Doctor of Philological Sciences, Researcher, Department of Lexicology and Dialectology, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, e-mail: valievalg@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 28.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 12.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Основные функции 3 de (的, 得, 地) в современном китайском языке

Евгения Викторовна БЕРЕЗА

УМВД России по Амурской области, kravchenko0992@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена описанию основных способов функционирования 3 частиц современного китайского языка – 的(de), 得(de), 地(de), которые были объединены автором в группу структурных частиц 结构助词 (jiégòu zhùcí) в соответствии с выполнением синтаксических функций в предложении, свойственных каждой из них. С помощью метода сплошной выборки и контекстного анализа для каждой функции частиц в произведениях художественной литературы и словарных источниках были найдены соответствующие примеры, раскрывающие ее. В результате автор приходит к выводу об особой важности грамматических значений данных частиц для китайского языка как языка изолирующего типа.

Ключевые слова: китайский язык, частица, синтаксическая функция, 的 (de), 得(de), 地(de), определение, обстоятельство

Для цитирования: Береза Е.В. Основные функции 3 de (的, 得, 地) в современном китайском языке // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 120–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/120-130>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-1/120-130>

Basic Functions of 3 de (的, 得, 地) in modern Chinese

Evgeniia V. BEREZA

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Amur Region, kravchenko0992@mail.ru

Abstract. This article presents the description of the main functioning patterns of the 3 particles in modern Chinese – 的(de), 得(de), 地(de), which were combined by the author into a group of structural particles 结构助词 (jiégòu zhùcí) in accordance with their syntactic functions in the sentence. Using continuous sampling method and contextual analysis, the corresponding examples were found for each function from fiction and dictionaries. As a result, the author comes to the conclusion about a particular importance of the grammatical meanings of the particles for Chinese as an isolating language.

Keywords: chinese, particle, syntactic function, 的(de), 得(de), 地(de), attribute, adverbial modifier

For citation: Bereza E.V. Basic Functions of 3 de (的, 得, 地) in modern Chinese // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 120–130. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/120-130>

Введение

Частицы, как и другие служебные слова, в грамматике китайского языка играют большую роль, чем в языках с развитой морфологией или агглютинативных [24, с. 2; 25, с. 186]. При отсутствии достаточных знаний о функционировании служебных слов возникают сложности с пониманием смысла текста в целом [22, с. 28–29]. Служебные слова наряду с основным средством – порядком слов – играют важную роль формирования синтаксических связей в изолирующих языках. Они позволяют установить синтаксическую связь между словами, которые не могут вступить в нее при прямом соположении, а также позволяют сохранять двустороннюю зависимость между словами в тех случаях, когда нарушается контактность расположения слова [8, с. 297–298]. В. И. Горелов, рассуждая о важной роли синтаксиса в грамматике китайского языка и указывая на значимость порядка слов, называет служебные слова "еще более совершенным синтаксическим средством" [2, с. 13].

Способность китайских частиц выполнять синтаксические функции отличает их от частиц ряда других языков, где они таковой лишены [1, с. 157], что может быть связано с тем, что слова в китайском языке являются результатом синтаксического конструирования, а не единицами словаря [5, с. 527–528]. Помимо синтаксической функции, которая отличает китайские частицы, им свойственно вы-

полнение функций, которые также присущи частицам других языков – внесение в предложение добавочных смысловых значений и экспрессивных оттенков, эмоционально-смысловое выделение, образование форм слов (для китайского языка мы трактуем эту функцию как аналитическая формообразующая) и др. Данный класс слов в китайском языке определяется как слова, которые, присоединяясь к словам, словосочетаниям и предложениям (в пост-/препозиции), выполняют вспомогательную функцию и передают дополнительные грамматические и смысловые значения [17, с. 32; 19, с. 93; 43, с. 189].

Предметом настоящего исследования выступают частицы 的(de), 得(de), 地(de), для которых основной как раз и является специфическая функция китайских частиц – синтаксическая. Она раскрывается в выражении отношений между членами предложения, то есть их структурной связи, и является основной для группы структурных частиц 结构助词 (jiégòu zhùcí). Ввиду важности данной функции для китайского языка, данное исследование представляется актуальным и полезным для преподавания китайского языка, как с практической точки зрения, так и с теоретической. Языковой материал данного исследования может быть использован для разработки различных практических курсов по современному китайскому языку, а выводы способствуют систематизации и обобщению материала по теории служебных слов в китайском языке. Актуальность настоящего исследования также раскрывается в пригодности употребления материалов исследования при переводе как устной, так и письменной речи, ввиду широкого употребления в речи носителей языка исследуемых объектов. Проблема исследования состоит в отсутствии в отечественной синологии достаточного систематизированного материала о функционировании частиц 的(de), 得(de), 地(de), подкрепленного конкретными примерами использования в речи носителей языка. Существующий материал характеризуется хаотичностью, отнесенностью данных элементов языка к различным классам слов и отсутствием примеров их употребления с использованием активной лексики.

В работе поставлена цель с помощью анализа имеющихся материалов отечественных и китайских исследователей о способах функционирования частиц 的(de), 得(de), 地(de), их сопоставления и обобщения, представить описание их основных функций и способов употребления. Методом сплошной выборки были найдены примеры в художественной литературе и словарных источниках. Художественная литература была представлена произведениями современных китайских писателей середины 20 – начала 21 вв. [37] и рассказами, опубликованными в сборнике "Самые лучшие китайские рассказы 2005 г." под редакцией Линь Цзяньфа и Ван Жуна [21]. Словарные источники представлены материалами "Словаря служебных слов китайского языка" [35], "Словаря современного китайского языка" и фундаментальным трудом Люй Шусяна "Восемьсот слов современного китайского языка" [29], [30]. Размер выборки составил около 1000 реализаций частиц в контекстах, из них в качестве иллюстративного материала 66 реализаций было взято в качестве иллюстративных примеров. Для определения функции каждой реализации применялся контекстный анализ.

Обзор группы структурных частиц 结构助词 (jiégòu zhùcí)

Ввиду отсутствия полноценной классификации частиц отечественных исследователей и расхождения в собственно наименовании интересующих нас в рамках данной статьи элементов 的(de), 得(de), 地(de) – грамматическими показателями [9, с. 119], служебными словами [7, с. 13, 104], суффиксами [4, с. 13], настоящее исследование в основном строилось на работах китайских лингвистов, которые отличались достаточной степенью единства мнений и структурированностью предлагаемых классификаций.

Необходимо отметить, что до представления Чжан Чжигуном в середине 20 в. первой структурированной классификации частиц, элементы 的(de), 得(de), 地(de) в работах китайских лингвистов также были объединены в одну группу с общей функцией – выражения отношений между членами предложения [42, с. 40; 6, с. 50]. Классификация Чжан Чжигуна состояла из 3 групп частиц: структурные

结构助词(jiégòu zhùcí), модальные 语气助词(yǔqì zhùcí) и видо-временные 时态助词(shí tài zhùcí). Эта классификация получила широкое распространение. Однако все еще существовали различные мнения по поводу наполненности этих групп. Впоследствии помимо этих трех групп начали появляться новые, а уже существующие группы пополнились новыми элементами [цит. по: 39, с. 3–4].

Нами было рассмотрено 9 структурированных классификаций китайских исследователей [31, с. 35–37; 30, с. 19–20; 28, с. 354; 20, с. 236–237; 47, с. 186; 33, с. 45–46; 14, с. 211, 247; 39, с. 6–7; 11, с. 319–339]. Во всех классификациях была выделена группа структурных 结构助词(jiégòu zhùcí), элементы которой отвечали за образование структурных связей между членами предложения. В данную группу во всех рассмотренных классификациях были включены частицы 的(de), 得(de), 地(de). Стоит обратить внимание на то, что в классификациях, авторы которых придерживаются прототипического подхода в вопросе распределения слов по частям речи, данные элементы были названы прототипами, что говорит об обладании ими набором черт, которые в большей степени свойственны и другим элементам группы [14; 39; 11]. Данный класс частиц используется для уточнения грамматических отношений между словами, которые в других языках могут быть переданы средствами словоизменения [38, с. 196; 34, с. 45; 47, с. 185].

Перейдем к рассмотрению основных способов функционирования каждой de в отдельности.

Способы функционирования частицы 的(de)

При выполнении определительной функции частица 的(de) используется для связи определяемого слова с определением и стоит между ними. Определение может быть выражено существительным, местоимением, прилагательным, глаголом, устойчивым выражением, словосочетанием и предложением [23, с. 270]. Однако иногда частица может быть опущена. Рассмотрим каждый случай отдельно.

1. Определение, выраженное существительным, соединяется с определяемым частицей 的(de). Например:

(1) 那个时代的人就是这样僵化保守.'Люди той эпохи очень консервативные' [45, с. 454].

Когда в качестве определения выступают существительные, соответствующие относительным прилагательным в русском языке (то есть обозначают неизменяемый признак предмета – национальная или государственная принадлежность, язык, опосредованное отношение к материалу, лицу), частица в большинстве случаев опускается [41, с.13]. Например:

(2) 纸盒子 'бумажная коробка';

(3) 木头桌子 'деревянный стол';

(4) 学校老师 'школьный учитель' [35, с. 146];

(5) 我听清了唯一的一句: "是中国人还是日本人?" "Я отчетливо услышал одну фразу: "китаец или японец?" [21, с. 288].

Однако если определяемое слово представляет собой абстрактное словосочетание, то частица 的(de) необходима. Например:

(6) 水的密度 'плотность воды';

(7) 布的质量 'качество ткани';

(8) 书的内容 'содержание книги' [35, с. 146].

2. Определение, выраженное местоимением, соединяется с определяемым частицей 的(de). Например:

(9) 我的心里充满柔软的感情.'Мое сердце наполнено чувством нежности.' [32].

(10) 当然, 哪只松鼠长出了这样的尾巴, 也实属可恨.'Конечно, у какой мыши такой хвост, это возмутительно.' [16].

Если определение выражено личным местоимением, а определяемое слово выражено термином родства или названием учреждения, нет необходимости применять частицу 的(de). Например:

(11) 外校老师要来观摩我们学校的课间活动.'Учитель из другой школы должен перенять опыт внеклассных мероприятий нашей школы.' [21, с. 71].

(12) 我妈妈同意我去李总家. 'Мама согласилась, чтобы я пошел к Ли Цзуну.' [45, с. 601].

3. Когда определение выражено прилагательным, необходимость употребления частицы **的(de)** зависит от количества слогов в его составе. Если в качестве определения выступают двусложные прилагательные, словосочетания с прилагательным или удвоенные односложные прилагательные, наличие **的(de)** обязательно. Например:

(13) 第五个要素是具备良好的心态. 'Пятым фактором является хорошее душевное состояние.' [46, с. 136].

(14) 一个可怜又可爱的孩子. 'Один несчастный и в то же время очень милый ребенок.' [45, с. 286].

(15) 发出了一阵深深的叹息. 'очень глубоко вздохнул' [21, с. 12].

При односложных прилагательных **的(de)** обычно не ставится. Например:

(16) 你有一张好脸, 我却不敢娶你的. 'У тебя доброе лицо, но я не осмелюсь на тебе жениться.' [36].

Однако, по мнению Люй Шусяна, если необходимо выделить данное односложное прилагательное, то возможно употребление частицы **的(de)** после него. Например:

(17) 这是一个新问题: 旧的问题解决了, 又会出现新的问题. 'Это новая проблема: старую проблему уже решили, и снова появилась новая проблема.' [29, с. 133].

Кроме того, если перед односложным прилагательным стоит наречие степени или отрицание, наличие частицы **的(de)** обязательно. Например:

(18) 裤裆上有很大的窟窿. 'На матне была очень большая дырка.' [16].

(19) 因为一旦被任命为常务副书记、常务副市长, 都会在不长的时间内顺利地提升为市委书记或市长. 'Из-за того, что однажды был назначен на должность заместителя секретаря по текущим вопросам, вице-мэра по текущим вопросам, возможно, в кратчайшее время может быть повышен до секретаря горкома или мэра города.' [40].

4. Определение, выраженное глаголом, соединяется с определяемым частицей **的(de)**.

(20) 这是我大学时学的英语. 'Это английский, который я учил в университете.' [35, с. 143].

5. Определение, выраженное двусложным наречием, соединяется с определяемым частицей **的(de)**. Например:

(21) 暂时的困难 'временные трудности'

(22) 万一的机会 'редкий случай' [29, с. 133].

6. Определение, выраженное звукоподражанием, соединяется с определяемым частицей **的(de)**. Например:

(23) 嗖的一个箭步 'огромный прыжок' [29, с. 133].

5. Определение, выраженное устойчивым выражением, словосочетанием, предложной конструкцией и предложением, всегда соединяется с определяемым частицей **的(de)**. Например:

(24) 看见泥江站四周是无边无垠的紫云英地. 'Увидел, что Ницзян со всех сторон окружен бескрайним китайским астрагалом.' [33].

(25) 有一个大胆的女学生离了座位. 'Смелая девушка встала и ушла.' [32].

(26) 对问题的看法, 'мнение по вопросу' [29, с. 133].

(27) 还是没有把李光头送给他的手表拿出来. 'Но все же не достал часы, которые ему дарил Ли Гуантоу.' [45, с. 453].

Употребление частицы в некоторых словосочетаниях с раздельно-слитными глаголами также может рассматриваться как выполнение определительной функции частицы. В данном случае частица ставится после определения к объектной части слитно-разделительного глагола. Например:

(28) 帮我的忙 'помоги мне'

(29) 戒了五年的烟 'уже 5 лет как бросил курить' [35, с. 144].

При наличии в предложении нескольких определений, при отсутствии влияния на понимание структурных связей, необходимо оставить одну частицу **的(de)**

для того, чтобы лексически не нагружать его. Обычно остается **的(de)** после глагольных конструкций и качественных прилагательных. Кроме того, необходимо соблюдать особый порядок следования определений: 1) притяжательное местоимение или существительное; 2) время; 3) место; 4) количество или указательное местоимение; 5) глагольное и предложное словосочетание; 6) качественное прилагательное; 7) относительное прилагательное и качественное односложное [23, с. 272, 274].

Следующая функция частицы **的(de)** – субстантивирующая. Субстантивация – это переход слова в класс существительных, является одним из видов транспозиции, под которой подразумевается переход из одной части речи в другую или его употребление в функции другой части речи [10, с. 517]. При выполнении данной функции частица **的(de)** субстантивирует слово или словосочетание, не имеющее предметного значения, что дает возможность использовать его в качестве именного члена предложения. Например:

(30) 两个小孩子, 大的八岁, 小的三岁. 'Двое детей, старшему 8 лет, младшему 3 года' [30, с. 159].

(31) 游泳的很多. 'Плавающих много.' [30, с. 159].

В приведенных примерах прилагательное (30) и глагол (31) выступают в качестве подлежащего, это им позволяет сделать частица **的(de)**, которая выполняет роль своего рода заместителя слова, всегда означающего человека или предмет.

Субстантивировать можно не только отдельное слово, но и словосочетание или предложение, которое будет выполнять роль именного члена предложения. Например:

(32) 你用这个杯子, 那个是吃药的. 'Используй этот стакан, тот для приема лекарств' [30, с. 160].

(33) 你说的是夏天他怎么会穿黑皮夹克呢? 'Ты говоришь, как он сможет летом надевать черный кожаный пиджак?' [33]

Частица **的(de)** также может выполнять функцию заместителя слова после именных частей речи, когда понятно, о чем идет речь и есть возможность опустить слово во избежание повтора. Например:

(34) 他的行李多, 我的少. 'Его багажа много, моего мало' [30, с. 159].

(35) 我的笔忘带了, 借你的使使. 'Я забыл ручку, одолжу твою.' [30, с. 159].

Перейдем к рассмотрению других аспектов употребления частицы.

В устойчивых выражениях после существительного, глагола и прилагательного частица **的(de)** подчеркивает причину, условие. Например:

(36) 大白天的, 还怕找不到路? 'Сейчас же день, и ты боишься, что дорогу не найдешь?' [29, с. 139] (Подчеркивается, что сейчас еще совсем светло, как можно не найти дорогу).

В качестве дополнительных функций частицы можно привести ее употребление после прилагательных, употребленных в форме повтора, и устойчивых выражений, обозначающих состояние, позволяя использовать их в качестве сказуемого [28, с. 356–358]. Например:

(37) 这类课堂纠纷是天天都有, 司空见惯的. 'Такие ссоры в классе каждый день происходят, это обычное явление.' [18].

(38) 眼神儿平平淡淡的. 'Взгляд равнодушный.' [27].

Способы функционирования частицы 得(de)

Структурная частица **得(de)** присоединяет к глаголу различные постпозитивные обстоятельства. Она не только обозначает качественную характеристику действия или процесса, но и указывает на их оценку. Постпозитивное обстоятельство всегда следует непосредственно за сказуемым, которое выражено глаголом или прилагательным [47, с. 190].

Частица **得(de)** оформляет:

1) обстоятельство образа действия:

(39) 湖水因此变得粘稠. 'Вода в озере из-за этого стала вязкой.' [16].

2) обстоятельство степени:

(40) 门第当然要高得多 'статус семьи, конечно, должен быть намного выше' [26].

3) обстоятельство результата:

(41) 疼得直流泪 'больно до слез' [21, с. 152].

Между сказуемым и постпозитивным обстоятельством не может стоять никакой другой член предложения. Поэтому при наличии прямого дополнения после сказуемого необходимо дублировать сказуемое или вынести прямое дополнение вперед [14, с. 218]. Например:

(42) 他唱歌唱得真好极了. 'Он очень хорошо поет песни.' [29, с. 141].

(43) 他这话说得有趣极了. 'Он сказал это очень забавно.' [45, с. 94]

Особенностью предложений с постпозитивным обстоятельством является то, что при вопросе с повтором сопологается положительная и отрицательная форма не сказуемого, а обстоятельства.

Частица **得(de)** также обозначает возможность достижения результата действия. При выполнении данной функции частица употребляется между:

а) глаголом и результативной морфемой:

(44) 不一定听得见除非竖着耳朵听. 'Может и мог не услышать, только если уши специально не 'поднял'. [18].

(45) 听得懂 'понять на слух' [21, с. 115].

б) глаголом и модификатором:

(46) 什么事情都干得出. 'Любые дела можно сделать' [27].

Данная частица обладает и некоторыми особыми свойствами:

а) употребляется в конструкциях: односложный глагол + **得(de)**, односложный / двусложный глагол + **不得(de)**, прилагательное + **不得(de)**, выражая возможность, разрешение, например:

(47) 酸葡萄吃得. 'Кислый виноград возможно есть.' [35, с. 150].

(48) 对他轻不得. 'Для него не может быть легко.' [21, с. 150].

(49) 躺在地上动弹不得. 'Лежать на кровати без возможности шевелиться.' [21, с. 315].

б) употребляется в конструкции: глагол + **得(de)** + 个 + прилагательное / устойчивое выражение / идиома). Выражает результат. Например:

(50) 淋得个落汤鸡 'промокнуть, как мокрая курица' [35, с. 151].

В современном китайском языке уже сложились устойчивые выражения с использованием данной частицы: **对得起** 'уважать', **称得起** 'в праве называться / можно считать'; **过得去** 'терпимо'; в отрицательной форме частица **得(de)** заменяется **不**.

Следует обратить внимание, что в словах: **记得** 'помнить', **认得** 'признавать', **晓得** 'знать', **觉得** 'чувствовать', **显得** 'казаться', **值得** 'стоять', **省得** 'во избежание', **免得** 'избежать' **得(de)** не является частицей, это часть двусложного слова [29, с. 142].

Способы функционирования частицы **地(de)**

Структурная частица **地(de)** оформляет обстоятельство, которое стоит перед сказуемым. Например:

(51) 宋铜见到了这三个人兴奋地叫了起来. 'Сун Тун, увидев этих трех человек, взволнованно закричал.' [45, с. 49].

(52) 我父母居然破天荒地不再要求我早点关灯. 'Мои родители вопреки всем ожиданиям больше не требовали, чтобы я раньше выключал свет.' [44].

Рассмотрим способы употребления данной частицы.

1. С прилагательными: всегда оформляет двусложные прилагательные, с односложными обычно не употребляется. Однако если односложные и двусложные прилагательные в форме повтора, то использование частицы факультативно [28, с. 512, 513, 515]. Например:

(53) 我妩媚地摇摇头. 'Я кокетливо покачала головой.' [44].

(54) 母亲软软地叫道: "来呀, 多多." 'Мать мягко позвала: "Иди сюда, Додо.' [12].

(55) 请你一定要好好珍惜. 'Пожалуйста, хорошенько береги.' [13].

(56) 只想痛痛快快地吃一顿. 'Хочу только лишь быстро поесть' [27].

(57) 那两个孩子眼巴巴地等待着. 'Тот ребенок нетерпеливо ждал.' [18].

2. Частица всегда оформляет глагол, существительное, устойчивое выражение и сравнительные конструкции. Например:

(58) 我发狠地瞪了他一眼. 'Я гневно посмотрела на него.' [35, с. 139].

(59) 他部分地解决这个问题. 'Он частично разбирается в этом вопросе.' [29, с. 137].

(60) 面无表情地望着王连方 'с каменным лицом смотреть на Ван Ляньфана'. [15].

(61) 像年轻人一样地矫 'проявлять смелость, как молодой человек' [29, с. 137].

3. С субъектно-предикативными словосочетаниями и звукоподражаниями – факультативное использование. Однако односложные звукоподражания всегда оформляются частицей. Например:

(62) 他们手牵手 (地) 走进来了. 'Они зашли, взявшись за руки.' [35, с. 140].

(63) 旗子哗啦啦 (地) 飘着 'Флаг развевается (со звуком всплеска).'" [35, с. 140].

(64) 我啪地挂断了电话. 'Я повесил трубку (со звуком удара 'хлоп').' [33].

4. С наречием данная частица обычно не употребляется:

(65) 这使我非常高兴. 'Это меня очень обрадовало.' [16].

(66) 竟会突然来了这么一个考察组. 'Вдруг неожиданно прибыла такая исследовательская группа.' [40].

Заключение

Таким образом, ввиду принадлежности китайского языка к языкам изолирующего типа, которые характеризуются слаборазвитой морфологией, значение служебных слов возрастает по сравнению с языками иного строя. Частицы как полифункциональный класс служебных слов как в общем, так и в китайском языкознании, признаются значимыми по причине выполнения важнейших функций разного порядка – как грамматических, так и семантических. Как некогда отметил А. В. Добиаш: "Эти так называемые "маленькие слова" являются незначительными только "по внешнему виду, а не по задачам в языке"" [3, с. 512–513].

Китайские частицы отличает от частиц других языков возможность связывать между собой члены предложения и выражать отношения между компонентами высказывания, то есть выполнять синтаксические функции. Синтаксическая функция является основной для группы структурных частиц китайского языка 结构助词 (jiégòu zhùcí), прототипическими элементами которой являются 3 частицы de – 的(de), 得(de), 地(de).

В результате исследования выявлено, что основными функциями частицы 的(de) являются оформление определения и субстантивирование, причем при оформлении определения частица в некоторых случаях может быть опущена. Основная функция частицы 得(de) – это обозначение постпозитивного обстоятельства, которое может обозначать образ действия, степень и результат, при этом важным является указание не только качественной характеристики действия или процесса, но и его оценка. Частица 地(de), напротив, обозначает препозитивное обстоятельство. Необходимо отметить, что в некоторых случаях допускается факультативное использование данной частицы. Помимо основных функций, частицы 的(de) и 得(de) выполняют некоторые дополнительные и обе входят в ряд устойчивых конструкций. Кроме того, 的(de) позволяет употреблять прилагательные в форме повтора и устойчивые выражения в качестве сказуемого, а 得(de) обозначает результат достижения действия, употребляясь в качестве инфикса.

Все это свидетельствует о том, что три частицы de – 的, 得, 地 – в современном китайском языке выполняют важнейшие грамматические функции, которые помогают соединять между собой компоненты предложения. Владение основными функциями и способами употребления данных частиц позволит легко перевести высказывание и построить предложение на китайском языке.

Литература

1. Алпатов В. М. Слово и части речи. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. 256 с.
2. Горелов В. И. Теоретическая грамматика китайского языка. М.: Просвещение, 1989. 318 с.
3. Добиаш А. В. Опыт синтаксической грамматики частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага: тип. др. Э.Грегера, 1897. 544 с.
4. Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.: АН СССР, 1952. 231 с.
5. Касевич В. Б. Труды по языкознанию: в 2 т. / под ред. Ю. А. Клейнера. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. Т. 1. 664 с.
6. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. М.: Изд-во Вост. лит., 1961. Т. 1: Слово и предложение. 266 с.
7. Мощенко И. А. Грамматика китайского языка в таблицах / А. И. Мощенко, А. А. Острогская, Е. М. Сорокина. М.: Изд-во ВКН, 2018. 160 с.
8. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: изд. фирма "Вост. лит." РАН, 1995. 352 с.
9. Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики: Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка). М.: Языки славянской культуры, 2002. 896 с.
10. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд. М.: "Большая Российская энциклопедия", 1998. 685 с.
11. Xing Fuyi. Modern Chinese Grammar: A Clause-Pivot Approach. London: Routledge, 2017. 666 p.
12. 啊来. 尘埃落定(1998年) // 作品集 (сайт) = А Лай. Пыль осела (1998 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://alai.zuopin.com/2737/109537.html> (дата обращения: 11.07.2015).
13. 白落梅. 人生何处不离人 (2011年) // 作品集 (сайт) = Бай Ломэй. В жизни нигде не избежать людей (2011 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://bailuomei.zuopin.com/5181/> (дата обращения: 21.08.2015).
14. 白晓红. 汉语虚词15讲. 北京:北京语言大学出版社, 2007. 315页 = Бай Сяохун. Пятнадцать лекций по служебным словам китайского языка. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2007. 315 с.
15. 毕飞宇. 玉米 (2008年) // 作品集 (сайт) = Би Фэйюй. Юй Ми (2008 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://bifeiyu.zuopin.com/4884/> (дата обращения: 09.08.2015).
16. 王小波. 2015 (2012年) // 作品集 (сайт) = Ван Сяобо. 2015 (2012 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://wangxiaobo.zuopin.com/3093/> (дата обращения: 21.07.2015).
17. 王自强. 现代汉语虚词小词典. 上海:上海辞书出版社, 1984. 324页 = Ван Цзыцян. Малый словарь служебных слов современного китайского языка. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ., 1984. с. 239.
18. 王朔. 我是你爸爸 (1991年) // 作品集 (сайт) = Ван Шо. Я твой папа (1991 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://wangshuo.zuopin.com/2589/> (дата обращения: 29.06.2015).
19. 高更生. 汉语语法研究. 济南:山东人民出版社, 2008. 321页 = Гао Гэншэн. Исследование грамматики китайского языка. Цзинань: Шаньдун жэньминь чубаньшэ, 2008. 321 с.
20. 郭锐. 现代汉语词类研究. 北京:商务印书馆, 2002. 336页 = Го Жуй. Исследование частей речи современного китайского языка. Пекин: Шан'у иньшугуань, 2002. 336 с.
21. 林建法. 2005中国最佳短篇小说 / 林建法, 王荣. 沈阳:辽宁人民出版社, 2006. 514页 = Линь Цзяньфа. Самые лучшие китайские рассказы 2005 года / Линь Цзяньфа, Ван Жун. Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ, 2006. 514 с.
22. 林玉山. 汉语语法学史. 湖南:教育出版社, 1983. 359页 = Линь Юйшань. История грамматики китайского языка. Хунань: Цзяюй чубаньшэ, 1983. 393 с.
23. 卢福波. 对外汉语教学实用语法. 北京:北京语言大学出版社, 2011. 451页 = Лу Фубо. Практическая грамматика в преподавании китайского языка как иностранного. Пекин: Бэйцзин юйянь дасюэ чубаньшэ, 2011. 451 с.
24. 陆俭明. 现代汉语虚词散论. 北京:语文出版社, 1999. 277页 = Лу Цзяньмин. Отдельные исследования служебных слов современного китайского языка. Пекин: Юйвэнь чубаньшэ, 1999. 277 с.
25. 陆俭明. 现代汉语语法研究教程. 北京:北京大学出版社, 2013. 354页 = Лу Цзяньмин. Исследования по грамматике современного китайского языка. Учебник. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2013. 354 с.
26. 路遥. 平凡的世界 (1986年) // 作品集 (сайт) = Лу Яо. Обычный мир. (1986 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://luyao.zuopin.com/1024/> (дата обращения: 02.04.2015).
27. 刘恒. 黑的雪 (1988年) // 作品集 (сайт) = Лю Хэн. Черный снег (1988 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://liuheng.zuopin.com/2776/> (дата обращения: 13.07.15).
28. 刘月华. 实用现代汉语语法 / 刘月华, 潘文娣. 北京:商务印书馆, 2002. 1003页 = Лю Юэхуа. Практическая грамматика современного китайского языка / Лю Юэхуа, Пань Вэньюй. Пекин: Шан'у иньшугуань, 2012. 1003 с.
29. 吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京:商务印书馆, 1996. 668页 = Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка. Пекин: Шан'у иньшугуань, 1996. 668 с.
30. 吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京:商务印书馆, 1999. 760页 = Люй Шусян. Восемьсот слов современного

китайского языка. Пекин: Шан`у иньшугуань, 1999. 668 с.

31. 马真. 简明实用汉语语法教程. 北京: 北京大学出版社, 1988. 245 页 = Ма Чжэнь. Краткий курс практической грамматики китайского языка. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1988. 245 с.

32. 莫言. 十三步 (1993 年) // 作品集 (сайт) = Мо Янь. 13 шагов (1993 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://moyan.zuopinj.com/1007/> (дата обращения: 30.03.2015).

33. 苏童. 世界两侧 (1993 年) // 作品集 (сайт) = Су Тун. Две стороны мира (1993 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://sutong.zuopinj.com/2861/> (дата обращения: 15.07.2015).

34. 房玉清. 实用汉语语法. 北京: 北京大学出版社, 2001. 437 页 = Фан Юйцин. Практическая грамматика китайского языка. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2001. 437 с.

35. 侯学超. 现代汉语虚词词典. 北京: 北京大学出版社, 1998. 800 页 = Хоу Сюэчао. Словарь служебных слов современного китайского языка. – Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 1998. 800 с.

36. 贾平凹. 白夜 (2012 年) // 作品集 (сайт) = Цзя Пинва. Белая ночь (2012 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://jiapingwa.zuopinj.com/2479/> (дата обращения: 17.06.2015).

37. 作品集: 小说作家作品集网站 = Сборник произведений: Общий сайт сборников произведений писателей рассказов (сайт). URL: <http://zuopinj.com> (дата обращения: 01.09.2015)

38. 张斌. 现代汉语虚词 / 张斌, 张谊生. 上海: 华东师范大学出版社, 2000. 315 页 = Чжан Бинь. Служебные слова современного китайского языка / Чжан Бинь, Чжан Ишэн. Шанхай: Хуадун шифан дасюэ чубаньшэ, 2000. 315 с.

39. 张谊生. 助词与相关格式. 合肥: 安徽教育出版社, 2002. 384 页 = Чжан Ишэн. Частицы и их конструкции. Хэфэй: Аньхуэй цзяюй чубаньшэ, 2002. 384 с.

40. 张平. 国家干部 (2004 年) (Чжан Пин. Государственные кадры (2004 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://zhangping.zuopinj.com/2783/> (дата обращения: 14.07.2015).

41. 张陪陪. 结构助词 “的, 得, 地” 在汉语习得过程中的偏误分析及教学对策. 硕士学位论文. 郑州大学, 2016. 33 页 = Чжан Пэйпэй. Политика преподавания и анализ ошибок при использовании структурных частиц “的, 得, 地” в процессе овладения языком: магистерская диссертация. Ун-т. г. Чжэнчжоу, 2016. 33 с.

42. 朱德熙. 语法讲义. 北京: 商务印书馆, 1999. 231 页 = Чжу Дэси. Лекции по грамматике. Пекин: Шан`у иньшугуань, 1999. 231 с.

43. 朱一之. 现代汉语语法术语词典. 北京: 华语教学出版社, 1990. 501 页 = Чжу Ичжи. Терминологический словарь грамматики современного китайского языка. Пекин: Хуаюй цзясюэ чубаньшэ, 1990. 501 с.

44. 池莉. 所以 (2012 年) // 作品集 (сайт) = Чи Ли. Поэтому (2012 г.) // Сборник произведений (сайт). URL: <http://chili.zuopinj.com/915/> (дата обращения: 24.03.2015).

45. 余华. 兄弟. 上海: 文艺出版社, 2005. 735 页 = Юй Хуа. Братья. Шанхай: Вэньи чубаньшэ, 2005. 735 с.

46. 俞敏洪. 梦在青春在. 北京: 群言出版社, 2014. 256 页 = Юй Миньхун. Мечты и молодость. Пекин: Цюньян чубаньшэ, 2014. 256 с.

47. 杨玉玲. 现代汉语语法问答 / 杨玉玲, 应晨锦. 北京: 北京大学出版社, 2011. 266 页 = Ян Юйлин. Ответы на вопросы по грамматике современного китайского языка. Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ, 2011. 266 с.

References

1. Alpatov V. M. Word and parts of speech. Moscow: YaSK Publishing House, 2018. 256 p. (In Russ.)
2. Gorelov V. I. Theoretical grammar of the Chinese language. M.: Pro-sveshchenie, 1989. 318 p. (In Russ.)
3. Dobiash A. V. The experience of simasiology of parts of speech and their forms on the basis of the Greek language. Prague: type. Dr. E. Gregra, 1897. 544 p. (In Russ.)
4. Dragunov A. A. Research on the grammar of the modern Chinese language. M.: AS USSR, 1952. 231 p. (In Russ.)
5. Kasevich V. B. Works on linguistics: in 2 volumes / ed. Yu. A. Kleiner. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University, 2006. Vol. 1. 664 p. (In Russ.)
6. Lu Shuxiang. Essay on Chinese grammar. M.: Publishing house Vost. lit., 1961. Vol. 1: Word and sentence. 266 p. (In Russ.)
7. Moshchenko I. A. Chinese grammar in tables / A. I. Moshchenko, A. A. Ostrogskaia, E. M. Sorokina. M.: VKN Publishing House, 2018. 160 p. (In Russ.)
8. V. M. Solntsev, Introduction to the theory of isolating languages. M.: "Vost. lit." RAS, 1995. 352 p. (In Russ.)
9. Tan Aoshuang. Problems of hidden grammar: Syntax, semantics and pragmatics of the language of the isolating system (on the example of the Chinese language). M.: Languages of Slavic culture, 2002. 896 p. (In Russ.)
10. Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary / ed. V. N. Yartseva. 2nd ed. M.: "Great Russian Encyclopedia", 1998. 685 p. (In Russ.)
11. Xing Fuyi. Modern Chinese Grammar: A Clause-Pivot Approach. London-don: Routledge, 2017. 666 p.
12. 啊来. 尘埃落定 (1998 年) // 作品集 (website) = Ah Lai. The dust has settled (1998) // Collection of works (website). URL: <http://alai.zuopinj.com/2737/109537.html> (accessed 11.07.2015). (In Chin.)
13. 白落梅. 人生何处不离人 (2011 年) // 作品集 (website) = Bai Lomei. In life, people cannot be avoided anywhere (2011) // Collection of works (website). URL: <http://bailuomei.zuopinj.com/5181/> (accessed

21.08.2015). (In Chin.)

14. 白晓红. 汉语虚词15讲. 北京:北京语言大学出版社, 2007. 315页 = Bai Xiaohong. Fifteen lectures on functional words of the Chinese language. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2007. 315 p. (In Chin.)

15. 毕飞宇. 玉米 (2008年) // 作品集 (website) = Bi Feiyu. Yu Mi (2008) // Collection of works (website). URL: <http://bifeiyu.zuopin.com/4884/> (accessed 09.08.2015). (In Chin.)

16. 王小波. 2015 (2012年) // 作品集 (website) = Wang Xiaobo. 2015 (2012) // Collection of works (website). URL: <http://wangxiaobo.zuopin.com/3093/> (accessed 21.07.2015). (In Chin.)

17. 王自强. 现代汉语虚词小词典. 上海:上海辞书出版社, 1984. 324页 = Wang Ziqiang. Small Dictionary of Functional Words of Modern Chinese. Shanghai: Shanghai tsishu chubanshe., 1984. p. 239. (In Chin.)

18. 王朔. 我是你爸爸 (1991年) // 作品集 (website) = Wang Shuo. I am your dad (1991) // Collection of works (website). URL: <http://wangshuo.zuopin.com/2589/> (accessed 29.06.2015). (In Chin.)

19. 高更生. 汉语语法研究. 济南:山东人民出版社, 2008. 321页 = Gao Gengsheng. Study of the grammar of the Chinese language. Jinan: Shandong Renmin Chubanshe, 2008. 321 p. (In Chin.)

20. 郭锐. 现代汉语词类研究. 北京:商务印书馆, 2002. 336页 = Guo Rui. Study of the parts of speech of modern Chinese. Beijing: Shang'u inshuguan, 2002. 336 p. (In Chin.)

21. 林建法. 2005中国最佳短篇小说 / 林建法, 王荣. 沈阳: 辽宁人民出版社, 2006. 514页 = Lin Jianfa. The best Chinese stories of 2005 / Lin Jianfa, Wang Rong. Shenyang: Liaoning Renmin Chubanshe, 2006. 514 p. (In Chin.)

22. 林玉山. 汉语语法学史. 湖南: 教育出版社, 1983. 359页 = Lin Yushan. History of Chinese grammar. Hunan: Jiaoyu chubanshe, 1983. 393 p. (In Chin.)

23. 卢福波. 对外汉语教学实用语法. 北京:北京语言大学出版社, 2011. 451页 = Lu Fubo. Practical Grammar in Teaching Chinese as a Foreign Language. Beijing: Beijing yuyan daxue chubanshe, 2011. 451 p. (In Chin.)

24. 陆俭明. 现代汉语虚词散论. 北京: 语文出版社, 1999. 277页 = Lu Jianming. Separate studies of functional words of the modern Chinese language. Beijing: Yuwen Chubanshe, 1999. 277 p. (In Chin.)

25. 陆俭明. 现代汉语语法研究教程. 北京: 北京大学出版社, 2013. 354页 = Lu Jianming. Studies in the grammar of the modern Chinese language. Textbook. Beijing: Beijing Daxue Chubanshe, 2013. 354 p. (In Chin.)

26. 路遥. 平凡的世界 (1986年) // 作品集 (website) = Lu Yao. Ordinary world. (1986) // Collection of works (website). URL: <http://luyao.zuopin.com/1024/> (accessed 02.04.2015). (In Chin.)

27. 刘恒. 黑的雪 (1988年) // 作品集 (website) = Liu Heng. Black snow (1988) // Collection of works (website). URL: <http://liuheng.zuopin.com/2776/> (accessed 13.07.15). (In Chin.)

28. 刘月华, 潘文焯. 现代汉语语法教程. 北京: 商务印书馆, 2002. 1003页 = Liu Yuehua. Practical Grammar of Modern Chinese / Liu Yuehua, Pan Wenyu. Beijing: Shang'u Yingshuguan, 2012. 1003 p. (In Chin.)

29. 吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京:商务印书馆, 1996. 668页 = Lu Shuxiang. Eight hundred words of modern Chinese. Beijing: Shang'u Yin-Shuguan, 1996. 668 p. (In Chin.)

30. 吕叔湘. 现代汉语八百词. 北京:商务印书馆, 1999. 760页 = Lu Shuxiang. Eight hundred words of modern Chinese. Beijing: Shang'u Yin-Shuguan, 1999. 668 p. (In Chin.)

31. 马真. 简明实用汉语语法教程. 北京:北京大学出版社, 1988. 245页 = Ma Zhen. A short course in practical Chinese grammar. Beijing: Peijing daxue chubanshe, 1988. 245 p. (In Chin.)

32. 莫言. 十三步 (1993年) // 作品集 (website) = Mo Yan. 13 steps (1993) // Collection of works (website). URL: <http://moyan.zuopin.com/1007/> (accessed 30.03.2015). (In Chin.)

33. 苏童. 世界两侧 (1993年) // 作品集 (website) = Su Tong. Two sides of the world (1993) // Collection of works (website). URL: <http://sutong.zuopin.com/2861/> (accessed 15.07.2015). (In Chin.)

34. 房玉清. 实用汉语语法. 北京:北京大学出版社, 2001. 437页 = Fang Yuqing. Practical grammar of the Chinese language. Beijing: Peijing daxue chubanshe, 2001. 437 p. (In Chin.)

35. 侯学超. 现代汉语虚词词典. 北京:北京大学出版社, 1998. 800页 = Hou Xuechao. Dictionary of functional words of modern Chinese. Beijing: Peijing daxue chubanshe, 1998. 800 p. (In Chin.)

36. 贾平凹. 白夜 (2012年) // 作品集 (website) = Jia Pingwa. White Night (2012) // Collection of works (website). URL: <http://jiapingwa.zuopin.com/2479/> (accessed 17.06.2015). (In Chin.)

37. 作品集: 小说作家作品集合网站 = Collection of works: A general website for collections of short story writers' works (website). URL: <http://zuopin.com> (accessed 01.09.2015) (In Chin.)

38. 张斌. 现代汉语虚词 / 张斌, 张谊生. 上海:华东师范大学出版社, 2000. 315页 = Zhang Bin. Functional words of the modern Chinese language / Zhang Bin, Zhang Yisheng. Shanghai: Huadong sifang daxue chubanshe, 2000. 315 p. (In Chin.)

39. 张谊生. 助词与相关格式. 合肥:安徽教育出版社, 2002. 384页 = Zhang Yisheng. Particles and their designs. Hefei: Anhui jiaoyu chubanshe, 2002. 384 p. (In Chin.)

40. 张平. 国家干部 (2004年) (Zhang Ping. Government personnel (2004) // Collection of works (website). URL: <http://zhangping.zuopin.com/2783/> (accessed 14.07.2015). (In Chin.)

41. 张陪陪. 结构助词的“的, 得, 地”在习得过程中的偏误分析及教学对策硕士学位论文论文 郑州大学, 2016. 33页 = Zhang Papey. Teaching policy and error analysis when using structural particles "的, 得, 地" in the process of language acquisition: master's thesis. Univ. Zhengzhou, 2016. 33 p. (In Chin.)

42. 朱德熙. 语法讲义. 北京:商务印书馆, 1999. 231页 = Zhu Dexi. Lectures on grammar. Beijing: Shang'u inshuguan, 1999. 231 p. (In Chin.)

43. 朱一之. 现代汉语语法术语词典. 北京: 华语教学出版社, 1990. 501页 = Zhu Yizhi. Terminological dictionary of modern Chinese grammar. Beijing: Huayu jiaoxue chubanshe, 1990. 501 p. (In Chin.)
44. 池莉. 所以(2012年) // 作品集 (website) = Chi Li. Therefore (2012) // Collection of works (website). URL: <http://chili.zuopin.com/915/> (accessed 24.03.2015). (In Chin.)
45. 余华. 兄弟. 上海: 文艺出版社, 2005. 735页 = Yu Hua. Brothers. Shanghai: Wenyi Chubanshe, 2005. 735 p. (In Chin.)
46. 俞敏洪. 梦在青春在. 北京: 群言出版社, 2014. 256页 = Yu Minhong. Dreams and youth Beijing: Qunyan Chubanshe, 2014. 256 p. (In Chin.)
47. 杨玉玲. 现代汉语语法问答 / 杨玉玲, 应晨锦. 北京: 北京大学出版社, 2011. 266页 = Yang Yuling. Answers to questions on the grammar of modern Chinese. Beijing: Beijing daxue chubanshe, 2011. 266 p. (In Chin.)

Евгения Викторовна БЕРЕЗА, канд. филол. наук, инспектор УМВД России по Амурской области, г. Благовещенск, Россия, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Evgeniia V. BEREZA, Candidate of Philological Sciences, Inspector, Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Amur Region, Blagoveshchensk, Russia, e-mail: kravchenko0992@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 10.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 22.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Научная статья
УДК 32:159.9
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы

Марина Сергеевна ТАНЦУРА

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, tantsura.ms@dvf.ru

Татьяна Павловна ЛЕОНЕНКО

Владивосток, Россия, leonenko.tp@dvf.ru

Аннотация. В статье проводится анализ трансформации массового сознания населения России на протяжении советского и постсоветского периодов. Внимание уделено влиянию конъюнктуры политической системы на ценностные характеристики массового сознания. В ходе исследования выявлено несколько этапов формирования и трансформации советского и постсоветского политического сознания: период становления "советского человека", "позднесоветское" сознание, ресоциализация сознания в годы перестройки, становление "постсоветского" сознания и современный этап трансформации сознания. Представлен анализ всех выделенных этапов.

Ключевые слова: масса, массовое сознание, политическое сознание, политические ценности

Для цитирования: Танцур М.С., Леоненко Т.П. Массовое сознание россиян в контексте трансформации российской политической системы // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 131–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Mass consciousness of Russians in the context of the transformation of the Russian political system

Marina S. TANTSURA

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, tantsura.ms@dvf.ru

Tatyana P. LEONENKO

Vladivostok, Russia, leonenko.tp@dvf.ru

Abstract. The article analyzes the transformation of the mass consciousness of the Russian population during the Soviet and post-Soviet periods. Attention is paid to the influence of the conjuncture of the political system on the value characteristics of the mass consciousness. The study revealed several stages in the formation and transformation of Soviet and post-Soviet political consciousness: the period of formation of the "Soviet person", "late Soviet" consciousness, resocialization of consciousness during the years of "realignment", the formation of "post-Soviet" consciousness and the current stage of transformation of consciousness. An analysis of all the identified stages is presented.

Keywords: mass, mass consciousness, political consciousness, political values

For citation: Tantsura M.S., Leonenko T.P. Mass consciousness of Russians in the context of the transformation of the Russian political system // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 131–137. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/131-137>

Становление новой политической системы в России в 1990-х гг. предопределило трансформацию ценностных характеристик всего российского общества. Подобные изменения привели к кардинальной смене представлений о мире, стране, национальных ценностях и способствовали формированию качественно новых черт психики населения. В условиях постсоветской трансформации общества и кризиса ценностно-идеологического компонента российской идентичности по вектору противостояния "Запад и Восток" проблема изучения массового сознания и определения происходящих в нем изменений актуализировалась необходимо-

стью поиска качественных стратегий взаимодействия власти и массового субъекта для достижения частных и общезначимых политических целей. Мониторинг процесса трансформации существующих в российском массовом сознании политических ценностей позволяет проследить изменения, происходящие с населением страны как субъектом политики с позиций политико-психологического анализа, дает возможность выявлять актуальные политические запросы и исследовать особенности восприятия политической действительности, играющие весомую роль в дальнейшем развитии политической системы России.

Прежде всего стоит уточнить авторское понимание термина "субъект политики". Специфика данного исследования обязывает подходить к понятию максимально широко. Следовательно, подход, определяющий субъект политики как неких лица, группы или движения, которые стремятся к активному воздействию на политическую жизнь и осознанно отстаивают свои интересы с помощью такого ресурса, как власть, является слишком ограниченным. Ограничения заключаются в концентрировании данного понимания на активности и организованности субъекта, а также его рациональном осмыслении своей позиции. Область политической психологии, затрагивающей массовые явления в политике, требует от данного термина большего охвата. В соответствии с данным подходом под субъектами политики понимаются все индивиды, группы, организации, движения и социальные общности (нации, классы, массы и т. д.), соприкасающиеся со сферой политических отношений. Данный подход позволяет включить в спектр возможных субъектов политики огромные социальные общности, не связанные формально друг с другом, но представляющие единый политико-психологический субъект – массу.

Само же массовое сознание в современной науке рассматривается в рамках двух основных метаподходов. С одной стороны, массовое сознание – это форма общественного сознания, заметно проявляющаяся лишь в динамичные периоды развития общества и эта позиция считается хронологически первой в вопросе исследования масс. Её описал и отстаивал классик исследований в области толп Г. Лебон. С другой стороны, массовое сознание рассматривается как самостоятельный феномен, который сосуществует в обществе наряду с сознанием других социальных групп. Х. Арендт утверждала: "Термин "массы" применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых в силу либо просто их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе" [1, с. 24]. Несмотря на то, что Х. Арендт связывает массу с успехами тоталитарных режимов, она обращает внимание на значимость данного субъекта в политической системе и самостоятельность существования наравне с политическими институтами в качестве альтернативы иным организациям, которые могут непосредственно и даже неосознанно влиять на политическую реальность. Однако акцент на негативном характере масс пропадает с развитием так называемой неомарксистской школы исследования массового сознания (В. Райх, А. Грамши, Э. Фромм, Г. Маркузе). С этой точки зрения массовое сознание можно определить как особый вид общественного сознания, свойственный неструктурированным группам людей (массам), являющийся глубинным отражением действительности, которое лишь потом обретает необходимые психологические признаки социальной определенности. Именно эта позиция в трактовке массового сознания лежит в основе данной работы и, по мнению авторов, отражает современные тенденции развития общества.

Говоря о политическом компоненте массового сознания, стоит сказать, что в самом простом своём выражении, оно представляет собой совокупность политических идей, установок, норм, убеждений и ценностей. Само политическое сознание градуируется по уровням (теоретический, эмпирический и обыденный) и по видам субъектов-носителей (индивидуальное, групповое, массовое). В рамках статьи анализу будут подвержены политические ценности обыденного массового сознания россиян на разных этапах развития политической системы.

Перечисленные параметры проанализированы в статье на основе различных эмпирических данных социологических опросов и результатов исследований Е.Б. Шестопал, В.И. Пантина, М.К. Горшкова, О.В. Фетисовой. Работы перечисленных авторов отличаются обширной выборкой, детализованной методикой сбора и анализа эмпирических данных, а также интересными выводами на основе интерпретации полученных результатов.

Изучая массовое сознание советских граждан, исследователи фокусируют внимание на планомерном формировании особой социалистической формы сознания широких масс трудящихся [2, с. 104]. Одной из важнейших целей советского государства, было создание массового субъекта путём "воспитания нового человека". Основные ценности, формировавшие облик массы, сводились к самоотверженности, абсолютному приоритету общественных интересов над личными, непоколебимому уважению к авторитету власти и готовности к принятию материальных лишений во имя будущего. "Новый гражданин должен быть преисполнен пафосом политико-экономических отношений социалистического строительства, ими жить, их любить, в них видеть цель и содержание своей жизни... Человек должен мыслить, как "мы", стать живым полезным соответствующим органом, частью этого "мы". Все личные интересы должны отойти на задний план" [6]. Советское массовое сознание формировалось с минимальным учётом политических, социально-экономических и культурно-ценностных особенностей населения.

Четко структурированная, жестко регламентированная и столь же жестко насаждаемая идеология, сыгравшая мобилизующую и преобразующую роль, сформировала модель эталонного советского человека, который стал символом для подражания: самоотверженный герой труда. "На страницах газет 1930-х гг. появляются мифологизированные образы героев, воспитанных новым, самым прогрессивным на земле общественным строем, – стахановцев, бусыгинцев, летчиков, полярников, строителей новых городов в Сибири и на Дальнем Востоке. [...] Героизм стал узаконенной формой жизни советского человека. [...] Миф о "стране героев" позволяет решить политическому руководству страны две задачи: усиление социального стимулирования ударного труда и внушение советскому человеку мысли о том, что страна Советов является идеальным местом проживания" [5, с. 51]. Последующие репрессии однозначно разделяли советское общество на "белое" и "чёрное", на социалистический идеал и предателей, на героизм и страх, упрощая процесс восприятия и выбора политико-психологических моделей. Впоследствии мы наблюдаем смягчение данного идеологического конструкта, "замыливание" границ. Однако социалистические идеалы, героика идеологически верного и не слишком верного, но допустимого присутствовала и жестко укоренилась в доперестроечном массовом политическом сознании.

Политическая трансформация в рамках самого советского общества сказывалась и на смене основных черт массового субъекта. Период "перестройки" с его гласностью и сложной экономической ситуацией оказывали прямое влияние на массовое сознание населения. В сознании масс формировалась взаимосвязь между успехами перестройки и радикальным отказом от советской действительности пошлых лет (сталинизма, политики репрессий и т. д.). Анализ адресованных власти писем, публикаций в прессе, выступлений на митингах свидетельствует о заметных изменениях в сознании и поведении населения [3, с. 89]. КПСС становится объектом критики со стороны граждан, а скептицизм относительно решений партии начинает превалировать в сознании широких слоёв населения. Социологические исследования второй половины 1980-х гг. отмечают психологический кризис, вызванный растущим разочарованием населения в политических идеалах и ценностях, которые лежали в основе социальной системы СССР, делали ее устойчивой. Если прежде отдельные недостатки объяснялись последствиями войны и империалистическим окружением, то для послевоенного поколения старые аргументы утрачивали силу и рождали новые вопросы, создавался прецедент "все против власти" [9].

Трансформация массового сознания, получившая старт в конце 1980-х и продолжившаяся в 1990-х, характеризуется столкновением двух систем ценностей: традиционной, советской, и новой, ориентированной на ценностные образцы, привнесённые западным типом культуры [10, с. 18]. Однако, несмотря на кажущуюся диаметрально противоположность, эти ценностные системы далеко не всегда враждебны друг другу. В процессе трансформации массового сознания базовые ценности (семья, гуманизм, безопасность, свобода, справедливость [11, с. 208]) имеют высокий уровень востребованности на протяжении всего процесса становления и развития постсоветской государственности. Тем не менее западное понимание ценностей стало доминирующим и образцовым, что легко объяснимо кризисом российской ценностной идентичности, который вызван политической и социальной дестабилизацией в стране, при усилении роли на международной арене могущественных государств на Западе. К этому периоду времени культурно-ценностные образцы, транслируемые политикой США, почти безраздельно доминировали в мире.

Проведённое в 1996 г. Российским независимым институтом социальных и национальных проблем исследование массового сознания и происходящих в нем сдвигов на фоне демократического транзита ставило своей целью отследить качественные характеристики психологического состояния массы по итогам десяти лет реформ. Одним из показательных результатов стоит признать сформировавшийся устойчивый массовый идеал политического лидера. Низкие показатели уровня доверия и поддержки советских и современных политических лидеров указывали на отторжение массой недавнего прошлого и недовольство процессами социально-политической трансформации конца XX в. Наибольшую гордость граждане испытывали за личность и результаты политической деятельности Петра I. Авторы исследования, опираясь на эти и другие данные выдвигали своё объяснение: "Определяющую роль в распространённости петровского мифа играет подсознательное наложение идеализированного восприятия личности Петра на сформировавшийся в русском быденном сознании архетип власти. [...] Власть может быть жесткой, даже жестокой, но "настоящей", "правильной" она является лишь в том случае, когда предлагает "нации-семье" некое общее дело. Зримый образ именно такой власти олицетворяет Петр I, который не только осуществил исторический проект, открывший перед Россией совершенно новые горизонты, но и работал над ним наравне со всеми" [4, с. 78]. Данные исследования также доказали, что российская традиция предопределяет оценку власти массой с точки зрения ценностного порядка, а материальные, прагматические вопросы, касающиеся уровня жизни, повышения благосостояния, хоть и имеют определённый вес, но всё же занимают подчинённое положение.

Данные "Левада-центра" также фиксируют эту динамику, хотя отмечают, что с приходом к власти В. В. Путина и началом активной ресоветизации, образ Петра I к 2012 г. уступает ведущие позиции И. В. Сталину, как наиболее выдающемуся лидеру в истории нашей страны. Лев Гудков (директор "Левада-центра") комментирует трансформацию таким образом: "...началась критика реформ, западной демократии, в противовес которой стали поднимать советские символы, возрождать мифы сталинской модернизации, превращения страны в супердержаву и многое другое. [...] В коллективном сознании доминируют имперские комплексы, отмеченные именами-символами, а их концентрация указывает на усиление консервативных установок" [7]. Мониторинговые исследования массового сознания также демонстрируют, что экстернальный локус контроля является одним из наиболее важных элементов массового сознания, особенно после событий 2014 г. В массовом сознании он проявляется в возложении ответственности за все происходящие события на внешние факторы. Из этого вытекают такие свойства массового сознания, как патернализм, ксенофобия, активный поиск внешнего врага, изоляционизм и прочее [10, с. 19].

Ценностные измерения массового сознания, проведенные Е. Б. Шестопал, также выявляют тенденцию массового запроса на сильное государство, который она

связывает с реакцией на внешнеполитические условия 2014 г., в которых часть населения усмотрела угрозу национальной безопасности. С этим связан и старт тотального идеологического поворота на Восток. С усложнением отношений с западными государствами набрали силу тенденции неприятия западных образцов поведения и ориентации на восточный тип культуры. Можно отметить рост популярности и участвующую трансляцию таких вотсочных ценностей, как коллективизм, традиционализм, законопослушность, в противовес западным индивидуализму, новаторству и стремлению бороться за свои права через легальные способы выражения протеста. Тем не менее в лидеры выбиваются такие общечеловеческие ценности, как свобода и права человека, а также запрос на ответственность как демократическую ценность и активизм, что говорит о постепенном росте гражданской зрелости массы [11, с. 208]. Одновременно мы наблюдаем, что постепенно трансформируется и массовый запрос на характер власти: от политика ждут не только внешней привлекательности, силы, красноречия или личной незапятнанности в коррупционных скандалах, как это было ещё десять лет назад. Появляется запрос на профессионализм, внятную политическую стратегию и внимательное отношение к электорату.

Если с личностью лидера и господствующим запросом к представителям органов государственной власти разных уровней в массовом сознании присутствует некоторая определенность, то проблема смены базовых политических ценностей так и остается нерешенной.

Всесторонний анализ современного массового сознания и его ценностных характеристик провёл В. И. Пантин, опираясь на следующие критерии: отношение к западным ценностям, статус великой державы и формат разделения властных полномочий между структурами государства [8, с. 104]. В ходе данного исследования было установлено, что в российском массовом сознании по перечисленным критериям проходят линии размежевания, которые не позволяют выявить доминирующую позицию.

Таким образом, мы можем наблюдать несколько этапов формирования и трансформации советского и постсоветского политического сознания:

- период становления "советского человека" с его риторикой героизма, политических идеалов и мобилизационной активности;
- трансформация в "позднесоветское" сознание, характеризующаяся ростом политического нигилизма и недоверия к системе государственной власти и политическим лидерам;
- перестройка, сопровождавшаяся процессами шоковой ресоциализации и переоценкой системы ценностей;
- становление "постсоветского" сознания, в котором возродились стремления к сильной власти и отторжению демократических ценностей, а также реализован возврат к имперским ценностным конструктам;
- и, наконец, современный этап трансформации сознания, характеризующийся укоренением размежевания, в котором государство проводит политику ценностной ресоветизации при параллельном развитии в обществе запроса на либерально-демократические политические ценности. На данный момент, получается специфический сплав исторической предрасположенности к постсоветскому культурному наследию, разбавляемый запросом на часть западных ценностей с тенденцией к восточному типу культуры, который в рамках российского массового сознания более дружелюбен России как с политической, так и с ментальной точек зрения.

Таким образом, мы наблюдаем ценностную трансформацию массового сознания россиян. На данный момент невозможно сказать, что ценностные параметры, далеко не столь динамичные, как массовые настроения, которые гораздо быстрее меняются в зависимости смены от политической конъюнктуры и трансформируются в соответствии с ситуацией, стали устойчивым основанием для современного российского общества. Изменения в массовом сознании в последние тридцать лет не привели к кардинальной смене ценностных ориентиров общества, измене-

ния происходят и сейчас, приводя к постепенному размежеванию мнений и позиций внутри общества. Говорить о целостных и непротиворечивых ценностных системах в рамках исследования массового сознания в России пока не приходится: столкновение либеральных (и не обязательно западных) ценностей с традицией сильного государства и управления не дает возможности достигнуть консенсуса в политико-психологическом поле и провоцирует неоднородность российского массового субъекта.

Процесс трансформации требует огромного внимания исследователей к этой проблеме из-за масштабов влияния ценностного фактора на все отношения, существующие в социальной системе. Дальнейшее наблюдение за тенденциями изменения ценностных образцов позволит не только понимать и прогнозировать последующие социальные трансформации всех сфер общества, но и своевременно реагировать на негативные и нежелательные тренды в общественном сознании, корректировать деструктивные и дестабилизирующие ценности. Дополнительные исследования по данному направлению необходимы для определения релевантного для современного российского массового сознания вектора ценностного развития.

Литература

1. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии. 1992. №2. С. 24–31.
2. Баранова В. М. Формирование массового сознания в СССР // Исторический путь России: из прошлого в будущее: материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского / под ред. С. И. Бугашева, А. С. Минина. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2021. С. 103–107.
3. Бригадина О. В. Жизнь в эпоху перемен: массовое сознание и повседневные практики советского населения в годы перестройки (1985–1991) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 3. С. 87–93.
4. Горшков М. К. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов / А. В. Авилова, А. Л. Андреев, Л. Г. Бызов, М. К. Горшков [и др.] // Мир России. Социология. Этнология. 1996. №2. С. 75–116.
5. Демидова Т. В. Образ идеального советского человека в печати СССР 1930-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №4-1 (18). С. 50–52.
6. Луначарский, А. В. Воспитательные задачи советской школы // Хрестоматия по педагогике / сост. М. Г. Бушканец, Б. Д. Леухин. М.: Просвещение, 1976. 432 с.
7. Мухаметшина Е. "Мы поняли, что советский человек никуда не уходит" // Ведомости. (сайт). URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek> (дата обращения: 17.12.2021).
8. Пантин В. И. Массовое сознание в современной России: размежевания, противоречия, сопряжения // Вестник Института социологии. 2015. №1(12). С. 100–117.
9. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991. монография // М.: Директ-Медиа, 2019. 655 с. doi: 10.23681/499416.
10. Фетисова О. В. Массовое сознание и его трансформация в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. 2017. №4 (196). С. 16–20.
11. Шестопал Е. Б. Сдвиги в массовом политическом сознании России перед президентскими выборами 2018 г. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 203–220.

References

1. Arendt H. Masses and totalitarianism // Questions of sociology. 1992. No. 2. P. 24–31. (In Russ.).
2. Baranova V. M. Formation of mass consciousness in the USSR // The historical path of Russia: from the past to the future: materials of the international scientific conference dedicated to the 800th anniversary of the birth of Grand Duke Alexander Nevsky. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2021, P. 103–107. (In Russ.).
3. Brigadina O. V. Life in the era of change: mass consciousness and everyday practices of the Soviet population during the years of perestroika (1985–1991) // Journal of the Belarusian State University. History. 2017. No. 3. P. 87–93. (In Russ.).
4. Gorshkov M. K., Avilova A. V., Andreev A. L., Byzov L. G. Mass consciousness of Russians in the period of social transformation: reality against myths // World of Russia. Sociology. Ethnology. 1996. No. 2. P. 75–116.

(In Russ.).

5. Demidova T. V. The image of the ideal Soviet person in the press of the USSR in the 1930s // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2012. No. 4-1 (18). P. 50–52. (In Russ.).

6. Lunacharskij A. V. Educational tasks of the Soviet school // Reader in Pedagogy. Moscow: Education, 1976, 432 p. (In Russ.).

7. Muhametshina E. "We realized that the Soviet people are not going anywhere" // Vedomosti. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek> (accessed 12.17.2021). (In Russ.).

8. Pantin V. I. Mass consciousness in modern Russia: demarcations, contradictions, conjugations // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. No. 1(12). P. 100–117. (In Russ.).

9. Pihoya R. G. The Soviet Union: the history of power. 1945–1991. monograph // Moscow: Direct-Media, 2019, 655 p. doi: 10.23681/499416. (In Russ.).

10. Fetisova O. V. Mass consciousness and its transformation in modern Russian society // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2017. No. 4 (196). P. 16–20. (In Russ.).

11. Shestopal E. B. Shifts in the mass political consciousness of Russia before the presidential elections in 2018 // Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 41. P. 203–220. (In Russ.).

Марина Сергеевна ТАНЦУРА, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: tantsura.ms@dvfu.ru

Татьяна Павловна ЛЕОНЕНКО, магистр политологии, г. Владивосток, Россия, e-mail: leonenko.tp@dvfu.ru

Marina S. TANTSURA, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Political Science Department, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: tantsura.ms@dvfu.ru

Tatyana P. LEONENKO, Master of Political Science, Vladivostok, Russia, e-mail: leonenko.tp@dvfu.ru

Поступила в редакцию

(Received) 15.03.2022

Одобрена после рецензирования

(Approved) 23.11.2022

Принята к публикации

(Accepted) 09.12.2022

Научная статья
УДК 297 (571.6)
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/138-149>

Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного федерального округа: история и современность

Светлана Михайловна ДУДАРЕНОК

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, dudarenoksv@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется история проникновения и деятельность радикальных исламских организаций в двух субъектах Дальневосточного Федерального округа – Республике Бурятия и Забайкальском крае. На основе анализа Интернет-источников, а также результатов исследований бурятских и забайкальских учёных выявлены особенности деятельности салафитских организаций в указанных регионах; отмечена роль "русских мусульман" в формировании идеологии и деятельности радикальных исламских организаций; выявлены формы и методы борьбы властных структур с радикалами.

Ключевые слова: ислам, радикальные исламские организации, Республика Бурятия, Забайкальский край, "русские мусульмане", органы власти, мигранты, исламская мифология

Для цитирования: Дударенок С.М. Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного федерального округа: история и современность // Известия Восточного института. 2022. № 4. С. 138–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/138-149>

Original article

<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/138-149>

Radical Islam in the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal Territory: History and modernity

Svetlana M. DUDARENOK

Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok, Russia, dudarenoksv@gmail.com

Abstract. The article analyzes the history of penetration and the activities of radical Islamic organizations in two subjects of the Far Eastern Federal District – the Republic of Buryatia and Trans-Baikal Territory. Based on the analysis of Internet sources, as well as the results of research by Buryat and Trans-Baikal scientists, the features of the activities of Salafi organizations in these regions are revealed; the role of "Russian Muslims" in the formation of the ideology and activities of radical Islamic organizations is noted; the forms and methods of struggle of power structures with radicals are revealed.

Keywords: Islam, radical Islamic organizations, the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal Territory, "Russian Muslims", authorities, migrants, Islamic mythology

For citation: Dudarenok S.M. Radical Islam in the Republic of Buryatia, the Trans-Baikal Territory: History and modernity // Oriental Institute Journal. 2022. № 4. P. 138–149. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-4/138-149>

Введение

Постановка проблемы. События последнего десятилетия XX в. показали, что наиболее серьезным идеологическим вызовом целостности российского ислама и всех традиционных религий России, включая христианство и буддизм, стал вызов радикального ислама, который специалисты называют салафизмом или "чистым исламом", а традиционные мусульманские лидеры – ваххабизмом [15, с. 112–128].

Если прежде главными целями миссионерства салафитов были в основном регионы компактного проживания мусульман, то на современном этапе идет настойчивое проникновение салафизма в поликонфессиональное пространство России, традиционно отличающееся стабильностью и спокойствием. Одним из таких регионов является российский Дальний Восток.

© Дударенок С.М., 2022

Актуальность темы исследования определяется необходимостью научного анализа причин распространения радикального ислама на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО); роль в этом процессе мигрантов из стран Центральной Азии; выявление основных групп последователей радикального ислама в ДФО и мер профилактики противоправного поведения как членами радикальных исламских организаций, так и их единичными последователями.

Целью данной статьи является анализ деятельности основных групп последователей радикального ислама в двух субъектах Дальневосточного федерального округа - в Республике Бурятия и Забайкальском крае.

Историография проблемы. Различные проявления "исламского фактора" в жизни России, причины радикализации российского ислама и история деятельности различных радикальных организаций начинают все чаще привлекать внимание исследователей. Данным проблемам посвятили ряд своих исследований Д.С. Вояковский, И.П. Добаев, А.В. Малашенко, Р.Р. Сулейманов, О.С. Черевков, М.Я. Яхьяев [9; 11; 19; 20; 30; 32; 33; 36] и многие другие.

Различные проявления "исламского фактора" в жизни Дальнего Востока России, особенно в контексте формирования так называемого "полярного ислама" [26], начинают привлекать внимание и дальневосточных исследователей [12; 13; 14; 24; 25; 35]. Данной проблеме посвятили свои кандидатские диссертации хабаровские социологи Э.В. Королева и Н.В. Шульженко [16; 34].

Заметным событием в историографии проблемы является выход в свет книги "Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность", в которой рассмотрена история дальневосточной уммы с момента ее возникновения до наших дней [21], а также статьи А. Малашенко и А. Старостина, посвященной этим же проблемам [18].

Несмотря на наличие определенного интереса к истории дальневосточной уммы, многие проблемы, связанные с жизнью и деятельностью мусульман, взаимодействию мигрантов с принимающим сообществом, риски, связанные с неконтролируемой миграцией, распространением радикального ислама в ДФО и угроз в связи с этим национальной безопасности, не нашли еще достаточного освящения в научной литературе.

Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ деятельности радикального ислама в жизни Бурятии и Забайкалья; выявление и распространение исламизма в этих субъектах ДФО; отношение к радикальному исламу общества и власти. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на метод научного описания.

Последователей радикального ислама в Российской Федерации можно разделить на три группы. Первая – это мусульмане Северного Кавказа и мигранты из стран Центральной Азии. Вторая – татары и башкиры, попавшие под влияние радикальных проповедников. Наконец, третья группа – это представители народов, исторически не исповедующих ислам, воспринявшие его "модернизированную" форму. "Русские мусульмане" сравнительно немногочисленны, но, по замечанию одного из ведущих российских исламоведов Р.Р. Сулейманова, они поставили террористическому подполью больше рекрутов, чем российские татары [30, с. 8–39].

Радикальный ислам в последнее десятилетие, благодаря своему "наднациональному характеру", стал одной из форм социального протеста. Проповедники радикальных исламских организаций обещают своим последователям решение земных и духовных проблем через обращение к "истинной" вере. Если прежде главными целями миссионерства салафитов были в основном регионы компактного проживания мусульман, а также активная борьба с христианством, то на современном этапе идет настойчивое проникновение салафизма в поликонфессиональное пространство России, традиционно отличающееся стабильностью и спокойствием. Одним из таких регионов является Дальневосточный федеральный округ (ДФО).

Радикальный ислам в субъектах Дальневосточного Федерального округа (ДФО)

В связи с явлением трудовой миграции ДФО, как и большинство российских регионов, стал принимающей стороной для сотен выходцев из стран ближнего зарубежья, в т. ч. и стран, где ислам считается господствующей религией (Азербайджан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Особенностью образа жизни этих мигрантов является закрытая общинность, слабая инкорпорированность в принимающее общество. Отсюда возможная почва для будущих конфликтов в силу разности культур и ценностных восприятий [См.: 24, с. 156–167; 25, с. 17–26].

Распространение салафизма в ДФО нельзя объяснить только притоком мигрантов. Главная причина его популярности кроется в том, что салафизм стал реакцией на ограниченность традиционного ислама, на его неспособность давать ответы на острые жизненные, в том числе политические вопросы.

Негативные события, происходящие в исламском мире, с каждым годом оказывают все возрастающее влияние на население Юго-Восточной и Центральной Азии, которое в большей или меньшей мере идентифицирует себя как часть этого мира. Данный фактор нельзя исключать и для понимания религиозной ситуации в Дальневосточном федеральном округе в первые два десятилетия XXI в. Можно предположить, что появление салафизма в ДФО было неизбежно – миграция этнических мусульман во многом ему способствовала, тем более у советских и постсоветских мусульман религиозное образование и информированность о событиях в большой (мировой) умме, были крайне поверхностными. В позднесоветский период не только рядовые верующие, но и духовенство находилось под надзором правоохранительных органов.

В ДФО в постсоветский период действовали или действуют несколько радикальных организаций, состоящих как из мигрантов, так и из местного мусульманского населения. В их числе запрещенные на территории России "Исламская партия Туркестана" (ИПТ, прежнее название – "Исламское движение Узбекистана" – ИДУ)*, "Хизб ут-Тахрир аль-Ислами"*; "Имарат Кавказ"*; "Таблиги Джамаат"*; "Нурджулар"*; "Хайят Тахрир аш-Шам"*; "Джебхат ан-Нусра"*; "Катиба Таухид валь-Джихад"* и др. Все перечисленные организации признаны в РФ экстремистскими и террористическими и запрещены.

27 августа 2015 г. секретарем Совета безопасности РФ Н.П. Патрушевым было сделано заявление о проникновении на российский Дальний Восток "Исламского государства" (ИГ)*¹, деятельность которого в России запрещена судом. Глава Службы безопасности отметил, что террористическая группировка "Исламское государство" пытается вербовать в свои ряды трудовых мигрантов, которые работают на Дальнем Востоке России. "С развитием интернет-коммуникаций, появлением различных социальных сетей, расстояния, отделяющие Дальний Восток от других регионов мира, в том числе Ближнего Востока, не мешают попыткам вербовки трудовых мигрантов в ряды ИГИЛ". По его словам, "сейчас как в таежных поселках, так и в крупных городах Дальнего Востока пытаются незаконно легализоваться граждане других государств, среди которых могут быть и подозреваемые в причастности к международным террористическим и экстремистским организациям и незаконным вооруженным формированиям", что в дальневосточном регионе "в той или иной степени отмечаются угрозы национальной безопасности" [10].

* Организация, деятельность которой запрещена в РФ.

¹ "Исламское государство" (ИГ), ранее "Исламское государство Ирака и Леванта" (ИГИЛ)* – международная исламистская экстремистская террористическая организация. Действовала преимущественно на территории Сирии и Ирака фактически как непризнанное квазигосударство (провозглашенное как всемирный халифат 29 июня 2014 г.) с шариатской формой правления и штаб-квартирой в сирийском г. Эр-Ракке. Помимо Сирии и Ирака, ИГ или связанные с ним группировки контролируют небольшие территории в Афганистане, Египте, Йемене, Ливии, Нигерии, Сомали, Конго; ведут террористическую деятельность на Северном Кавказе, в Алжире, Индонезии, Ливане, Пакистане, Саудовской Аравии, Тунисе, Филиппинах и др. странах.

Наиболее активно радикальные организации действовали в Дальневосточном федеральном округе в нулевые и десятые годы, но и в настоящее время почти во всех субъектах ДФО отмечены случаи деятельности исламских радикалов.

Несмотря на то, что в последнее время деятельность радикалов по ряду обстоятельств значительно снизилась, угроза дестабилизации обстановки как в России в целом, так и в субъектах ДФО в частности по-прежнему сохраняется.

В различных субъектах Дальневосточного федерального округа деятельность салафитских организаций имеет свою специфику. Правоохранительные органы субъектов ДФО также различаются по методам и формам деятельности, направленной на пресечение или профилактику правонарушений последователями радикального ислама. Рассмотрим особенности деятельности исламских радикальных организаций в ДФО на примере двух субъектов – Республики Бурятия и Забайкальского края.

Радикальный ислам в Республике Бурятия

Первые упоминания о появлении исламского экстремизма в Бурятии относятся к 2008 г. В этом году в Улан-Удэ был арестован проповедник агрессивного исламизма Бахтияр Умаров, находившийся в международном розыске [7]. В Узбекистане, откуда он родом, ему инкриминировались ряд уголовных статей, связанных с преступлениями антигосударственного характера и терроризмом. Бахтияр Умаров, член "Исламского движение Узбекистана" (ИДУ)² и "Таблиги Джамаата" ("Группа посланников")³, перебрался в Бурятию в 2001 г. и на протяжении семи лет проповедовал в республике радикальный ислам среди выходцев из Центральной Азии. В 2009 г. он был депортирован в Узбекистан.

Наиболее ярким выразителем негативного образа ислама не только для дальневосточников, но и для всего населения России в 2000-е гг. стал уроженец Бурятии, идеолог движения "Имарат Кавказ"⁴ Александр Тихомиров, более известный как Саид Бурятский (Саид абу Саад аль-Бурятти). Он был убит 2 марта 2010-г. в ходе спецоперации в ингушском селе Экажево. Позднее, 6 марта, российские спецслужбы сообщили, что располагают видеозаписью с обращением Бурятского, снятой за несколько минут до его смерти. На записи Тихомиров читает последнюю проповедь и прощается с товарищами. Это видео закрепило за ним образ шахида – верующего, принявшего мученическую смерть во имя Аллаха – и включило образ Сайда Бурятского в современную исламскую мифологию, частью которой является агиография шахидов [33, с. 121–122].

Об Александре Тихомирове известно, что он родился в 1982 г., был сыном бурята и русской, но воспитывался отчимом-чеченцем. Учился в Улан-Удэ в школе № 51, ислам принял в 15 лет, позже увлёкся его салафитским толкованием. В конце 1990-х гг. Саид Бурятский учился в Москве в медресе "Расуль Акраме", об-

² Исламское движение Узбекистана* – исламистская террористическая организация, созданная в 1996 г. бывшими членами ряда запрещённых в Узбекистане политических партий и движений, включая "Адолат уюшмаси" ("Общество справедливости"), "Исламская партия Возрождения", "Исламская партия Туркестана", "Ислам Лашкарлари" ("Воины Ислама") и др. Политическим руководителем движения стал Тахир Юлдашев, руководителем военного звена – Джума Ходжиев (Намангани). 4 февраля 2003 г. Верховный суд РФ признал организацию террористической и запретил её деятельность на территории России. В 2003 г. группировка сменила название на "Исламское движение Туркестана". ИДУ рассматривается в качестве террористической организации многими странами мира, включая США.

³ Джамаат Таблиг* – запрещенное в России в 2009 г. и ряде других стран религиозное движение, организованное в 1926 г. в Индии Мауланой Мухаммадом Ильясом. Главной целью движения считается духовное преобразование в исламе посредством работы участников на уровне широких масс людей и обращения к мусульманам вне зависимости от их социального и экономического статуса с целью приблизить их к религиозной практике ислама, указанной пророком Мухаммедом.

⁴ Имарат Кавказ* (Кавказский эмират) – сепаратистская исламская террористическая организация, действовавшая на Северном Кавказе и ставившая своей целью создание независимого исламского государства (эмирата) на его территории. Кавказский эмират был провозглашён 7 октября 2007 г. президентом непризнанной Чеченской Республики Ичкерия (ЧРИ) в изгнании Доку Умаровым, с последующим преобразованием Чеченской Республики Ичкерия в "Вилайят Нохчийчо" (Ичкерия) в составе Имарата Кавказ. После смерти всех известных лидеров Имарата Кавказ почти все полевые командиры ИК присягнули на верность террористам ИГИЛ в 2015–2016 гг.

учался в медресе "Аль Фуркан" в г. Бугуруслане в Оренбургской области, где получил исламское образование у арабских преподавателей-волонтеров из Медины. С 2002 по 2005 г. Александр Тихомиров обучался в центре изучения арабского языка "Фаджр", изучал теологию в известном университете Аль-Азхар в Египте, а затем у различных авторитетных ученых-шейхов в Египте и Кувейте. После возвращения из Кувейта он занимался самообразованием, работал в религиозном издательстве "Умма" в Москве, служил при Московской соборной мечети.

Примерно с 2002 г. Саид Бурятский начал записывать и распространять диски с аудиозаписями с исламской тематикой. Большой популярностью стали пользоваться его лекции "Праведные предшественники", "Путешествие в вечную жизнь", "Талбис Иблис" (в переводе с арабского – "Покрывало сатаны"), "100 историй гибели несправедливых" и др.

Активная просветительская деятельность, красноречие и мурджиитские взгляды Саида Бурятского сделали его большим авторитетом в среде молодежи России и стран СНГ. В 2008 г., когда северокавказские боевики провозглашают создание так называемого Эмирата Кавказ, им удается убедить Саида Бурятского примкнуть к их рядам и уйти в вооруженное подполье.

В мае того же 2008 г. Александр Тихомиров тайно прибыл на Северный Кавказ, где встретился с лидером кавказских сепаратистов, "военным амиром Эмирата Кавказ" Доку Умаровым и приносит ему присягу. В своей лекции "Как я вышел на джихад и что я здесь увидел" Саид Бурятский фактически легитимизировал сепаратистское вооруженное сопротивление как религиозное, объявив, что на Кавказе идет священная для мусульман война - джихад.

Считается, что с привлечением Саида Бурятского кавказские сепаратисты одержали очень важную идеологическую победу в душах верующих. На Кавказ начали стекаться сотни добровольцев со всего бывшего Советского Союза, для которых Саид Бурятский был непререкаемым авторитетом, своего рода "духовным Че Геварой" [17].

Вслед за аль-Ваххабом Саид Бурятский проповедовал строгое разделение людей на правоверных мусульман и кяфиров – "неверных" – и призывал своих сторонников вести против последних священную войну – Джихад. "Аллах пообещал нам, что кяфиры будут побеждены. Но пока Умма не объединится, никто из нас не может рассчитывать на быструю победу. Почему? Потому что Пророк сказал: "У того, кто отделяется от джамаата, с шеи снимается кольцо ислама". Поэтому все мы – мусульмане, и нет среди нас такфиритов, хариджитов, хабашитов и прочих сектантов. И наша акыда (вероубеждения – авт.) едина", – утверждает идеолог в тексте "Наставление и напоминание". Здесь Саид Абу Саад следует традиции ортодоксального суннизма и критикует шиитов, суфиев и последователей других течений, отталкиваясь от коранического призыва: "Держите прямо веру и не разделяйтесь в ней!" (Кор., 42:11).

Его видеообращения, лекции и беседы имели огромный эффект и привлекли в ряды сепаратистов массу молодых боевиков. Саид Бурятский лично подготовил несколько десятков шахидов – "живых бомб". Его появление в далекой от исламского мира Бурятии - свидетельство высокого интеллектуального потенциала в исламе вероятных неопитов из представителей населения, никогда исторически не исповадавшего его.

В том же 2008 г. на сетевых ресурсах Бурятии активизировались комментаторы, выступавшие в защиту Бахтияра Умарова и Саида Бурятского. Они открыто позиционировали себя приверженцами радикального ислама, делали различные агрессивные заявления, и даже открыто угрожали оппонентам физической расправой. Причем, они занимались этой деятельностью все последующие годы. Предположительно, это были Жаргал Дарханов, Салман Цыбиков и члены их ячейки [1].

В 2010 г. в Бурятии было отмечено присутствие экстремистской организации "Таблиги Джамаат" ("Группа посланников"). На стенах домов в Улан-Удэ были за-

фиксированы агрессивные воззвания, сделанные самодельным трафаретом: "Молись русский, молись бурят, сыны Аллаха объявляют тебе джихад".

В марте 2011 г. суд Улан-Удэ вынес обвинительный приговор 32-летнему гражданину Киргизии Самагану Алдакулову, который был признан виновным в разжигании религиозной розни и распространении идей радикального исламского учения экстремистского характера "Таблиги Джамаат". Следствием было установлено, что с мая 2009 по апрель 2010 г. Самаган Алдакулов возглавлял миссионерские группы, которые проповедовали идеи запрещенной в России экстремистской организации "Таблиги Джамаат" в Бурятии, а также в соседних регионах, в частности, в Забайкальском крае, Амурской области, Хабаровском крае [5].

Самаган Алдакулов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282 УК России (участие в религиозном объединении, деятельность которого признана экстремистской и запрещена Верховным судом РФ). Ему было назначено наказание в виде 10 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком в один год.

Движение "Таблиги Джамаат" основано в 1926 г. в Индии, исламским богословом Муалана Мухаммад Ильясом – ревностным сторонником деобандского направления ислама⁵. Доктрина направления отличается радикализмом и нетерпимостью к другим формам ислама. Основана на учении, что "истинная вера" должна вытеснить все другие религии.

Под конец 1990-х гг. миссионеры "Таблиги Джамаат" появляются в странах Центральной Азии и преимущественно в государствах СНГ. С 2006 по 2010 г. "Таблиги Джамаат" было признано экстремистским, а его деятельность была официально запрещена в исламских Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане и Кыргызстане. "Таблиги Джамаат" обвинили в вербовке новичков в террористические организации. В 2009 г. Верховный суд России также признал экстремистской "Таблиги Джамаат" и запретил ее деятельность на территории страны. По оценкам западных спецслужб, до 80% исламских экстремистов вышли из рядов "Таблиги Джамаат".

Методика привлечения новых членов в "Таблиги Джамаат" такая же, как в любой другой секте: новичок присоединяется к ячейке "Таблиги Джамаат"; наставник устанавливает ему правила жизни, которые тот должен выполнять беспрекословно; религиозной литературой прививается ненависть ко всему, что идет вразрез с вероучением "Таблиги Джамаат". В итоге человек становится фанатиком. Организация имеет над ним абсолютную власть - в быту, в духовной жизни, в поведении с другими людьми. От личности верующего ничего не зависит, за него все решает наставник. Наиболее активным предлагают четырехмесячную дополнительную подготовку в центре движения в Пакистане. Там к "ученикам" присматриваются представители террористических групп и предлагают пройти военную тренировку [2].

В 2013 г. в Бурятии отмечена деятельность запрещенной в России исламистской организации "Нурджулар"* [4] – турецкого религиозного сообщества, образовавшегося после Первой мировой войны на основе тафсиров Корана известного турецкого теолога шейха Саида Нурси (1876–1960). По неподтвержденной версии некоторых экспертов, данная религиозная организация продвигает идею тюркского превосходства и необходимости объединения исламского мира под эгидой Анкары с конечной целью создания "чистого государства" на основе "просвещенного шариата". Хотя сам Саид Нурси курд по национальности.

В 2008–2014 гг. каких-либо активных действий экстремисты в Бурятии не проявляли, за исключением активной пропаганды в социальных сетях, в которых салафитские агитаторы не прекращали агрессивную пропаганду и угрозы инакомыслящим в бурятском сегменте Интернета. При этом они выражали поддержку

⁵ Деобандское течение в исламе (название произошло от мусульманского университета в г. Деобанд близ Дели, Индия) – одно из двух наиболее влиятельных исламских движений в Южной Азии. Его сторонники занимают откровенно антизападные позиции и считают, что мусульманин должен придерживаться исламских традиций во всем – вплоть до одежды и предметов быта.

некоторым журналистам, известным симпатиям к неопанмонголизму, а также искали поддержку на сетевых дискуссионных площадках бурятских националистов, чем наглядно показывали, что радикальные течения склонны сближаться.

Активность в сети бурятских салафитов стала спадать после того как стали известны имена их предполагаемых лидеров. И полностью сошла на нет в конце 2015 г. Но наличие в республике радикально настроенных людей меньше не стало. Об этом говорят следующие факты. В ноябре 2015 г. в одной из сетей супермаркетов Улан-Удэ распространили ориентировку на сторонницу ИГИЛ, гражданку Таджикистана Марджону Аланазарову. По информации руководства торговой сети, это было сделано по требованию УМВД Бурятии [6].

В августе 2015 г. выездная комиссия Московского окружного военного суда вынесла приговор жительнице села Хоронхой Кяхтинского района Бурятии Ольге Титаренко, наказав её штрафом в размере 200 тыс. рублей. Причина – публичное оправдание террористической деятельности ИГИЛ [15].

В 2016 г. бывший заключённый исправительной колонии № 8 на территории Бурятии Виктор Луковенко, давая интервью СМИ, рассказал о существовании в ней крепкой и опасной ячейки исламистов [3]. Пресс-служба бурятского УФСИН с возмущением отрицала эти заявления. Что тем не менее не может на 100% гарантировать, что В. Луковенко говорил неправду или что-то сильно приукрашивал.

В 2017 г. Управлением ФСБ России по Республике Бурятия начались оперативно-розыскные мероприятия в отношении гражданина РФ Дарханова Жаргала Ильича, 22 октября 1982 г. рождения, уроженца г. Улан-Удэ, в отношении которого возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ ("Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации") [8].

За преступление, в котором подозревается Жаргал Дарханов, предусмотрена ответственность до 20 лет лишения свободы и штраф 500 тыс. рублей. В 2019 г. его местонахождение и участь были неизвестны. По информации правоохранительных органов, в 2017 г. он с женой и двумя детьми транзитом через Турцию выехал в Сирийскую Арабскую Республику, чтобы вступить в ряды боевиков ИГИЛ [23].

О Жаргале Дарханове известно не так уж много: окончил БГУ, некоторое время работал преподавателем, пробовал заниматься бизнесом, проживал в микрорайоне Энергетик, мать – бывший сотрудник МВД, одно время симпатизировал БРО КПРФ и был в числе активистов, хотя формально в партии не состоял. По сведениям источников, был в Бурятии одним из лидеров ячейки салафитов, которую возглавлял Солбон Цыбыков, в исламе принявший имя Салман [1; 31].

В мае 2021 г. МВД РФ по Республике Бурятия приняло решение о нежелательности пребывания в стране гражданина Киргизии Н.И. По мнению правоохранительных органов, Н.И. "придерживается радикальных форм ислама, поддерживает идеологию "Таблиги Джамаат" и осуществляет поиск сподвижников". Поэтому ему отказано в получении российского гражданства, а его пребывание на территории РФ признано нежелательным [29].

Перечисленные инциденты показывают, что угроза исламского экстремизма для Бурятии – не пустая. В Республике есть люди, сочувствующие мусульманским террористам, и даже готовые поехать к ним, чтобы вступить в их ряды.

Радикальный ислам в Забайкальском крае

С 1989 г. на территорию Забайкальского края стали активно прибывать уроженцы Северного Кавказа и государств Центральной Азии, а в 1990 г. в Забайкалье была воссоздана мусульманская община во главе с Р. Габдрахмановым [21]. Мигранты привезли в Забайкалье наследие исторических конфликтов, происходящих между народами бывшего СССР. В результате в 2000-е гг. в Забайкалье осложнились отношения между киргизской, таджикской, узбекской, северокавказской и татаро-башкирской общинами.

С момента возрождения мусульманской общины в Забайкалье получила широкое распространение идеология "Таблиги Джамаат": сборник-книга "Фазаиль Амали" ("Ценности деяний"), автором которого является основоположник "Табли-

ги Джамаат" Маулана Ильяс Кандехлеви, имел хождение в крае вплоть до 2010 г. [33, с. 223].

Его распространители отрицали возможность связи содержания "Фазаиль Амали" с организацией "Таблиги Джамаат" и, кроме того, указывали на заявления мусульманских лидеров и средств массовой информации о том, что "Таблиги Джамаат" всегда занималась пропагандой и не была замечена в экстремизме. Однако проповедь этих идей сопровождалась опасениями со стороны немусульманской, а также мусульманской части населения, исповедующей традиционный для этих территорий ислам [13, с. 23–30].

Весной 2010 г. прокуратура Забайкальского края совместно с УФСБ России по Забайкальскому краю провела проверку фактов распространения в г. Чите и регионе книги-сборника "Фазаиль Амали", содержащей материалы, признанные решением Абаканского городского суда экстремистскими. По материалам проверки следственным отделением УФСБ России по Забайкальскому краю 25 марта 2010 г. было возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Российской Федерации Нургазы Кыдыралиева, являющегося неформальным лидером местной ячейки сторонников международного религиозного объединения "Таблиги Джамаат", деятельность которого решением Верховного суда Российской Федерации в мае 2009 г. признана экстремистской и запрещена.

Суд признал 32-летнего жителя Читы Н. Кыдыралиева виновным в "организации деятельности экстремистской организации" и назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 1,5 года условно с испытательным сроком в 1,5 года. По версии следствия, Кыдыралиев вступил в организацию в 2004–2005 гг., проживая в Киргизии. Переехав в Читу, организовал работу объединения в Забайкалье, лично возглавлял миссионерские группы, занимался популяризацией идеи объединения, содержащих, в частности, призывы к "джихаду". В марте 2010 г. деятельность организации в Забайкалье была пресечена, были задержаны более 20 участников движения. По мнению следствия, проповедники "Таблиги Джамаат" сосредоточены на замещении традиционного для России ислама его радикальными течениями; кроме того, члены этого объединения замечены в связях с террористами, в том числе с "Аль-Каидой" [27].

Н. Кыдыралиев и его сподвижники О. Абдувалиев, Д. Айылчиев, Ф. Гулумбетов и Б. Орзбаев читали и оглашали вслух в мечети книгу "Фазаиль Амали". Согласно заключению судебной экспертизы, проведенной по инициативе прокуратуры Забайкальского края, содержание книги "Фазаиль Амали" "является экстремистским, поскольку направлено против организаций, официально представляющих ислам на территории Российской Федерации, против исламских и неисламских народов, проживающих в ней", кроме того "Таблиги Джамаат" не признает государства в качестве легитимного образования [33, с. 224–225].

Идеология "Таблиги Джамаат" в нулевые годы была довольно популярной среди новообращенных мусульман Забайкалья славянского происхождения. Так, например, в конце 1990-х гг. житель Читы Виталий Чернобровкин принял ислам и отправился в Чечню, где проходил обучение в одном из лагерей полевого командира Хаттаба. С 2001 по 2008 г. он отбывал заключение в колонии строгого режима в Забайкалье, а после освобождения вновь отправился на Северный Кавказ и присоединился к группе Абдул Малика Алиева. В августе 2009 г. его уничтожили силовики в ходе спецоперации в селе Кантышево Назрановского района Ингушетии.

На стороне боевиков воевал и житель г. Борзи Забайкальского края Сергей Фокин, убитый силовиками в 2000-е гг. А в 2012 г. суд в Карачаево-Черкесии обвинил в терроризме Владимира Аверьянова, несколько лет проживавшего в столице Забайкалья. На присоединение к боевикам В. Аверьянова подтолкнул управляющий делами читинской мечети Муса Камурзоев [33, с. 226–227].

В октябре 2010 г. Ингодинский районный суд Читы приговорил М.М. Камурзоева к трем годам лишения свободы за незаконное хранение взрывного устройства, обнаруженного сотрудниками ФСБ в Соборной мечети. Взрывное устройство было

изъято 30 апреля в результате осуществления сотрудниками службы профилактических мероприятий, направленных на недопущение террористических и экстремистских проявлений на территории Забайкальского края [28].

В средствах массовой информации Забайкальского края была распространена информация, что М.М. Камурзоев участвовал в подготовке теракта, который якобы должен был произойти в Чите 9 мая 2010 г. во время Парада Победы. Дальнейшего подтверждения эта информация не нашла, но поскольку День Победы является одним из наиболее прочных позитивных и интеграционных образов современной России, факт посягательства на него спровоцировал негативную реакцию населения.

В обращении представителей семи этнических общин Забайкальского края к губернатору края Р.Ф. Гениатулину указывается, что "за период руководства Камурзоевым мусульманская община оказалась в упадке и фактически на грани раскола. Многие мусульмане отказывались посещать Соборную мечеть, стремясь совершать религиозные обряды и читать молитвы у себя дома" [33, с. 227]. Это обращение свидетельствует о наличии значительных внутриисламских противоречиях в мусульманской умме Забайкалья и различных образов этой религии в общественном сознании жителей региона.

В настоящее время радикальное подполье в Забайкалье практически прекратило свое существование. Во многом это произошло благодаря прибытию в Читу нового муфтия и сотрудничества руководства общины с правоохранительными органами, представителями властных структур, образовательными учреждениями по вопросам профилактики экстремизма и терроризма [22].

Заключение

Подводя итоги анализу распространения и деятельности на территории Республики Бурятия и Забайкальского края радикального ислама можно сделать несколько выводов.

Во-первых, процессы, происходящие в мусульманской умме Бурятии и Забайкальского края, являются частью перемен в российской умме: увеличение в составе местных мусульманских общин мигрантов из стран Центральной Азии и из регионов Северного Кавказа. Мигранты принесли в Бурятию и Забайкалье радикальные формы ислама, которые местное мусульманское население не знало.

Во-вторых, активность мусульман в Республике Бурятия и в Забайкальском крае в нулевые и десятые годы была включена в общий процесс продвижения ислама по территории Российской Федерации. Несмотря на географическую удаленность от конфликтов, связанных с активностью радикального ислама, исламские радикалы Забайкалья и Бурятии не были от них изолированными, они не только принимали участие в деятельности радикальных организаций, но некоторые из них выступали идеологами радикальных исламских организаций (Саид Бурятский, Виталий Чернобровкин).

В-третьих, для предотвращения возникновения и роста радикальных исламистских организаций в Республике Бурятия и Забайкальском крае необходимо обратить особое внимание на переход в ислам этнических русских. Из международного и российского опыта известно, что мусульманские неопиты особенно склонны к радикализму. Органам власти необходимо знать, какого характера религиозная работа ведется в мечетях, какие проповеди читают имамы. С другой стороны, при работе с мигрантами, исповедующими ислам, важно действовать тактично, не провоцируя их, избегая бессмысленных запретов на религиозную литературу и создание молитвенных домов.

В-четвертых, важным фактором победы над исламским радикализмом является продуманная социально-экономическая и конфессиональная политика. Проблемы конфессиональных взаимоотношений должны быть контролируемы не

только нормами веры и уважения, а прежде всего строгим исполнением конституционных прав.

Литература

1. Алтанова К. Щупальца ваххабизма проникли и в Бурятию URL: <https://ulan-ude.sm.news/shhupalca-vaqhabizma-pronikli-i-v-buryatiyu-4704/> (дата обращения: 17.02.2022).
2. Буряты заигрались в интернационализм и толерантность? URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=23093&postdays=0&postorder=asc&start=180&sid=8406a3d650fee32d4cb099dd0da8d36e> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Бывший заключённый колонии в Улан-Удэ рассказал, как радикальный ислам закрепляется в тюрьмах URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/205855/> (дата обращения: 19.02.2022).
4. В Бурятии была женская ячейка радикального исламистского движения "Нурджулар" URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/74994/> (дата обращения: 10.02.2022).
5. В Бурятии осужден проповедник радикального исламского учения "Таблиги Джамаат" URL: https://fedpress.ru/federal/polit/society/id_223918.html (дата обращения: 17.02.2022).
6. В торговых сетях Улан-Удэ размещена ориентировка на сторонницу ИГИЛ URL: <https://primamedia.ru/news/475306/> (дата обращения: 20.02.2022).
7. В Улан-Удэ за терроризм задержан имам Бахтияр Умаров URL: <https://www.newsru.com/russia/23nov2008/imam.html> (дата обращения: 17.02.2022).
8. В федеральный розыск объявлен уроженец Бурятии Жаргал Дарханов URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7023132> (дата обращения: 18.02.2022).
9. Вояковский Д.С., Юнусова А.Б. Интервенция радикальных идеологий в российское исламское пространство. Уфа: БГПУ, ИЗИ УНЦ РАН, 2011. 92 с.
10. Глава Совбеза: ИГИЛ на Дальнем Востоке вербует мигрантов. URL: <https://nazaccent.ru/content/17366-glava-sovbeza-igil-na-dalнем-vostoke.html> (дата обращения: 25.02.2022).
11. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. 332 с.
12. Дударенок С.М. Особенности формирования и тенденции развития религиозного пространства Дальнего Востока в постсоветских период // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. Вып. 52. С. 323–344.
13. Жуков А.В. Верования деабандийского ислама на территории Забайкалья: социальный аспект // Вестник ЧитГУ. 2010. № 4 (61). С. 23–30.
14. Жуков А.В., Баринев И.А. Образы ислама на конфессиональном поле Забайкальского края. Чита: ЗабГУ, 2014. 133 с.
15. Игнатенко А.А. Эндогенный радикализм в исламе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 2 (8). С. 112–128.
16. Королева Э.В. Мусульмане в социально-стратификационной структуре российского общества (на примере Приморского края): автореф. дис. ...канд. соц. наук. Хабаровск, 2006. 22 с.
17. Майтанов В. Саид Бурятский убит, но успел вовлечь в "джихад" некоторых молодых казахов URL: https://rus.azattyq.org/a/Said_Buryatskiy_Said_Abu_Saad_alBuryati_Alexander_Tikhomirov/1975721.html (дата обращения: 18.02.2022).
18. Малашенко А., Старостин А. Ислам на российском Дальнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2016. № 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/islam-na-rossijskom-dalнем-vostoke/> (дата обращения: 11.02.2022).
19. Малашенко А.В. Ислам для России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 192 с.
20. Малашенко А.В. Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Весь мир, 2006. 221 с.
21. Мусульмане на Дальнем Востоке России: история и современность (монография). А.С. Гарифуллин, Р.Н. Павлинова, Д.В. Руденкин, А.Н. Старостин /автор-составитель, главный редактор А.Н. Старостин; руководитель проекта, отв. редактор А.С. Гарифуллин. Казань: Типография "Алгоритм+", 2020. 656 с.
22. Надеюсь, что Читинское медресе станет главным исламским образовательным центром для мусульман Сибири и Дальнего Востока URL: http://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/nadejus_что_chitinskoe_medrese_stanet_glavnym_islamskim_obrazovatelnyм_centrom_dlja_musulman_sibiri_i_dalнего_vostoka/4-1-0-41337 (дата обращения: 20.02.2022).
23. Намжилов Г. В федеральный розыск объявлен уроженец Бурятии Жаргал Дарханов URL: <https://burunen.ru/news/incidents/66789-v-federalnyy-rozysk-obyavlen-urozhenets-buryatii-zhargal-darkhanov/> (дата обращения: 20.02.2022).
24. Николаев Э.А. Буддийско-исламские диалоги: конфликт или мирное сосуществование? // Вестник БНЦ СО РАН. 2015. №2(18). С. 156–167.
25. Николаев Э.А. Исламизм в буддийском пространстве России // Вестник БНЦ СО РАН. 2014. № 4(16). С. 17–26.

26. Омаров М.А., Магомедов А.К. Полярный ислам в постсоветской России: рождение феномена в контексте "новой" этно-социальной мобильности // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2020. № 4. С. 103–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polyarnyy-islam-v-postsovetskoj-rossii-rozhdenie-fenomena-v-kontekste-novoy-etno-sotsialnoy-mobilnosti> (дата обращения: 29.01.2022).
27. Осужден главарь местных экстремистов URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489579> (дата обращения: 19.02.2022).
28. Самодельное взрывное устройство изъято у жителя Читы URL: <https://www.chita.ru/news/22375/> (дата обращения: 19.02.2022).
29. Сергеев С. Бизнесмена Бурятии заподозрили в связях со сторонниками радикального ислама URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/98336/> (дата обращения: 18.02.2022).
30. Сулейманов Р.Р. Русские мусульмане: классификация групп, проблема радикализма, отношение к ним в России // Мусульманский мир. 2015. № 4. С. 8–39.
31. ФСБ разыскивает уроженца Бурятии после возбуждения против него дела о терроризме URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7023132> (дата обращения: 18.02.2022).
32. Черевков О.С. Проблематика противодействия религиозно-политической идеологии исламизма в контексте обеспечения национальной безопасности России // Россия и мусульманский мир. Научно-информационный бюллетень. 2021. № 3 (321). С. 5–19.
33. Шангараев Р.П. История ислама и мусульманских народов России. Хрестоматия. Казань: ИД "МедДок", 2020. 308 с.
34. Шульженко Н.В. Исламский фактор в социальных процессах на Дальнем Востоке России: автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. социолог. наук (22.00.04. – Социальная структура, социальные институты и процессы). Хабаровск, 2009. 24 с.
35. Ярков А., Старостин А. Мусульмане Камчатского края в панораме веков и обстоятельств // Мусульманский мир. 2018. № 2. С. 24–28.
36. Яхьяев М.Я. Причины радикализации ислама в современном мире // Исламоведение. 2012. № 2. С. 4–14.

References

1. Altanova K. The tentacles of Wahhabism also penetrated into Buryatia. URL: <https://ulan-ude.sm.news/shhupalca-vaxhabizma-pronikli-i-v-buryatiyu-4704/> (accessed 17.02.2022).
2. Have the Buryats played with internationalism and tolerance? URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=23093&postdays=0&postorder=asc&start=180&sid=8406a3d650fee32d4cb099dd0da8d36e> (accessed 17.03.2022).
3. A former prisoner of the colony in Ulan-Ude told how radical Islam is gaining a foothold in prisons. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/205855/> (accessed 19.02.2022).
4. In Buryatia there was a female cell of the radical Islamist movement "Nurdzhular". URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/20/74994/> (accessed 10.02.2022).
5. A preacher of the radical Islamic doctrine "Tablighi Jamaat" was convicted in Buryatia. URL: https://fedpress.ru/federal/polit/society/id_223918.html (accessed 17.02.2022).
6. In the retail chains of Ulan-Ude, there is an orientation for a supporter of ISIS. URL: <https://primamedia.ru/news/475306/> (accessed 20.02.2022).
7. Imam Bakhtiyar Umarov was detained for terrorism in Ulan-Ude. URL: <https://www.newsru.com/russia/23nov2008/imam.html> (accessed 18.02.2022).
8. A native of Buryatia, Zhargal Darkhanov, was put on the federal wanted list. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7023132> (accessed 17.02.2022).
9. Voyakovskii D.S., Yunusova A.B. Intervention of radical ideologies in the Russian Islamic space. Ufa: BSPU, IEI UNC RAS, 2011. 92 p.
10. Head of the Security Council: ISIS recruits migrants in the Far East. URL: <https://nazaccent.ru/content/17366-glava-sovbeza-igil-na-dalnem-vostoke.html> (accessed 25.02.2022).
11. Dobaev I.P. Radicalization of Islam in modern Russia. Moscow – Rostov-on-Don: Social and humanitarian knowledge, 2014. 332 p.
12. Dudarenok S.M. Features of the formation and development trends of the religious space of the Far East in the post-Soviet period // Dialogue with time. Almanac of Intellectual History. 2015. Issue 52. P. 323–344.
13. Zhukov A.V. Beliefs of Deabandian Islam on the territory of Transbaikalia: social aspect // Bulletin of the ChitGU. 2010. No. 4 (61). P. 23–30.
14. Zhukov A.V., Barinov I.A. Images of Islam on the confessional field of the Trans-Baikal Territory. Chita: ZabGU, 2014. 133 p.
15. Ignatenko A.A. Endogenous radicalism in Islam // Central Asia and the Caucasus. 2000. No. 2 (8). P. 112–128.
16. Koroleva E.V. Muslims in the socio-stratification structure of Russian society (on the examples of Primorskii Krai): abstract of dis. ...cand. social sciences. Khabarovsk, 2006. 22 p.

17. Maitanov V. Said Buryatskii was killed, but managed to involve some young Kazakhs in the "jihad". URL: https://rus.azattyq.org/a/Said_Buryatskiy_Said_Abu_Saad_alBuryati_Alexander_Tikhomirov/1975721.html (accessed 18.02.2022).
18. Malashenko A., Starostin A. Islam in the Russian Far East // Russia in global politics. 2016. No. 4. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/islam-na-rossijskom-dalnem-vostoke/> (accessed 11.02.2022).
19. Malashenko A.V. Islam for Russia. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. 192 p.
20. Malashenko A.V. Islamic alternative and Islamic project. M.: Ves Mir, 2006. 221 p.
21. Muslims in the Russian Far East: history and modernity (monograph). A.S. Garifulin, R.N. Pavlinova, D.V. Rudenkin, A.N. Starostin / author-compiler, editor-in-chief A.N. Starostin; project manager, responsible editor A.S. Garifulin. Kazan: Algorithm+ Printing House, 2020. 656 p.
22. I hope that the Chita Madrasah will become the main Islamic educational center for the Muslims of Siberia and the Far East. URL: http://www.info-islam.ru/publ/mnenija/intervju/nadejus_cho_chitinskoe_medrese_stanet_glavnym_islamskim_obrazovatelnyim_centrom_dlja_musulman_sibiri_i_dalnego_vostoka/4-1-0-41337 (accessed 20.02.2022).
23. Namzhilov G. A native of Buryatia, Zhargal Darkhanov, was put on the federal wanted list. URL: <https://burunen.ru/news/incidents/66789-v-federalnyy-rozysk-obyavlen-urozhenets-buryatii-zhargal-darkhanov/> (accessed 20.02.2022).
24. Nikolaev E.A. Buddhist-Islamic Dialogues: Conflict or Peaceful Coexistence? // Bulletin of the Belarusian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2015. No. 2 (18). P. 156–167.
25. Nikolaev E.A. Islamism in the Buddhist space of Russia // Bulletin of the Belarusian Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2014. No. 4(16). P. 17–26.
26. Omarov M.A., Magomedov A.K. Polar Islam in post-Soviet Russia: the birth of a phenomenon in the context of the "new" ethno-social mobility // Bulletin of the Moscow State Regional University (Electronic journal). 2020. No. 4. P. 103–113.
27. Leader of local extremists convicted. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1489579> (accessed 29.01.2022).
28. An improvised explosive device was confiscated from a resident of Chita. URL: <https://www.chita.ru/news/22375/> (accessed 19.02.2022).
29. Sergeev S. Businessman of Buryatia was suspected of links with supporters of radical Islam. URL: <https://gazeta-n1.ru/news/society/98336/> (accessed 19.02.2022).
30. Suleimanov R.R. Russian Muslims: classification of groups, the problem of radicalism, attitude towards them in Russia // Muslim world. 2015. No. 4. P. 8–39.
31. The FSB is looking for a native of Buryatia after initiating a terrorism case against him. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/7023132> (accessed 18.02.2022).
32. Cherevkov O.S. The problem of countering the religious and political ideology of Islamism in the context of ensuring the national security of Russia // Russia and the Muslim world. Scientific information bulletin. 2021. No. 3 (321). P. 5–19.
33. Shangaraev R.R. History of Islam and the Muslim peoples of Russia. Reader. Kazan: Publishing House "MedDoc", 2020. 308 p.
34. Shulzhenko N.V. Islamic factor in social processes in the Far East of Russia: abstract of diss... cand. soc. sciences (22.00.04. - Social structure, social institutions and processes). Khabarovsk, 2009. 24 p.
35. Yarkov A., Starostin A. Muslims of the Kamchatka Territory in the panorama of centuries and circumstances // Muslim world. 2018. No. 2. P. 24–28.
36. Yakhyaev M.Ya. Causes of the Radicalization of Islam in the Modern World // Islamic Studies. 2012. No. 2. P. 4–14.

Светлана Михайловна ДУДАРЕНОК, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток, Россия, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Svetlana M. DUDARENOK, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Socio-Political Research, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Поступила в редакцию
(Received) 24.04.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 21.11.2022

Принята к публикации
(Accepted) 09.12.2022

Информация для авторов

К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не выходившие в русскоязычных изданиях. Предоставление автором/авторами рукописи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде. Принятие рукописи к публикации предполагает бесплатную бессрочную передачу автором/авторами текста неисключительных авторских прав редакции.

Предоставляя рукописи в редакцию журнала, авторы тем самым подтверждают согласие с принципами публикационной этики издания и процедурами обработки рукописей (см. детали на сайте издания).

В работе с рукописями редакция исходит из существования нескольких жанров научных текстов: 1) научная статья, 2) отчет о работе круглого стола/научного семинара, 3) научная рецензия, 4) публикация исторического источника и научный комментарий к нему, 5) сообщение о научном событии. Разделение на жанры преследует цель совершенствования научной экспертизы рукописей и дифференцированного подхода к текстам разного назначения. Обобщенно редакция выделяет жанр статьи и жанр материалов (с поджанрами; см. ниже).

Стремясь к совершенствованию исследовательской практики научного сообщества, редакция понимает под научной статьёй отчет о логически завершённом исследовании познавательной проблемы, осуществлённом посредством применения научного метода. Соответственно, характерной чертой научной статьи является её методолого-методическая насыщенность, признаками которой являются а) чёткое описание объекта, предмета, цели и задач исследования, б) обсуждение и оценка фактологической и методолого-методической основы исследования, в) обобщение и выводы. Именно эти четыре признака лежат в основе различения "статей" и "материалов" в практике редакционной работы.

Материалы включают следующие поджанры:

- материалы круглого стола/семинара – стенограмма или авторские материалы научного обсуждения актуальной познавательной проблемы;
- научная рецензия – критический отзыв на публикацию, раскрывающий её содержание и дающий оценку её познавательного значения;
- научный комментарий к историческому источнику – текст, сопровождающий публикацию документа, задающий его исторический контекст, разъясняющий необходимые детали (упоминаемые в нём события и персоналии и т. п.), дающий оценку документа как источника по указываемым в комментарии познавательным проблемам;
- сообщение о научном событии – краткий обзор одного или нескольких научных событий (конференций, семинаров и т. п.), включающий содержательное мнение автора о значении этих событий для развития области знаний.

Рукописи статей подлежат научному рецензированию. Рукописи иных материалов проходят редакционную экспертизу на предмет соответствия тематическому профилю журнала и научно-познавательной актуальности.

Рукописи проходят редакционный отбор. Рукописи, не соответствующие содержательно-тематическому профилю журнала, редакционным требованиям к оформлению и комплектности, не рассматриваются.

Рукописи статей публикуются в порядке их поступления в редакцию. Редакция журнала оставляет за собой право сокращать и редактировать рукописи статей, а также переносить их публикацию в один из ближайших номеров. Право на первоочередную публикацию имеют статьи членов редколлегии журнала, а затем статьи аспирантов и докторантов.

Один автор (индивидуально и в соавторстве) не может опубликовать в журнале в течение календарного года более двух статей.

Доля заимствований из предыдущих публикаций автора в рукописи, направляемой им в журнал, не может превышать 25%.

Плата за публикацию статей не взимается, гонорар не выплачивается. Авторские экземпляры иногородним авторам не высылаются.

Требования к оформлению направляемых в редакцию материалов

1. Формат файла должен быть совместим с Microsoft Office Word.
2. Файл не должен содержать встроенных стилей и специального форматирования.
3. Формат страницы А4. Поля страницы: верхнее и нижнее – 2 см, правое – 1,5 см, левое – 2,5 см.
4. В заголовках не применять ЗАГЛАВНЫЕ символы без необходимости, простановка буквы "ё" в тексте рукописи обязательна.
5. Шрифт Times New Roman, размер знака 14 пт, межстрочный интервал 1,5.
6. Объём основного текста присылаемых рукописей (без учета аннотаций и списка литературы):
 - статей – от 0,5 до 1,0 авторского листа (20–40 тыс. знаков с пробелами);
 - материалов в рубрику "Научная жизнь" – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков);
 - комментариев к историческому источнику (в рубрику "Архив") – не более 0,3 авт. листа (12 тыс. знаков), текст исторического источника не должен превышать 1,0 авт. листа (40 тыс. знаков);
 - материалов в рубрику "Рецензии" – не более 0,5 авт. листа (20 тыс. знаков).
7. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов) на русском языке и их транслитерация латиницей, название статьи (на русском и английском языках), аннотация (на русском и английском языках), ключевые слова (на

- русском и на английском языках), текст статьи, список использованной литературы, список сокращений (если есть), подписи к рисункам и диаграммам (если есть), информация об авторе (авторах) на русском и английском языках.
8. Аннотация должна включать информацию о предмете, методологии и результатах исследования. Объём аннотации на русском языке – 500 (± 100) знаков, на английском языке – 1000 (± 100) знаков.
 9. Количество ключевых слов и фраз 5–7, количество слов внутри ключевой фразы не более 3 – так, чтобы общее количество слов не превышало 15. Ключевые слова должны быть упорядочены – от общих, соответствующих проблеме, к частным, отражающим детали исследования, методику.
 10. Текст рукописи может включать не более двух уровней заголовков.
 11. Ссылки в тексте статьи являются внутритекстовыми и оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведённой цитаты или упомянутого факта. В случае одновременной ссылки на несколько работ, сами ссылки помещаются внутрь одной пары скобок и отделяются друг от друга точкой с запятой.
 12. Ссылка на неопубликованный архивный или иной документ внутритекстовая, она не помещается в список литературы. Такая ссылка оформляется круглыми скобками.
 13. В случае, если рукопись включает таблицы, иллюстрации, диаграммы, в тексте должны быть ссылки на эти объекты.
 14. Таблицы, иллюстрации, диаграммы должны снабжаться поясняющей подписью, в которой даются название/заголовок и указывается авторство или источник происхождения: ссылка на элемент списка литературы, неопубликованный источник, иная ссылка.
 15. В силу того, что изображения в текстовый файл не вставляются, поясняющие подписи к иллюстрациям помещаются после списка литературы особым списком (даже если иллюстрация одна). Все подписи к иллюстрациям необходимо сопровождать переводом на английский язык.
 16. Рисунки, карты и т. п. принимаются в наиболее распространённых графических форматах (eps, ai, jpeg, bmp, tif) отдельными файлами с разрешением 300–450 dpi; вставлять графический файл в текстовый не следует!
 17. Имя графического файла с иллюстрацией – порядковый номер иллюстрации в рукописи.
 18. Диаграммы должны быть представлены в исходном виде, а не как рисунок, т. е. сопровождаться таблицей данных. Для этого диаграммы необходимо выполнять и предоставлять в формате электронных таблиц Microsoft Excel. Каждая диаграмма должна быть расположена на отдельном листе файла электронной таблицы.
 19. Ввиду чёрно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трёх цветов (чёрный, белый, серый 50%).
 20. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых, ГОСТ Р 7.0.12-2011) обязательна и даётся в конце текста рукописи после списка литературы.
 21. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учёта соавторов и хронологии.
 22. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на кириллице, далее на латинице, и после на других системах письма.
 23. В одном пункте списка литературы не может быть больше одной ссылки на один том издания.
 24. Библиографическое описание элементов списка литературы выполняется по ГОСТу Р 7.0.100–2018 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления" (см. образец оформления рукописи).
 25. Ссылка на работу, опубликованную на восточном языке, должна включать описание на языке оригинала и полный перевод описания данной публикации на русский язык.
 26. При наличии у цитируемой публикации идентификатора цифрового объекта (doi), его необходимо указывать.
 27. Русскоязычный список литературы должен сопровождаться его англоязычной версией ("References"). В "References" после полного перевода описания неанглоязычной публикации на английский должен быть указан ее оригинальный язык. Например: (In Russ.). Порядок расположения публикаций в списке литературы и "References" идентичен. Транслитерация неанглоязычных имен и фамилий выполняется по стандарту BSI (British Standards Institution).
 28. Сведения об авторе (авторах) рукописи должны включать: фамилию, имя, отчество, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, адрес электронной почты, ORCID (при наличии).
 29. Присылаемому файлу (файлам) следует присваивать только фамилию автора (первого автора). В случае, если рукопись имеет нескольких авторов, редакция ведёт переписку с первым автором.
 30. Материалы представляются в редакцию в электронном виде без архивации в виде набора файлов. Адрес электронной почты: izvestyavi@yandex.ru

**Обращаем внимание авторов,
что рукописи статей, подготовленные с нарушением вышеуказанных требований,
редакцией к рассмотрению не принимаются.**

ИЗВЕСТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА

№ 4 (56) • 2022

Ответственный редактор А. А. Киреев
Корректор О. А. Золотухина
Компьютерная верстка В. Н. Караман
Дизайн обложки Е. А. Андреева

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-36364 от 20 мая 2009 г.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Дальневосточный федеральный университет", 690922, Приморский край, г. Владивосток, о.Русский, п. Аякс, 10.

Цена свободная

Дата выхода в свет 28.12.2022.
Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 14,98.
Тираж 100 экз.
Заказ 363.

Отпечатано в типографии Издательства Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

ISSN 2542-1611

9 772542 161006